П. Розенталь (П. Ро-ль).

ВОКРУГЪ ПЕРЕВОРОТА.

ПУТИ РЕВОЛЮЦІЙ.

Революція. Эволюція. Возстаніе. Анархія. Дворцовая, военная, народная, буржуазная, соціалистическая революція. Періодичность. Интернаціонализмъ. Подражаніе. Революція и война. Циклъ революцій. Предреволюціонная фаза. Контръ-революція. Государственный переворотъ. Реставрація. «Кривыя» революціи. Оружіе. Баррикады. Армія. Стихійность. Эмблемы революціи.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КНИГА"
1917.

П. Розенталь (П. Ро—ль).

ВОКРУГЪ ПЕРЕВОРОТА.

ПУТИ РЕВОЛЮЦІЙ.

Революція. Эволюція. Возстаніе. Анархія. Дворцовая, военная, народная, буржуазная, соціалистическая революція. Періодичность. Интернаціонализмъ. Подражаніе. Революція и война. Циклъ революцій. Предреволюціонная фаза. Контръ-революція. Государственный переворотъ. Реставрація. „Кривыя" революціи. Оружіе. Баррикады. Армія. Стихійность. Эмблемы революціи.

Издательство „КНИГА".

Петроградъ, Невскій, 74, тел. 131-49.

ОТДѢЛЕНІЯ: Петроградъ, Стремянная, 11, тел. 648-42.
Москва, Б. Садовая, д. Пигитъ, 10, кв. 33, тел. 5-60-22.

Тип. Акц. О-ва „Альфа“, Театр. пл., 4.

Предлагаемая книжка, въ первоначальномъ своемъ видѣ была напечатана заграницей въ началѣ 1905 года, во время первыхъ раскатовъ надвигавшейся революціи („Какъ происходили революціи въ Зап. Европѣ“, ч. I). Потомъ она была переиздана въ 1906 году въ Россіи, но была конфискована. Въ настоящемъ изданіи она подвергнута основательной переработкѣ. Нѣкоторыя главы опущены, двѣ прибавлены, остальныя измѣнены и дополнены соотвѣтственно новыми данными послѣдняго бурнаго періода. Вторая часть этой работы („Отъ переворота до Учредительнаго Собранія“) уже вышла изъ печати. Слѣдующіе выпуски будутъ посвящены *дѣятельности Учредительныхъ Собраній* и *закату революцій*.

П. Р.

30 мая 1917 г.
Дѣйствующая армія.
Галиція.

ВОКРУГЪ ПЕРЕВОРОТА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Что такое революція?

а) «*Не революція, а анархія*».

Въ декабрѣ 1905 года Карлъ Каутскій писалъ:

«*Теперь* уже для самыхъ близорукихъ стало ясно то, въ чемъ, еще годъ тому назадъ, сомнѣвались многіе даже въ нашихъ кругахъ: въ настоящее время въ Россіи совершается *революція*, которая по своей силѣ и значенію можетъ быть поставлена рядомъ съ двумя величайшими революціями, какія до сихъ поръ видѣла исторія, — съ англійской XVII-го и съ французской XVIII-го в.в.».

Каутскій въ данномъ случаѣ преувеличивалъ. И тогда находилось на Руси не мало людей, которые ни за что не соглашались называть совершавшіяся у насъ великія явленія ихъ настоящимъ именемъ. Смута, анархія, крамола—все, что угодно, только не революція.

Исторія эта—старая, но всякій разъ она повторяется вновь.

Кто изъ читателей не слышалъ про краткій разговоръ, которымъ обмѣнялись 14 іюля 1789 года французскій король Людовикъ XVI и его оберъ-гардеробмейстеръ герцогъ де-Ліанкуръ? Ни живъ, ни мертвъ прилетѣлъ старый придворный къ своему повелителю сообщить пренепріятное извѣстіе—про взятіе Бастиліи.

— Ахъ, — воскликнулъ Людовикъ XVI,—да это—настоящій бунтъ!

— Нѣтъ, Ваше Величество, — отвѣтилъ съ огорченіемъ де-Ліанкуръ,—это не бунтъ, а революція!

Весьма похожая сценка повторилась черезъ 58 лѣтъ въ другой самодержавной странѣ—въ Австріи. 13 марта 1848-го года народныя массы Вѣны, возбужденныя побѣдоноснымъ шествіемъ

революціи во Франціи, Италіи и южной Германіи, двинулись къ императорскому дворцу съ требованіемъ конституціи. Одна депутація за другой проникла во-внутрь, предъявляя то же требованіе. Меттернихъ, отецъ европейской реакціи, полвѣка управлявшій Австріей, сталъ стыдить одну бюргерскую депутацію, что она придаетъ значеніе обыкновенному уличному буйству.

— Ваше сіятельство!—отвѣтилъ ему одинъ изъ бюргеровъ.— Это не уличное буйство, а революція!

— Неправда!—разсердился Меттернихъ,—это просто евреи, поляки, итальянцы и швейцарцы мутятъ народъ!

Однако, не прошло и нѣсколькихъ часовъ, какъ всесильный властитель, задававшій тонъ всей Европѣ, стремительно убѣгалъ изъ взбунтовавшейся столицы въ Англію,—въ ту самую ненавистную Англію, противъ которой онъ столько разъ рвалъ и металъ за то, что она давала у себя убѣжище политическимъ изгнанникамъ. И въ это время «уличные буяны» громили и разносили его роскошную виллу.

Полгода спустя, 18 ноября 1848 года, вспыхнула революція въ Папской Области. Папа Григорій IX бѣжалъ, была провозглашена Римская республика, выбрано временное правительство, созвано Учредительное Собраніе на основѣ всеобщаго избирательнаго права,—однимъ словомъ, водворился такой образцовый порядокъ, о которомъ и мечтать нельзя было подъ владычествомъ его святѣйшества. Но клерикальному реакціонному большинству французскаго Учредительнаго Собранія совсѣмъ не понравилось, что такъ невѣжливо обошлись съ главою католиковъ и что лишили его свѣтской власти. Имъ очень хотѣлось вмѣшаться и силой водворить въ Римѣ старый порядокъ. Но какъ придраться? Вѣдь, въ Римѣ произошло какъ разъ то, что недавно случилось въ самомъ Парижѣ. Неужели они, члены Учредительнаго Собранія, обязаннаго своимъ существованіемъ революціи, граждане только что возникшей республики, пойдутъ душить въ чужой странѣ революцію и республику?

Выходъ изъ затруднительнаго положенія былъ, однако, скоро найденъ. Клерикалы и реакціонеры стали твердить, что въ Римѣ происходитъ не революція, а а н а р х і я. Анархію же душить Богъ велѣлъ.

Тщетно волновался и выходилъ изъ себя при видѣ такого лицемѣрія Ледрю-Ролленъ, глава демократической партіи.

— Какъ!—восклицалъ онъ въ парламентѣ 8 января 1849 г.— Неужели кто-либо изъ васъ осмѣлится сказать, что въ Римѣ совершается анархія, а не революція? Смотрите, будьте осторожнѣе, потому что съ тѣмъ же правомъ и вамъ смогутъ бросить въ лицо упрекъ, что событіе 24-го февраля было анархіей!

Какъ извѣстно, клерикалы добились-таки своего. Молодая

Римская республика была задушена французскими войсками. «Анархія» была сокрушена, и папа вернулся, чтобы открыть вакханалію мести и разгрома.

«Высшіе классы,—писалъ Плехановъ,—склонны всегда именовать «бунтами» тѣ революціонныя движенія, которыя ознаменовываются преобладающимъ участіемъ въ нихъ народа». Эту тайну разъяснилъ еще Огюстенъ Тьерри въ своихъ статьяхъ объ англійскихъ революціяхъ. Англійская буржуазія совершенно различнымъ образомъ относится къ двумъ революціямъ, которыя совершились въ Англіи въ XVII вѣкѣ. Революція 1688 года, которая кровопролитіемъ не сопровождалась и привела къ замѣнѣ династіи Стюартовъ домомъ Оранскимъ, они называютъ «славной» революціей; но предшествующую ей великую революцію 1642—1649 г.г., совершившуюся казнью Карла I и провозглашеніемъ республики, они называютъ «великимъ бунтомъ». Тамъ народныя массы почти вовсе не принимали участія, здѣсь—онѣ играли огромную роль.

У насъ, въ Россіи, въ 1905 году реакціонныя партіи проявляли то же стремленіе употреблять всевозможныя «ругательныя» слова и избѣгать слова «революція», въ которомъ невольно чувствуется что-то закономѣрное, роковое, своего рода высшій судъ. Реакціонная печать не переставала кричать про крамолу, про измѣну, смуту, бунтъ, про заговоръ евреевъ, поляковъ, латышей, эстонцевъ, финляндцевъ, армянъ и т. д., и т. д. Когда вспыхнуло московское возстаніе, нововременскій Іудушка Меньшиковъ писалъ, что происходящее въ Россіи нельзя назвать революціей. Революція, молъ, явленіе справедливое, она ведетъ къ добру и противъ нельзя ничего имѣть. Но у насъ происходитъ не революція, а «война» инородцевъ противъ коренного русскаго населенія, «заговоръ» противъ Россіи, противъ ея единства, цѣлостности и могущества и т. д., и т. д. Мораль была отсюда та, что крамольниковъ нужно безъ пощады истреблять.

б) Революція и эволюція.

Слово «революція»—латинскаго происхожденія, означаетъ переворотъ и противополагается слову «эволюція», подъ которымъ понимается медленное развитіе, постепенное измѣненіе. «Все течетъ, все измѣняется», говорилъ еще нѣсколько тысячъ лѣтъ назадъ греческій философъ Гераклитъ. Но перемѣны въ природѣ совершаются то исподволь и незамѣтно, то стремительно и ярко. Медленно накапливается электричество въ воздухѣ, и вотъ внезапно сверкаетъ молнія, раздаются громовые раскаты, и проносится ливень. Много десятковъ лѣтъ подрываетъ рѣка, невидимо для всѣхъ, берегъ, и вдругъ въ одинъ прекрасный день скала съ грохотомъ обрушивается въ воду.

Въ предисловіи къ своему сочиненію, вышедшему въ 1859 году подъ заглавіемъ «Къ критикѣ политической экономіи», Карлъ Марксъ въ сжатыхъ выраженіяхъ излагаетъ свою теорію экономическаго матеріализма и указываетъ тѣ глубокія причины, которыя вызываютъ революцію и дѣлаютъ ее неизбѣжной. Правда, онъ имѣетъ тамъ въ виду великіе соціальные перевороты, но тѣ же самыя причины влекутъ за собой и политическія революціи, которыя къ тому же часто, но не всегда, сопровождаютъ соціальные перевороты и сопровождаются ими.

«На извѣстной ступени своего развитія,—говоритъ Марксъ,—матеріальныя производительныя силы общества впадаютъ въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями, или, употребляя юридическое выраженіе, съ имущественными отношеніями, среди которыхъ онѣ до сихъ поръ дѣйствовали. Изъ формъ развитія производительныхъ силъ эти отношенія дѣлаются ихъ оковами. Тогда наступаетъ эпоха кризисовъ»...

Производительныя силы общества безостановочно возрастаютъ, безпрерывно совершенствуются средства производства, техника, обмѣнъ, пути сообщенія и т. д; въ соотвѣтствіи съ этимъ возникаютъ новые общественные классы. Они растутъ въ численности и въ значеніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ развивается сознаніе ихъ классовыхъ интересовъ. При этомъ, однако, не существуетъ яснаго пониманія совершающихся внутри общества глубокихъ измѣненій. Внѣшняя оболочка остается такою же, какъ раньше: тотъ же политическій строй, то же политическое господство отживающихъ классовъ, тѣ же законы, отношенія собственности и т. д. Возникаетъ рѣзкое противорѣчіе между содержаніемъ и формой. Политическій и правовой строй далеко переживаетъ тѣ условія, къ которымъ онъ былъ приспособленъ. Положеніе становится невыносимымъ. Бьетъ послѣдній часъ отжившаго порядка. Новые классы, возникшіе въ нѣдрахъ стараго общества, пытаются сбросить свои цѣпи. Вспыхиваетъ революція... Какъ цыпленокъ развивается внутри яйца подъ вліяніемъ теплоты своей матери, такъ развиваются новые классы внутри стараго политическаго строя; и какъ цыпленокъ, достигнувъ зрѣлости, разбиваетъ клювомъ скорлупу и выходитъ на свободу, такъ точно новые классы сокрушаютъ въ своемъ стремительномъ натискѣ оболочку обветшалаго строя.

«Ни одна общественная формація,—продолжаетъ Марксъ,—не погибаетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ производительныя силы, для которыхъ она даетъ достаточно простора, и новыя, высшія производственныя отношенія никогда не появляются на свѣтъ раньше, чѣмъ созрѣютъ матеріальныя условія ихъ существованія въ лонѣ стараго общества. Поэтому, человѣчество ставитъ себѣ всегда только такія задачи, которыя оно можетъ рѣшить, такъ какъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, всегда окажется, что сама

задача только тогда выдвигается, когда существуютъ уже матеріальныя условія, необходимыя для ея разрѣшенія, или когда они, по крайней мѣрѣ, находятся въ процессѣ возникновенія».

Это означаетъ вотъ что. Когда въ странѣ начинается революціонное движеніе, когда громко и настойчиво начинаютъ требовать политическихъ и соціальныхъ реформъ, когда эти требованія становятся лозунгомъ цѣлыхъ общественныхъ классовъ, когда огромныя народныя массы готовы идти на смертный бой для завоеванія себѣ правъ, то, значитъ, наступило время для осуществленія новаго порядка. И горе тѣмъ правительствамъ и тѣмъ привилегированнымъ классамъ, которые отказываются во-время сдѣлать уступки. Революція шутить не любитъ. Чѣмъ больше ей сопротивляются, тѣмъ грознѣе ея напоръ. Чѣмъ упрямѣе пытаются ее подавить, тѣмъ страшнѣе ея мщеніе. Революція—огненно-крылая фурія!—восклицаетъ Марія Корелли.—Какъ божій гнѣвъ, слетаетъ она на народы, грозная, какъ буря, и опустошаетъ, какъ чума! Кто скажетъ, какъ и гдѣ было посѣяно сѣмя, такъ скоро давшее обильную жатву? Кто прослѣдитъ ея начало и предскажетъ конецъ? Страшнымъ и трагичнымъ кажется ея дѣло жалкимъ помутившимся умамъ тѣхъ, чье безуміе и ошибки, чья распущенность и небреженіе важнѣйшими интересами народа, главнымъ образомъ, и помогли народиться чудовищу. И тѣмъ не менѣе, когда тотъ или другой уголокъ вселенной оказывается слишкомъ загаженнымъ живущими въ немъ людьми, божественный законъ велитъ его очистить,—и революція на огромномъ кострѣ сжигаетъ весь накопившійся хламъ старыхъ злоупотребленій и несправедливостей на глазахъ испуганнаго и удивленнаго міра». Что въ Россіи государственныя формы совершенно не соотвѣтствовали экономическому развитію страны, состоянію ея производительныхъ силъ, многочисленности въ ней промышленнаго пролетаріата и его сознательности, громогласно объявилъ на всю страну не кто иной, какъ бывшій премьеръ-министръ Витте. 17 октября 1905 г. онъ писалъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ:

«Волненіе, охватившее разнообразные слои русскаго общества, не можетъ быть разсматриваемо, какъ слѣдствіе частичныхъ [1]) несовершенствъ государственнаго и соціальнаго устроенія, или только какъ результатъ организованныхъ дѣйствій крайнихъ партій. Корни этого волненія, несомнѣнно, лежатъ глубже. Они въ нарушенномъ равновѣсіи между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни. Россія переросла форму строя. Она стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы».

Это торжественное заявленіе нисколько, однако, не помѣшало тому же Витте, чуть-ли не на слѣдующій день послѣ своего «все

подданнѣйшаго доклада» начать загонять «переросшую свой строй» Россію обратно въ ту же смирительную рубаху романовскаго самовластія. На нѣкоторое время это удалось. Но тѣмъ страшнѣе обрушилась на нихъ карающая рука второй революціи.

в) Революція, бунтъ, возстаніе, анархія.

Послѣ всего сказаннаго ясно, что смѣшивать революцію съ бунтомъ, мятежомъ, анархіей, смутой и т. п. могутъ только тѣ люди, противъ которыхъ именно и направлена революція. **Бунтомъ** называется безсознательное, стихійное возмущеніе отдѣльныхъ общественныхъ группъ противъ властей или другихъ притѣснителей и эксплоататоровъ. Таковы, напр., бунты рабовъ противъ господъ, крестьянъ противъ помѣщиковъ, рабочихъ противъ фабрикантовъ, солдатъ противъ начальства и т. п. **Возстаніемъ** называется открытое выступленіе вооруженныхъ массъ противъ существующаго политическаго режима, ставящее себѣ опредѣленныя задачи.

Если оно возникаетъ въ средѣ угнетаемой національности и имѣетъ цѣлью освободить ее отъ власти господствующаго государства, то оно называется національнымъ возстаніемъ. Таковы были, напр., польскіе «мятежи» 1831 и 1863 годовъ. Когда же возстаніе охватываетъ эксплоатируемые или безправные общественные классы и ставитъ себѣ цѣлью измѣнить въ ихъ интересахъ политическій и соціальный строй страны, то, въ случаѣ побѣды, оно произведетъ революцію. Если же оно съ самаго начала будетъ побѣждено, то оно не произведетъ никакого переворота въ политическомъ и соціальномъ строѣ, и его нельзя будетъ назвать революціею. Такими неудавшимися возстаніями были, напр., ліонскія возстанія 1831 и 1833 годовъ, бланкистскія возстанія въ Парижѣ въ 1832 и 1839 годахъ, безчисленныя возстанія въ итальянскихъ государствахъ и т. п. Равнымъ образомъ, не превратилось въ революцію іюньское возстаніе 1848 года и возстаніе коммуны 1871 года.

У насъ въ Россіи были грозные бунты Стеньки Разина, Пугачева, военное возстаніе декабристовъ, грандіозныя національныя возстанія поляковъ, было мощное революціонное движеніе интеллигентной молодежи въ семидесятыхъ годахъ, но настоящая революція, о которой такъ грезили, къ которой такъ стремились, пришла только въ 1905 году.

Если, такимъ образомъ, не всякое возстаніе, не всякій бунтъ превращается въ революцію, то, съ другой стороны, не всякая революція сопровождается возстаніями и бунтами. Были въ исторіи вполнѣ мирныя и безкровныя революціи, напр., «славная» рево-

---

[1]) Курсивъ вездѣ нашъ.

люція англичанъ въ 1688 году, революція 4 сентября 1870 года въ Парижѣ. Но такихъ было меньшинство. Подавляющая же часть сопровождалась и бунтами, и возстаніями.

Анархіей, смутой называется то хаотическое состояніе, которое возникаетъ въ странѣ, когда старая власть потеряла престижъ и значеніе, но уступать не хочетъ и всѣми оставшимися средствами старается задушить новую, стремящуюся наверхъ, власть. Вся отвѣтственность за такую смуту падаетъ, разумѣется, на отжившіе классы и отжившее правительство, что не мѣшаетъ имъ издавать вопли негодованія на анархію и смуту. Такая анархія разыгралась у насъ въ неслыханной степени послѣ разгона 1-ой и 2-ой Думъ и выразилась въ чудовищномъ ростѣ экспропріацій, грабежей и убійствъ, въ которыхъ совершенно стерлись границы между революціонными побужденіями и уголовщиной. Или анархія возникаетъ, когда старая власть пала, новая еще не пользуется всеобщимъ авторитетомъ. Или когда революціонная власть, какъ у насъ до настоящаго времени, принципіально избѣгаетъ примѣненія суровыхъ репрессій, и этимъ пользуются для безпорядковъ контръ-революціонные, малосознательные и некультурные слои населенія.

Слово «анархія» не сходитъ у насъ сейчасъ со страницъ газетъ и служитъ излюбленной темой для перешептываній и агитаціи контръ-революціи. Здѣсь, однако, надо отличать четыре категоріи фактовъ: 1) обычныя уголовныя происшествія, о которыхъ теперь сообщается, больше, чѣмъ раньше, вслѣдствіе полной свободы печати, и которыя теперь подбираются буржуазной прессой съ особенной любовью; 2) факты, специально измышляемые и раздуваемые, въ цѣляхъ наведенія паники, какъ, напр., прошумѣвшія сообщенія про Шлиссельбургъ; 3) анархическія дѣянія провокаціоннаго характера, исходящія отъ черной сотни, и 4) анархическія дѣйствія, дѣйствительно вызываемыя огромнымъ психологическимъ сдвигомъ, который произвела наша революція въ обстановкѣ трехлѣтней войны [1]). Единственное средство противъ анархіи—скорѣйшее утвержденіе и закрѣпленіе завоеваній революціи путемъ ликвидаціи войны и созыва Учредительнаго Собранія.

---

[1]) Очень хорошо охарактеризовалъ эту послѣднюю группу министръ путей сообщенія Некрасовъ. „бѣлый воронъ“ между кадетами, въ бесѣдѣ съ журналистами 20 мая. Онъ находитъ, что въ массѣ даже интеллигентнаго населенія распространены на этотъ счетъ превратныхъ понятія. То, что многіе называютъ анархіей, есть собственно *проявленіе народовластія въ примитивной формѣ*. Не надо смѣшивать анархію съ обычной уголовной преступностью, которая въ такія бурныя времена проявляетъ особенно интенсивно. Съ этой преступностью правительство будетъ бороться всеми силами и не остановится ни передъ

г) Революція „сверху“ и „снизу“, безкровная и кровавая.

«Насиліе есть повивальная бабка новаго общества», говорилъ Марксъ. Безъ насильственныхъ дѣйствій не бываетъ настоящей революціи. Правда, исторія знаетъ очень много случаевъ, такъ называемыхъ, «мирныхъ» революцій, когда правительства сами, «добровольно» ограничивъ свои права, даровали народу конституцію или расширяли уже имѣвшіяся у него конституціонныя права. Мирная революція совершается, такимъ образомъ, сверху и представляется ничѣмъ инымъ, какъ р е ф о р м о й въ крупномъ масштабѣ. Если, однако, присмотрѣться внимательнѣе, то легко будетъ замѣтить, что хотя насиліе снизу и не было примѣнено, но оно стояло наготовѣ, чтобы бросить свой тяжеловѣсный мечъ на чашку вѣсовъ. Страхъ предъ возможностью насилія заставлялъ правительства и господствующіе классы идти на уступки; они предпочитали лучше самимъ продѣлать маленькое отверстіе въ оболочкѣ стараго общества, чѣмъ ждать, пока отъ внутренняго давленія она лопнетъ. Знаменитое заявленіе Александра II передъ московскими дворянами въ 1856 году, что если не освободить крестьянъ сверху, то они освободятъ себя снизу, основывалось на учащавшихся случаяхъ крестьянскихъ бунтовъ и возмущеній въ теченіе предыдущаго царствованія.

Въ 1848 году въ Нидерландахъ произошла «мирная» революція: состоялся пересмотръ конституціи, уничтожено было дѣленіе провинціальныхъ штатовъ по сословіямъ, для второй палаты введены были прямые выборы и т. д. Это произошло потому, что почти вся Европа была охвачена революціоннымъ пламенемъ, и не сегодня—завтра оно могло перекинуться и въ Нидерланды. Такъ же мало добровольна была «мирная» революція въ Японіи. Въ сентябрѣ 1881 года тамъ появился императорскій манифестъ: «Симъ объявляется, что во исполненіе рѣшенія, возвѣщеннаго нами раньше въ 23 й годъ Менджи (т. е. въ 1890 году) будетъ нами даровано парламентское управленіе нашей странѣ; пусть всѣ наши подданные приготовятся къ нему; подробности будутъ опубликованы позднѣе». Этотъ манифестъ былъ не подарокъ, а вынужденная уступка вліятельнымъ имущимъ классамъ населенія, энергично домогавшимся конституціи. Кровавая революція 1868 года, цѣлый рядъ возстаній, и въ томъ числѣ самое сильное изъ нихъ въ 1877 году, были слишкомъ еще свѣжи въ памяти, и весьма легко было ожидать взрыва новаго

какими суровыми мѣрами. Къ примитивному же народовластію, принимающему также анархическія формы, нужно подходить съ большой осторожностью. Революція еще не завершена. Проявленіе своевластья вытекаетъ изъ столкновенія различныхъ общественныхъ силъ и неорганизованности государственнаго строя. Мы находимся еще въ процессѣ созданія новой власти. Наверху, въ центрѣ эта власть уже скомбинирована путемъ созданія коалиціоннаго кабинета. Необходимо, чтобы и на мѣстахъ была создана власть, въ которую вошли бы наиболѣе вліятельныя силы извѣстныхъ революціонныхъ организацій.

возстанія. Не безъ вліянія, вѣроятно, оказалась революціонная борьба, свирѣпствовавшая въ сосѣдней съ Японіей Россіи. Конституція, какъ извѣстно, дѣйствительно была введена въ Японіи въ 1889 году.

Другую причину, способствующую мирной революціи, составляетъ серьезная внѣшняя опасность для государства, насиліе, угрожающее извнѣ, отъ сосѣднихъ державъ. Ужасъ передъ грядущей неминуемой гибелью—раздѣломъ между Россіей, Австріей и Пруссіей—заставилъ нѣкоторые слои польскаго населенія, совмѣстно съ королемъ, произвести революцію 3 мая 1791 года. Та же опасность (вмѣстѣ съ вліяніемъ русской революціи) побудила 1 сентября 1906 года китайское правительство согласиться на введеніе конституціоннаго строя, что, какъ извѣстно, оно, по примѣру Японіи, обѣщало выполнить къ извѣстному сроку (черезъ 12 лѣтъ). Однако, революція «снизу» не дождалась этого срока и вспыхнула въ 1911 году.

Революціи сверху, такъ называемыя, мирныя революціи, привлекаютъ къ себѣ гораздо меньше вниманія, чѣмъ революціи снизу. Онѣ не сопровождаются бурными, драматическими эпизодами, грандіозными массовыми выступленіями, чередованіемъ побѣдъ и пораженій. Онѣ не отличаются глубиной преобразованій и широкимъ творческимъ размахомъ, блага ихъ обыкновенно распространяются на узкіе круги народа. Безъ упорной борьбы если уступаетъ, то очень немногое, и дѣло сводится къ нѣсколькимъ болѣе или менѣе важнымъ реформамъ, о значеніи которыхъ Лассаль писалъ въ «Программѣ работниковъ»:

«Путь легальныхъ реформъ—при всѣхъ своихъ крупныхъ преимуществахъ имѣетъ то важное неудобство, что въ теченіе цѣлыхъ столѣтій оказывается удивительно безсильнымъ; съ другой стороны, революціонный путь, безспорно, связанъ со многими невыгодами, но зато имѣетъ то преимущество, что быстро и энергично приводитъ къ практической цѣли».

Революціи снизу, т.-е. насильственныя революціи, могутъ сопровождаться кровавыми столкновеніями, но могутъ обходиться и безъ нихъ. Зависитъ это отъ степени сопротивленія господствующихъ группъ. Обыкновенно дѣло происходило такимъ образомъ, что народъ приходилъ въ броженіе, возставалъ, захватывалъ оружіе въ лавкахъ и арсеналахъ и устремлялся къ дворцу. Испуганный монархъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній уступалъ и давалъ обѣщаніе выполнить народныя требованія. Такъ было въ цѣломъ рядѣ случаевъ, особенно въ 1848 году въ мелкихъ германскихъ государствахъ: въ Саксоніи, Баваріи, Баденѣ, Вюртембергѣ, Нассау и др. Аналогичнымъ образомъ совершились революціи въ Римѣ въ 1848 году и въ Парижѣ въ 1870 году.

Когда же правительства отказывались удовлетворить выставленнымъ требованіямъ, то дѣло доходило до кровопролитія, при-

нимавшаго иногда громадные размѣры. При этомъ необходимо различать между первоначальными потерями, которыми сопровождались первый натискъ и первая побѣда, и тѣми жертвами, которыхъ стоило дальнѣйшее развитіе революціи, обостреніе классовыхъ противоположностей и яростное стремленіе контръ-революціи вернуть старый порядокъ. Количество убитыхъ и раненыхъ обыкновенно не поддается учету. Вѣнская революція 13 марта 1848 г. стоила всего нѣсколько десятковъ убитыми и ранеными, берлинская 18 марта—183 убитыми, іюльская 1830 года—5300. Наши потери въ февральскіе дни 1917 г. исчисляются въ 200 человѣкъ... Несравненно страшнѣе потери, когда реакція одерживаетъ верхъ и подавляетъ возстаніе. Іюньское возстаніе стоило десятки тысячъ жертвъ, о Коммунѣ братья Маргеритъ пишутъ: «Число убитыхъ никогда не узнаютъ. Генералъ Апперъ по секрету сообщилъ бывшему мэру Вашро, что федералистовъ пало въ бою 17 тысячъ. Къ этому нужно прибавить 67 тысячъ, убитыхъ внѣ Парижа, не считая 12 тысячъ, наполняющихъ госпитали». Офиціальное число похороненныхъ составляло 6500. Въ Новую Каледонію было сослано 7.500, всѣхъ же обвинительныхъ приговоровъ было произнесено 13.000.

Число жертвъ, которыхъ стоила наша революція 1905 г., достигаетъ такихъ колоссальныхъ размѣровъ, которыхъ не знали прежнія революціи. Самыми страшными кровопролитными днями являются—январская бойня въ Петербургѣ 9—11 января, іюньскіе дни въ Лодзи и Одессѣ, октябрьская сѣть черносотенныхъ погромовъ, декабрьское возстаніе въ Москвѣ, Прибалтійскомъ краѣ и на югѣ Россіи, наконецъ, послѣдующая вакханалія бѣлаго террора и скорострѣльныхъ судовъ по всей Россіи, на Кавказѣ и Сибири. Точныхъ цифръ невозможно сейчасъ узнать, и врядъ-ли когда-нибудь онѣ станутъ извѣстными. По частнымъ исчисленіямъ, число *смертныхъ приговоровъ* за 1906—1909 г г. привысило 6268; въ теченіе 1908 г. не прошло ни одной недѣли менѣе, чѣмъ безъ семи казней, но бывали недѣли съ 36 казнями. «Общее число казненныхъ въ 1908 въ одной Россіи,—пишетъ проф. Мих. Гернетъ,—превышало число казненныхъ въ 32 государствахъ и колоніяхъ Европы, Азіи, Африки, Австраліи и Америки, и было въ 21 разъ больше казненныхъ во всѣхъ государствахъ Европы».

Резюмируя сказанное въ этой главѣ, вотъ что можно отвѣтить на вопросъ, что такое революція. Революція есть стихійная, длительная, бурная борьба внутри общественнаго организма, сопровождающаяся обычно возстаніями, бунтами и анархіей и влекущая въ своемъ развитіи болѣе или менѣе прочный переходъ власти въ руки новыхъ общественныхъ классовъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Размахъ революцій.

Революція можетъ разражаться на различныхъ высотахъ, въ разныхъ этажахъ общества, захватывать то верхніе, то средніе, то самые низы. Соотвѣтственно этому различію мѣняется размахъ, ея продолжительность и перипетіи, ея стремленія, цѣли и результаты, сила напора и сопротивленія. Такъ называемыя, «дворцовыя революціи», въ сущности, совсѣмъ не революціи, такъ какъ глубина ихъ крайне незначительная. «Военныя революціи», въ которыхъ главная роль выпадаетъ на долю революціонно-настроенныхъ войскъ, по преимуществу офицерства, тоже не сопровождались обыкновенно крупными пертурбаціями, вслѣдствіе узости и ограниченности цѣлей, которыя онѣ себѣ ставили, или вслѣдствіе неразвитости и недостаточности политическаго сознанія буржуазіи. Большимъ размахомъ отличались движенія, въ которыхъ тонъ задавали крупная и средняя буржуазія. Они, наконецъ, становились многоактной трагедіей, когда въ революцію вступалъ «народъ» т.-е. мелкая буржуазія, крестьянство и пролетаріатъ. Чисто пролетарскихъ революцій (именно революцій, а не возстаній) еще не знала исторія.

а) *Дворцовыя революціи.*

Дворцовыя революціи обычно представляютъ собою заговоръ одной придворной партіи противъ другой, сопровождающійся низверженіемъ, а часто и умерщвленіемъ прежняго государя и возведеніемъ на престолъ его наслѣдника, родственника или другой династіи. Очень часто побѣдители измѣняютъ въ свою пользу прерогативы власти, въ рѣдкихъ же случаяхъ она производится во имя народа, на условіяхъ подписанія конституціи. Эти дворцовые перевороты совершаются обыкновенно въ странахъ съ абсолютистическимъ правленіемъ, гдѣ дворъ вдали отъ свѣта и гласности кишитъ интригами и заговорами. Въ нихъ принимали участіе обыкновенно гвардейскіе полки и агенты иностранныхъ державъ. Они составляютъ главное содержаніе «тайнъ» Петербургскаго, Константинопольскаго, Мадридскаго, Пекинскаго и другихъ аналогичныхъ дворовъ. Въ Россіи особенно богатъ былъ ими XVIII вѣкъ. Царевна Софья устроила дворцовую революцію, направленную противъ брата своего Петра. Послѣдній скоро отомстилъ ей тѣмъ же. Регентша Анна Леопольдовна совершила переворотъ, низвергнувъ всемогущаго Бирона и, въ свою очередь, черезъ три недѣли, пала жертвой Елизаветы Петровны. Затѣмъ, Екатерина II посредствомъ дворцовой революціи избавилась отъ своего мужа Петра III, а

внукъ ея Александръ I такимъ же путемъ освободился отъ своего отца.

Изъ дворцовыхъ революцій новѣйшаго времени стоитъ отмѣтить *сербскую* и китайскую. Король Александръ изъ династіи Обреновичей, ограниченный, слабый, все больше запутывался въ сѣтяхъ придворныхъ, военныхъ и дипломатическихъ интригъ. Женившись на фрейлинѣ Драгѣ и не имѣя отъ нея дѣтей, онъ возымѣлъ намѣреніе объявить наслѣдникомъ престола ея брата, что вызвало въ народѣ негодованіе. Затѣмъ вдругъ, въ апрѣлѣ 1903 г. онъ особымъ манифестомъ отмѣнилъ конституцію, распустилъ скупщину, ограничилъ свободу печати и т. д. Въ результатѣ 11 іюня толпа офицеровъ ворвалась въ королевскій дво ецъ, убила короля, его жену, ея братьевъ, нѣсколько министровъ и приближенныхъ. Власть перешла въ руки заговорщиковъ. Назначенное ими министерство Авакумовича созвало немедленно «національное собраніе», т.-е. вмѣстѣ скупщину и сенатъ, и единогласно былъ избранъ королемъ Петръ изъ династіи Карагеоргіевичей.

Въ *Китаѣ* послѣдняя дворцовая революція была произведена въ 1898 году. Императрица-мать, ярая противница реформъ, устроила заговоръ противъ сына, увлекавшагося, подъ вліяніемъ просвѣщеннаго патріота Кан-ю-Вея, планами широкихъ преобразованій. Его схватили и заточили на островкѣ средь озера, гдѣ онъ пробылъ 2 года.

Въ *Турціи* послѣднія дворцовыя революціи были произведены сторонниками конституціи въ 1876 году. 30 мая былъ низложенъ Абдулъ-Азисъ, а 1 сентября—Мурадъ V. Возведенный на престолъ Абдулъ-Гамидъ подписалъ конституцію и созвалъ парламентъ, однако, 14 февраля 1878 года онъ распустилъ его навсегда и отмѣнилъ конституцію. Этотъ султанъ, сѣвшій на тронъ вслѣдствіе *дворцовой революціи* и совершившій *государственный переворотъ*, палъ черезъ 30 лѣтъ жертвой *военной революціи.*

Извѣстно, что въ *Петроградѣ* въ январѣ 1917 г. были слухи о готовящейся дворцовой революціи. Эти слухи были, очевидно, связаны съ убійствомъ Распутина и съ запиской группы великихъ князей Николаю. То, что счастье было такъ близко и такъ возможно, что дворцовой революціей (или, по терминологіи Маклакова, «государственнымъ переворотомъ сверху») можно было избѣжать, предупредить революцію снизу, заставляетъ скрежетать зубами отъ злости всѣхъ тѣхъ, для которыхъ революція—ужаснѣйшее изъ всѣхъ золъ, не исключая, быть можетъ, и самодержавія. «Для тѣхъ, кто вѣрилъ, что революція гибельна,—говорилъ Маклаковъ 4 мая въ соединенномъ засѣданіи, — явилась задачей спасти Россію отъ революціи снизу государственнымъ переворотомъ сверху. Вотъ та задача, которая стояла передъ нами и которую мы не исполнили. Если потомство проклянетъ революцію (!!),

оно проклянетъ также тѣхъ, кто во-время не понялъ, какими средствами ее можно было предотвратить. Но теперь *все свершилось, революція пришла снизу»*...

б) *Военныя революціи.*

Какъ мы видѣли, уже въ дворцовыхъ революціяхъ военные элементы играли выдающуюся роль. Гораздо крупнѣе она въ, такъ называемыхъ, военныхъ революціяхъ, которыми особенно прославилась Испанія. Тамъ дѣло происходило, по словамъ Энгельса, слѣдующимъ образомъ. Подымался гарнизонъ одного города, двигался въ сосѣдній городъ, увлекалъ за собой его гарнизонъ, распропагандированный уже раньше и, такимъ образомъ, повстанцы, возрастая въ числѣ, подобно лавинѣ, шли на столицу, пока счастливое сраженіе или переходъ посланныхъ противъ нихъ войскъ на ихъ сторону не рѣшали побѣду [1]). Ближайшимъ поводомъ для такихъ военныхъ возстаній часто являлось бѣдственное положеніе арміи, неаккуратная выдача жалованья и т. п. Цѣли и стремленія они заимствовали у буржуазной либеральной интеллигенціи и сводились къ ограниченію абсолютизма и къ введенію конституціоннаго строя.

Военными революціями по преимуществу были революціи въ Испаніи 1820, 1854, 1868, 1873 годовъ, въ Неаполѣ въ 1820 и въ Сардиніи въ 1821 годахъ [2]).

Возвращеніе Наполеона I въ 1815 году съ острова Эльбы, высадка его на югѣ Франціи и побѣдоносное движеніе къ Парижу, во время котораго всѣ посылавшіяся противъ него войска переходили на его сторону,—было тоже настоящей военной революціей.

Въ Россіи возстаніе декабристовъ въ 1825 году было военнымъ возстаніемъ; подняла его революціонно-настроенная часть офицерства, добивавшаяся введенія конституціоннаго строя.

в) *Народныя революціи.*

И въ народныхъ революціяхъ войска играютъ важную роль но она сводится къ тому, что въ случаѣ перехода ихъ на сторону инсургентовъ исходъ борьбы сразу рѣшается въ смыслѣ, благо-

---

[1]) См. „Бакунисты за работой“ Энгельса.

[2]) Извѣстный терминъ для обозначенія военныхъ революцій „пронунціаменто“—испанскаго происхожденія и буквально обозначаетъ „провозглашеніе“. Вообще, какъ это ни покажется неожиданнымъ, Испанія создала нѣсколько вошедшихъ въ общій обиходъ политическихъ названій, напр., *либералы, камарилья, сервилизмъ*. Либералами была названа впервые въ 1812 г. партія поборниковъ свободы, а сервилистами—партія сторонниковъ стараго режима. Камарильей или „маленькой палатой“ называлась опредѣленная группа лицъ, обычно правившая Испаніей отъ имени короля: его жена, ея духовникъ, его фаворитъ или фаворитъ его жены.

пріятномъ для революціи. Иниціатива борьбы и всѣ связанныя съ нею жертвы выпадаютъ на долю народа, но распредѣляются между различными классами далеко неравномѣрно.

Буржуазія въ первомъ періодѣ всякой революціи относилась къ ней сочувственно, такъ какъ классовые ея интересы толкали ее къ измѣненію политическаго строя въ извѣстныхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Затѣмъ она пускала въ ходъ всѣ усилія, чтобы задержать дальнѣйшій ходъ революціи на той ступени, на которой это было ей выгодно. Такъ было, напр., въ 1688 и 1830 г.г.

«Кто остановилъ революцію 1830 года?—спрашиваетъ Гюго и отвѣчаетъ:—Буржуазія, руководимая умными людьми. Почему?—Потому, что буржуазія—это интересъ, получившій удовлетвореніе. Вчера она была аппетитомъ, нынѣ это—довольство, завтра это будетъ пресыщеніемъ»

Когда остановить движенія ей не удавалось, какъ, напр., въ 1793, 1848 и 1871 годахъ, она соединялась съ реакціоннѣйшими элементами страны и устраивала революціонному пролетаріату и мелкой буржуазіи бойню.

Мелкая буржуазія была настроена очень революціонно въ XVII и XVIII вѣкахъ, вслѣдствіе безпрерывной борьбы съ феодалами. Поэтому она играла въ тогдашнихъ революціяхъ активную, крупную роль. Но затѣмъ пылъ ея, съ развитіемъ капитализма, въ значительной степени охладѣлъ. Двойственный характеръ мелкой буржуазіи, ея промежуточное положеніе между капиталистами и пролетаріями дѣлаетъ ее классомъ нерѣшительнымъ и колеблющимся; она то сражается въ однихъ рядахъ съ рабочими, то измѣняетъ имъ. Это особенно сказалось въ 1848 году.

Крестьянство было огромной революціонной силой, когда оно было закабалено феодальными отношеніями или остатками крѣпостничества. Такъ было въ 1642, въ 1789 и значительно слабѣе въ Германіи и Австріи въ 1848 г. Когда же они были свободны отъ крѣпостной зависимости и не видѣли шансовъ на захватъ земли, а борьба велась въ городахъ за политическія права, за интересы буржуазіи или пролетаріата, то крестьяне относились къ революціи или равнодушно (напр., въ 1830, 1870 г.г. во Франціи, въ 1848 г. въ Италіи) или враждебно (во Франціи въ 1848 и 1871 г.г., въ Галиціи въ 1846 г.).

Рабочіе всегда выносили на своихъ плечахъ всю тяжесть революціи, были самыми пламенными и рѣшительными ея носителями, но самостоятельно, какъ сознательный классъ, они стали выступать только съ 1848 года; слѣдующимъ грандіознымъ этапомъ была коммуна, а затѣмъ россійскія революціи 1905 и 1917 г.г.

г) *Буржуазная и соціальная (соціалистическая) революціи.*

Всѣ революціи, которыя происходили до сихъ поръ, были буржуазныя революціи. Соотношеніе силъ, группировка классовъ были всегда таковы, что въ результатѣ борьбы, длившейся иногда годами, создавался строй, благопріятный для развитія капитализма, а, стало быть, для процвѣтанія буржуазіи. Даже когда революція декретировала всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право и создавала парламентскій строй, какъ это было въ 1848 г., и тогда плоды ея все-таки доставались буржуазіи, вслѣдствіе численнаго преобладанія надъ рабочими мелкой буржуазіи и крестьянства. Соціальной же революціей будетъ та, которая передастъ власть пролетаріату, утвердитъ, какъ выражаются, диктатуру пролетаріата. Этой властью онъ воспользуется, разумѣется, для того, чтобы немедленно приступить къ реорганизаціи общества на соціалистическихъ началахъ.

Марксъ различалъ три стадіи въ развитіи революціи. Первая стадія—ограниченіе самодержавія, удовлетворяющее буржуазію. Вторая стадія—завоеваніе республики, удовлетворяющее «народъ», т.-е. крестьянство и мелкую буржуазію, и, наконецъ, въ-третьихъ—соціальный переворотъ, который только одинъ можетъ удовлетворить пролетаріатъ. Но это раздѣленіе чисто абстрактное. Революція, въ дѣйствительности, нерѣдко пробѣгала первыя двѣ стадіи чрезвычайно быстро, какъ это было, напр., въ періодъ 1789—1792 г.г. Съ другой стороны, нѣтъ основанія непремѣнно думать, что монархическая Германія или Бельгія, прежде чѣмъ завоевать соціалистическій строй, должны будутъ обязательно пережить такую предварительную революцію, которая смела бы въ нихъ монархію и водворила республику.

Но если такъ, то не можетъ-ли Россія въ теченіе нынѣшней революціи прямо перескочить черезъ всѣ три ступени и изъ почти абсолютной монархіи безостановочно добраться до соціализма?

Задолго до того, какъ вспыхнула у насъ первая революція, соціалъ-демократы въ Россіи опредѣленно и категорически утверждали, что грядущая революція будетъ буржуазная, что соціалистическаго строя она еще не дастъ. Можно было предвидѣть, что пролетаріатъ, воспитанный соціалъ-демократіею, преисполненный классоваго сознанія и организованный, имѣя еще въ качествѣ сильнаго союзника революціонную часть крестьянства, окажется въ силахъ завоевать истинно-демократическій строй и провести въ жизнь всю свою программу-минимумъ. Но холодный, трезвый анализъ съ очевидностью указывалъ, что для немедленнаго осуществленія соціализма силы его недостаточны. И причины этого понять нетрудно.

Буржуазное общество легко мирится съ конституціонной монархіей, даже предпочитаетъ ее республикѣ, но оно не можетъ

мириться съ абсолютизмомъ. Если, стало быть, въ странѣ сохранилось еще самодержавіе, какъ въ Россіи до 1905 г., какъ въ Австріи и Пруссіи до 1848 г. и какъ во Франціи до 1789 г., то это одно, помимо всякихъ другихъ соображеній, уже служитъ показателемъ, что буржуазія въ ней еще не достигла крупнаго развитія. Но буржуазія и пролетаріатъ составляютъ два полюса капиталистическаго общества. Недостаточное развитіе одного класса означаетъ недостаточную силу его антипода.

Наступаетъ моментъ, когда самодержавный порядокъ становится до такой степени невыносимымъ, что противъ него поднимаются чуть-ли не всѣ классы. И если главную часть нападающей арміи, самую храбрую, самоотверженную и рѣшительную составляетъ пролетаріатъ, то все-таки огромное значеніе имѣетъ для него сочувствіе и помощь другихъ классовъ, въ особенности интеллигенціи, мелкой и средней буржуазіи. И если всѣхъ этихъ соединенныхъ силъ окажется достаточно, чтобы свергнуть самодержавіе, то гораздо труднѣе становится задача завоеванія демократической республики, ибо тогда значительная часть буржуазіи переходитъ въ лагерь враговъ. Еще хуже и вполнѣ безнадежной становится позиція пролетаріата, когда онъ пытается немедленно завести соціалистическій порядокъ. Тутъ его покидаютъ всѣ, безъ исключенія, союзники, въ томъ числѣ и большинство крестьянства.

Когда противъ общаго врага борются нѣсколько противниковъ, то измѣна одной части ихъ и переходъ ея на сторону врага имѣетъ сугубый эффектъ. Она ослабляетъ одну сторону и въ то же время настолько же усиливаетъ другую, какъ гиря, переложенная съ одной чашки вѣсовъ на другую: равновѣсіе нарушается вдвойнѣ. Но этого мало. Моральное значеніе такой измѣны не поддается никакому учету. У контръ-революціи удесятеряются силы сопротивленія, а цинизмъ подавленія и свирѣпость пускаемыхъ въ ходъ средствъ доходитъ до такихъ степеней, какія считались до того совершенно немыслимыми.

Когда за подавленіе революціи берется буржуазія или когда самодержавіе это дѣлаетъ съ ея благословенія, тогда кровопусканіе рабочаго класса становится сразу массовымъ; тогда пускаются въ ходъ картечь и гранаты; тогда разстрѣливаются тысячи и ссылаются десятки тысячъ; тогда производятся историческія бойни, въ родѣ іюньской 1848 или майской 1871 г.г.

Мы хорошо это испытали въ 1905—1907 г.г. Какъ свирѣпо ни расправлялось съ революціонерами правительство Трепова и Булыгина, но все это совершенно поблѣднѣло передъ той грандіозной провокаціей, передъ той вакханаліей контръ-революціи, которой отличились Витте и Столыпинъ, почувствовавшіе, что они могутъ найти поддержку въ буржуазіи.

Когда разразилась великая октябрьская забастовка, когда въ результатѣ ея былъ вырванъ манифестъ 17 октября и когда послѣ этого на короткое время наступилъ медовый мѣсяцъ свободъ, тогда повторилась старая исторія, обычная во всѣхъ прежнихъ революціяхъ. Нѣкоторые соціалъ-демократы были увлечены потокомъ и, моментально забывъ то, что они считали столько лѣтъ незыблемымъ, стали толковать о возможности немедленнаго осуществленія соціализма. Другіе не заходили такъ далеко, но заговорили о непрерывной революціи.

«Нѣтъ такого этапа въ буржуазной революціи, — писалъ Троцкій въ «Началѣ» (№ 10),—на которомъ могла бы успокоиться боевая сила рабочаго класса Россіи, гонимая впередъ стальной логикой классовыхъ интересовъ. Непрерывная революція становится для пролетаріата закономъ классоваго самосохраненія».

Троцкій доказывалъ, что пролетаріатъ въ Россіи развился въ такую грозную боевую силу, какой еще не знало прошлое. Этому способствовала страшная сила сопротивленія, проявленная самодержавіемъ. Сознательная косность буржуазіи еще болѣе подчеркиваетъ выдающуюся роль пролетаріата. Между пролетаріатомъ и революціоннымъ крестьянствомъ устанавливается тѣсная связь, армію онъ подчиняетъ себѣ своимъ обаяніемъ. Все толкаетъ его къ власти, и полная побѣда революціи будетъ означать побѣду пролетаріата. «Эта послѣдняя,—заключаетъ онъ въ свою очередь,—означаетъ дальнѣйшую непрерывность революціи. Пролетаріатъ осуществляетъ основныя задачи демократіи,—и логика его непосредственной борьбы за упроченіе политическаго господства ставитъ передъ нимъ въ извѣстный моментъ чисто-соціалистическія проблемы. Между минимальной и максимальной программой устанавливается революціонная непрерывность. Это не одинъ «ударъ», это не одинъ день и не мѣсяцъ, это цѣлая историческая эпоха. Было бы нелѣпостью заранѣе учитывать ея продолжительность».

Троцкій былъ несомнѣнно правъ, когда онъ говорилъ, что въ буржуазной революціи нѣтъ такого этапа, на которомъ могла бы успокоиться боевая сила пролетаріата. Но это не давало ему еще основанія говорить о непрерывной революціи. Непрерывная оппозиція, непрерывная борьба—да, но предполагать, что можно безпрерывно дѣлать революцію — значитъ злоупотреблять терминологіей. Все 18-лѣтнее царствованіе Луи-Филиппа отъ іюльской революціи до февральской было сплошной отчаянной борьбой пролетарскихъ и демократическихъ элементовъ, такъ нагло обманутыхъ въ 1830 году. Въ первую половину этого періода она выливалась въ форму безпрерывныхъ заговоровъ и возстаній, во вторую половину она велась глухо въ нѣдрахъ народной психологіи. Но можно-ли сказать, что періодъ 1830—1848 г.г. представляетъ «не-

прерывную революцію»? Никоимъ образомъ. Разочарованіе въ результатахъ іюльской революціи не превратило всего царствованія Луи-Филиппа въ одну непрерывную революцію. Наоборотъ, по выраженію Либкнехта, она всѣ эти 18 лѣтъ «лежала подъ спудомъ». Но это разочарованіе сдѣлало неотвратимымъ взрывъ новой революціи, который и произошелъ, когда обстоятельства назрѣли.

Между революціей, которая дастъ Россіи демократическій строй, и той, которая низвергнетъ капитализмъ, непремѣнно пройдетъ извѣстный періодъ большаго или меньшаго покоя, въ теченіе котораго произойдетъ концентрація и организація силъ и народныя массы глубоко пропитаются соціалистическимъ сознаніемъ.

«Революціонный энтузіазмъ—прекрасная вещь,—писалъ тогда Луначарскій въ «Новой Жизни», органѣ «большевиковъ»,—и способствовать его росту—прямая обязанность всякаго революціонера. Однако, даже такое священное чувство имѣетъ свои дурныя стороны». Эта газета увѣряла, что о «немедленной организаціи всего производства никто не мечтаетъ». Правда, и она допускала возможность, что первыя звенья соціальной революціи совпадутъ по времени съ послѣдними звеньями буржуазной, но для этого нуженъ цѣлый рядъ условій, изъ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ взрывъ соціальной революціи въ западной Европѣ. Съ этимъ взглядомъ невозможно не согласиться. Если-бы подъ вліяніемъ буржуазной революціи, потрясавшей тогда Россію, разразилась въ западно-европейскихъ государствахъ соціальная революція, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что это отозвалось бы немедленно и на Россіи. Соціализмъ, по самому существу своему, интернаціоналенъ.

Каутскій, съ присущей ему осторожностью въ выводахъ, писалъ тогда: «Будетъ-ли нынѣшнее движеніе въ Россіи однимъ изъ тѣхъ потрясеній, которыя періодически... повторяются въ капиталистическомъ обществѣ Европы, или же это будетъ уже началомъ послѣдней великой революціи, ставящей конецъ циклу революцій капитализма,—этого мы еще не знаемъ».

Но теперь-то мы уже хорошо знаемъ, какъ далеки мы были въ 1905 году отъ соціалистической революціи. Она не смела даже самодержавнаго режима, оставивъ въ наслѣдство одну только пародію на народное представительство и полное отсутствіе конституціонныхъ свободъ. И Троцкій, и Ленинъ, и вѣрившіе и не вѣрившіе въ «непрерывную революцію» вынуждены были спасаться бѣгствомъ за границу. Внутри страны все было разгромлено. Десятки тысячъ товарищей погибли отъ разстрѣловъ и висѣлицъ, еще больше томились въ тюрьмахъ, ссылкѣ и каторгѣ. Духъ разочарованія, усталости и разложенія проникъ въ рабочіе слои. Однимъ словомъ, все было потеряно, кромѣ чести, а у многихъ и честь...

Кажется, этотъ собственный опытъ долженъ былъ кое-чему

научить даже тѣхъ, кто не привыкъ учиться на *чужомъ* опытѣ. Но—удивительное дѣло!—прошло только 10 лѣтъ,—срокъ, ничтожнѣйшій въ жизни народовъ. Исключительно благодаря неудачамъ, треволненіямъ и разрухѣ, созданнымъ трехлѣтней войною, вспыхнула у насъ общенаціональная революція, принявшая сразу феерическій характеръ. И что же? Троцкій остался тѣмъ же, но компанія его увеличилась Ленинымъ, Зиновьевымъ и многими другими изъ тѣхъ, которые и до 1905 и въ 1905 году вполнѣ трезво оцѣнивали положеніе дѣлъ. Они призываютъ къ захвату власти Совѣтомъ рабочихъ, солдатскихъ, крестьянскихъ, батрацкихъ и т. п. депутатовъ, сочиняютъ и проводятъ среди рабочихъ резолюціи о конфискаціи фабрикъ и заводовъ и твердятъ о томъ, что «надо дѣлать *рѣшительные шаги* къ сверженію капитала. Ихъ надо дѣлать умно и постепенно... Но ихъ надо дѣлать». Другими словами,—та же непрерывная революція Троцкаго, которая должна насъ прямехонько, этапъ за этапомъ, привести отъ буржуазно-демократической революціи на лоно соціализма.

Тщетно другіе большевики, не менѣе темпераментные и стремительные, доказываютъ устами Каменева въ той же «Правдѣ», которая служитъ трибуной для Ленина, что «обстановка незавершенной демократической революціи въ *самой отсталой экономически странѣ Европы* въ моментъ, когда деревня еще не ликвидировала даже крѣпостничества—что эта обстановка и этотъ моментъ отнюдь не соотвѣтствуютъ «рѣшительнымъ шагамъ» къ соціализму [1]). Но въ нѣдрахъ самой «Правды» идетъ «непрерывная революція», ибо уже черезъ мѣсяцъ мы у того же Каменева читаемъ:

«Революція продолжается, ибо пролетаріатъ, крестьянство, солдаты, вся бѣднота заинтересованы въ томъ, чтобы добиться дѣйствительнаго осуществленія власти большинства, дѣйствительной перестройки соціальныхъ отношеній въ пользу трудящихся, дѣйствительной перестройки государства, *полной ликвидаціи господства классовъ*, создавшихъ и ведущихъ войну» [2])...

Въ теченіе одного мѣсяца полная перемѣна фронта: отъ рѣшительнаго отрицанія рѣшительныхъ шаговъ къ соціализму до полной ликвидаціи господства классовъ [3])!

---

[1]) „Правда», 12 апрѣля 1917 г.

[2]) „Правда", 11 мая 1917 г.

[3]) Очень остроумно характеризуетъ Вл. Розановъ въ „Кіевской Мысли", отъ 25 мая, отечественныхъ большевиковъ Ленинскаго толка: „Они вообще находятся внѣ системы всего прочаго мірозданія. Они движутся не по орбитамъ планетъ нашей системы, но врываются или вырываются изъ этой системы, какъ кометы, и сейчасъ же въ прогрессивно ускоренномъ движеніи мчатся съ астрономической быстротой къ неизвѣстной точкѣ, не различимой ни въ какой телескопъ. Совершенно безцѣльно пытаться координировать свой путь съ этимъ движеніемъ: это невозможно. Еще безцѣльнѣе сердиться на ленинцевъ: они живутъ въ другомъ измѣреніи, и съ этимъ, очевидно, ничего подѣлать нельзя.

Въ 1905 году вопросъ стоялъ для всѣхъ неувѣренныхъ такъ: если подъ вліяніемъ нашей революціи вспыхнетъ въ Европѣ соціалистическая революція, то и наша приметъ такой же характеръ. Очевидно, такъ же вопросъ долженъ ставиться и нынѣ. Но теперь можно уже гораздо увѣреннѣе замѣнить условное предложеніе виносдовнымъ. Разъ пролетаріатъ въ самыхъ крупныхъ западно-европейскихъ странахъ такъ тѣсно связался въ этой войнѣ съ буржуазными классами, что приходится дѣлать нечеловѣческія усилія, чтобы только снять его съ имперіалистическихъ рельсъ, разъ въ Германіи задача свергнуть полуабсолютизмъ Вильгельма не стоитъ сейчасъ въ порядкѣ дня, то какъ же онп далеки еще отъ общеевропейской соціалистической революціи! И, стало быть, какъ далеки и *мы* отъ нея! Кто при такихъ условіяхъ мечтаетъ и толкаетъ къ непрерывной революціи, тотъ толкаетъ къ *краху* революціи. Объ этомъ крахѣ можно сказать вышеприведенными словами Троцкаго: это будетъ не одинъ «ударъ», это будетъ не черезъ день и не черезъ мѣсяцъ. Этотъ крахъ, можетъ быть, начнется, какъ во Французской революціи 1789 г., черезъ *пять* лѣтъ, можетъ раньше, можетъ позже—«было бы нелѣпостью заранѣе учитывать продолжительность» срока до наступленія крушенія революціи. Но оно будетъ неизбѣжно; и Троцкому и Ленину придется тогда снова спасаться заграницу...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Взаимосцѣпленіе революцій.

а) *Періодичность революцій.*

Абсолютизмъ началъ укрѣпляться въ Европѣ начиная съ XVI вѣка. Сокрушая власть отдѣльныхъ феодаловъ, истребляя ихъ огнемъ и мечомъ и переводя ихъ изъ ранга мелкихъ деспотовъ въ ряды придворныхъ, онъ подготовлялъ государственное единство, столь необходимое для развивающагося капитализма и для растущей въ силѣ и богатствахъ буржуазіи.

Но абсолютизмъ только короткое время былъ выгоденъ для капитализма. Слишкомъ скоро онъ своимъ вмѣшательствомъ въ промышленность сталъ тормозить ея развитіе; сокрушивъ политическую власть феодаловъ, онъ оставилъ неприкосновеннымъ ихъ экономическое господство, т.-е. крѣпостное право, а также ихъ привилегированное положеніе въ государствѣ; политическое и гражданское неравноправіе буржуазіи стало не соотвѣтствовать ея возрастающему экономическому значенію. Вотъ почему, хотя

и раньше происходили въ Европѣ возстанія, побѣдоносные бунты и великія движенія, но настоящія революціи, какъ мы ихъ теперь понимаемъ, грандіозные сложные политико-соціальные перевороты стали возможными только, начиная съ XVII (Англія) и XVIII (Франція) вѣковъ.

«Прообразомъ революціи 1789 г. (по крайней мѣрѣ въ *Европѣ*),— замѣчаетъ Э. Бернштейнъ [1],—была только революція 1648 г., прообразомъ же революціи 1648 г. было только возстаніе Нидерландовъ противъ Испаніи. Обѣ революціи не только по времени, но и по содержанію были на сто лѣтъ впереди своихъ прообразовъ». Оговорка Бернштейна относительно революціи 1789 года—«по крайней мѣрѣ въ Европѣ»—имѣетъ тотъ смыслъ, что въ дѣйствительности у этой революціи былъ еще одинъ прообразъ *внѣ*-европейскій: возстаніе Сѣверо-Американскихъ колоній противъ Англіи въ 1775—1783 г.г.

Если взять за исходный пунктъ революцію 1789 г., оставивъ въ сторонѣ болѣе раннія движенія, и разсматривать весь 128-лѣтній циклъ, который отдѣляетъ его отъ нашихъ дней, то увидимъ слѣдующее. Первыя 26 лѣтъ этого періода сплошь заняты—въ первой половинѣ—Великой Французской революціей, ея отраженіемъ во всемъ мірѣ, и ея революціонными войнами, а во второй половинѣ войнами французскаго революціоннаго-наполеоновскаго имперіализма». Объективная историческая задача его была смести въ зап. Европѣ феодализмъ, крѣпостничество и абсолютизмъ. Частью она была осуществлена, частью завоеванія ея были утеряны, вслѣдствіе реставраціи.

Послѣднія 25 лѣтъ этого 128-лѣтняго періода представляютъ собою эпоху не менѣе бурныхъ катаклизмовъ, тѣсный, своеобразный клубокъ изъ колоніальныхъ и имперіалистическихъ войнъ, экономическихъ кризисовъ и великихъ революцій, разразившихся преимущественно въ восточныхъ странахъ. Объективная задача этого періода—расхватить послѣдніе остатки «свободныхъ земель» и отсталыхъ «обреченныхъ» государствъ, уничтожить послѣдніе слѣды крѣпостничества и послѣднія гнѣзда абсолютизма. Эта задача осуществляется и заканчивается на нашихъ глазахъ. Первая половина этой полосы, начавшаяся Японо-Китайской и кончившаяся Японо-Русской войной, состоитъ только изъ войнъ. Вторая половина, начавшаяся и заканчивающаяся русской революціей, состоитъ изъ революцій и войнъ.

Почти 80-лѣтній періодъ, отдѣляющій конецъ первой и начало второй полосы (1815 — 1894), разсѣкается посрединѣ третьей полосой, центральной, обнимающей 23 года (1848—1871), начинающейся и оканчивающейся революціями во Франціи. Эта

[1] „Общественное движеніе въ Англіи въ XVII вѣкѣ".

полоса состоитъ изъ двухъ почти равныхъ половинъ, первая половина (1848—1859) обнимаетъ бурную фазу европейскихъ революцій и мрачную фазу европейской контръ-революціи и реакціи; вторая половина, возстановляющая, до извѣстной степени, завоеванія 1848 года, заключаетъ національныя войны и политическое реформистское и конституціонное оживленіе. За время съ 1859 до 1871 года зародилась или укрѣпилась конституціонная жизнь въ Пруссіи, Австріи, Венгріи, Франціи, Испаніи, Португаліи и т. д., произошли національныя объединенія Италіи и Германіи, паденіе невольничества въ Америкѣ, паденіе крѣпостного права и эпоха великихъ реформъ въ Россіи, демократизація Англіи, революція въ Японіи и т. д. Такимъ образомъ объективная задача этой полосы—окончательное ниспроверженіе абсолютизма въ Зап. Европѣ, національное объединеніе государствъ и уничтоженіе рабства на землѣ. Какъ всегда, въ такихъ случаяхъ, ни одна задача не рѣшается сполна и не додѣлывается до конца.

Промежутокъ, отдѣляющій центральную полосу отъ послѣдней (1871—1894) составляетъ 23 года и носитъ застойный характеръ; промежутокъ же, отдѣляющій первую полосу отъ центральной (1815—1848), тоже мрачный «меттерниховскій», продолжался дольше—33 года. Но непомѣрная длина его скрадывается цикломъ бурь, окружающихъ 1830 годъ.

Такимъ образомъ, рисуя историческую жизнь за послѣднія 128 лѣтъ широкими мазками, съ точки зрѣнія общественнаго застоя и общественныхъ катаклизмовъ (включая въ послѣднія и революціи, и войны, и широкія реформы), мы видимъ довольно правильное размѣщеніе почти равныхъ полосъ, протяженіемъ каждая отъ 23 до 33 лѣтъ, въ среднемъ же въ 25 лѣтъ. Спрашивается, есть-ли нѣкоторая правильность и періодичность въ распредѣленіи однѣхъ только революцій?

Энгельсъ далъ на это утвердительный отвѣтъ. Въ предисловіи къ брошюрѣ Маркса: «Разоблаченія относительно Кельнскаго процесса коммунистовъ», онъ писалъ: «Въ нашемъ столѣтіи европейскія революціи 1815, 1830, 1848—1852, 1870 г.г. періодически повторяются черезъ каждыя 15—18 лѣтъ».

Въ самомъ дѣлѣ, Великая Французская революція обыкновенно считается закончившейся въ 1799 году, послѣ государственнаго переворота 18 брюмера. Черезъ 16 лѣтъ она дала слабый рецидивъ—въ 1815 году; еще черезъ 15 лѣтъ—въ 1830 г.—она дала второй рецидивъ, и черезъ 17 лѣтъ послѣ него—третій—въ 1848 году. Февральская революція считается законченной 2 декабря 1851 года послѣ переворота, сдѣланнаго Наполеономъ III, и черезъ 18 лѣтъ она новой вспышкой его низвергла.

Каутскій тоже усматриваетъ въ появленіи крупныхъ революцій періодичность и пытается дать ей нѣкоторое объясненіе.

«Препятствія къ соціальному и политическому прогрессу,—пишетъ онъ въ статьѣ «Maifeier 1905»,—растутъ въ той же мѣрѣ, въ какой возрастающее соціальное напряженіе усиливаетъ необходимость энергичныхъ преобразованій. Концомъ этого развитія является всегда сильное политическое потрясеніе—революція, которая насильственно устраняетъ препятствія къ прогрессу и снова дѣлаетъ возможнымъ на нѣкоторое время мирное теченіе общественнаго развитія».

Такимъ образомъ, политическія потрясенія до извѣстной степени аналогичны экономическимъ кризисамъ. И тѣ и другія наступали съ довольно правильными промежутками. Разница была лишь въ величинѣ періода, который для кризисовъ былъ меньше, чѣмъ для революцій.

Какъ извѣстно, кризисы были въ 1825, 1836, 1847, 1857, 1866 и 1873 г.г. [1]). Промежутокъ между ними въ среднемъ составлялъ 10 лѣтъ. Эта періодичность до такой степени поражала воображеніе, что Джевонсъ, напр., пытался ставить кризисы въ связь съ моментами усиленнаго появленія пятенъ на солнцѣ.

Причина появленія экономическихъ кризисовъ выяснена Марксомъ и заключается въ періодическомъ перепроизводствѣ, зависящемъ отъ анархіи, присущей капиталистическому производству. При сходности общихъ условій послѣдняго, должны были быть приблизительно равны и промежутки, раздѣляющіе кризисы. Но причина, почему они составляли именно 10 лѣтъ, а не 15 или 20, не была объяснена Марксомъ и Энгельсомъ, да и врядъ-ли она можетъ быть открыта.

Такъ же невозможно объяснить, почему для революцій періодъ составлялъ именно 15—18 лѣтъ. Самая же періодичность можетъ быть объяснена довольно удовлетворительно: каждая революція приносила въ конечномъ счетѣ результаты гораздо меньшіе содержанія тѣхъ требованій, которыя выставлялись и защищались. Въ эпоху революцій жизнь дѣлала гигантскій размахъ впередъ. подобно качнувшемуся маятнику, но начиналось попятное движеніе, и реакція отвоевывала обратно значительное число захваченныхъ позицій. Требовался извѣстный промежутокъ времени для накопленія и организаціи силъ, чтобы возможно было новое выступленіе, новая революція. При приблизительномъ равенствѣ общихъ политическихъ условій, должны были быть приблизительно одинаковы и промежутки, отдѣлявшіе другъ отъ друга революціи. До 1871 года они составляли для XIX столѣтія, какъ мы уже говорили, 15—18 лѣтъ.

Но почему послѣ Коммуны въ теченіе 34-лѣтняго періода,

---

[1]) Затѣмъ острые кризисы какъ будто прекратились, превратившись въ хроническій кризисъ, но въ 1898 и 1907 годахъ они возобновились съ новой силой.

отдѣляющаго ее отъ бурнаго 1905 года, въ Европѣ не было революціи? Этотъ вопросъ ставитъ себѣ Каутскій и находитъ, что и по отношенію къ этому періоду вышеуказанный законъ не былъ нарушенъ.

Правда, между 1871 и 1905 г. не было настоящей революціи, но были все-таки крупныя пертурбаціи, распространившіяся на важнѣйшія государства Европы. Въ Германіи въ 1890 году потерпѣлъ крушеніе режимъ Бисмарка и исключительный законъ противъ соціалистовъ. Это потрясеніе имѣло несомнѣнно общеевропейскій характеръ и повлекло за собой нѣсколько лѣтъ интенсивной политической жизни. Въ то же время Франція получила въ 1892 году 10-часовой рабочій день и довольно крупное представительство соціалистовъ въ парламентѣ; Бельгія пріобрѣла всеобщее, хотя и не равное, избирательное право; въ это же самое время въ министерствѣ Гладстона обсуждался серьезно вопросъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, и заключительнымъ актомъ этого прогрессивнаго періода можно считать агитацію за всеобщее избирательное право въ Австріи въ 1896 году. Такимъ образомъ, начало девяностыхъ годовъ, хотя и не ознаменовалось революціей въ настоящемъ смыслѣ этого слова, но сопровождалось такими пертурбаціями, которыя можно назвать зачаточной, недоразвившейся революціей.

Эти разсужденія и аналогіи, безъ сомнѣнія, любопытны, но не лишены элемента искусственности. Промежутокъ въ 15—18 лѣтъ, выведенный Энгельсомъ, есть только эмпирическій, установленный фактъ, относящійся исключительно къ *Франціи*. Если бы мы взяли другую страну, напр., Пруссію или Испанію, то мы нашли бы другія цифры. Съ другой стороны, между революціями и кризисами есть та существенная, въ международномъ отношеніи, разница, что кризисъ весьма быстро, почти по телеграфу, облетаетъ всѣ страны, вслѣдствіе тысячи связывающихъ ихъ экономическихъ нитей. Революція же передается въ другіе народы нерѣдко съ большимъ запозданіемъ, вслѣдствіе того, что политическая и общественная жизнь въ различныхъ странахъ несравненно болѣе обособлена, чѣмъ торговопромышленная. Поэтому періодическія цѣпи революцій въ различныхъ странахъ перепутываются и выведеніе общихъ формулъ становится дѣломъ малоблагодарнымъ. Да и для одной и той же страны правильность нарушается нерѣдко отъ того, что неудачная война *ускоряетъ* наступленіе революціи.

Если обратимся къ Россіи, то исторія ея «революцій» за интересующій насъ періодъ представится въ такомъ видѣ: Въ 1801 году состоялась *дворцовая* революція, посадившая на престолъ Александра I съ благими «конституціонными» намѣреніями. Въ 1825 году, черезъ 24 года, вспыхнула неудавшаяся *военная* революція декабристовъ. Черезъ 31 годъ—въ 1856 началась подготов-

ка къ мирной *революціи сверху*—къ освобожденію крестьянъ и реформамъ. Черезъ 20 лѣтъ разгорѣлась террористическая *интеллигентская* революція, чуть было не приведшая къ «Лорисъ-Меликовской конституціи», съ законосовѣщательнымъ собраніемъ, но потерпѣвшая крахъ въ 1881 году. Черезъ 24 года вспыхнула первая *общенародная* революція, а черезъ 12 лѣтъ, явно ускоренная войной, вторая. Средняя продолжительность періода—22 года.

б) *Интернаціонализмъ революціи.*

Революцію недаромъ сравниваютъ съ эпидеміей. Она не только пробуждаетъ и развиваетъ громадныя силы въ той странѣ, гдѣ вспыхиваетъ, но передается и въ другія страны. Какъ настоящая зараза, она дѣйствуетъ и черезъ соприкосновеніе, и черезъ воздухъ, и на ближайшихъ сосѣдей, и на далеко отстоящіе народы. Къ вѣстямъ о побѣдоносныхъ шагахъ революціи въ одной странѣ съ жадностью прислушиваются вездѣ, гдѣ существуютъ аналогичныя условія, гдѣ есть абсолютизмъ, политическій гнетъ, экономическая эксплоатація и національное угнетеніе. Съ каждымъ столѣтіемъ возрастаетъ заразительность революціи, и она все болѣе и болѣе проявляетъ тенденцію стать интернаціональной. Этому все сильнѣе способствуетъ развитіе капиталистическихъ отношеній, мірового хозяйства, почтовыхъ и телеграфныхъ сношеній. Великая англійская революція 1642—1649 годовъ еще имѣла ничтожное вліяніе на сосѣдніе народы. Она отозвалась только на Франціи, вызвавъ въ ней въ 1648 году революціонное движеніе дворянъ, длившееся четыре года и получившее названіе фронды.

Неизмѣримо сильнѣе было интернаціональное значеніе Великой Французской революціи, которая, въ свою очередь, протекала въ началѣ подъ сильнымъ вліяніемъ возстанія Сѣв.-Американскихъ колоній противъ англійскаго ига. Она отозвалась эхомъ по всей Европѣ, родивъ могучее идейное движеніе и вызвавъ подражаніе во многихъ мелкихъ государствахъ: возстаніе въ Ирландіи, революцію 3 мая 1791 года въ Польшѣ. Конвентъ 19 ноября 1729 года издалъ декретъ, въ которомъ говорилось: «Національный Конвентъ заявляетъ, что онъ предлагаетъ свою помощь и братство всѣмъ народамъ, желающимъ отвоевать свою свободу»... Побѣдоносные французскіе полки подъ звуки марсельезы разнесли революціонныя идеи вплоть до Египта, Сиріи и Москвы.

Революціонныя вспышки двадцатыхъ годовъ, въ которыхъ принимали такое крупное участіе международныя общества масоновъ и карбонаріевъ, охватили Францію, Испанію, Итальянскія государства, Португалію, Грецію и даже отдаленную Россію.

Іюльская революція въ Парижѣ 1830 года нашла непосредственный откликъ въ Бельгіи, Германіи, Италіи, Испаніи и Поль-

шѣ, а въ Англіи вызвала рѣзкое обостреніе борьбы за избирательную реформу, приведшее къ биллю 1832 года.

Февральская революція въ Парижѣ 1848 года послужила исходнымъ пунктомъ огромной революціонной полосы, охватившей чуть-ли не всю Европу. Собственно говоря, начало этому циклу положила Швейцарія, смѣло вступивъ въ 1845 году на путь демократіи. За ней поднялись раньше Парижа въ январѣ 1848 г. Мессина, Палермо и Неаполь. Послѣ же удара молніи, какимъ послужила февральская побѣда въ Парижѣ, возстала 13 марта Вѣна, 18-го Миланъ и Берлинъ и 26-го Мадридъ. А затѣмъ Польша, Румынія, Римъ и другіе города Италіи, Іоническіе острова... Наконецъ, третье и послѣднее оживленіе «чартизма» въ Англіи. Въ эту именно эпоху впервые былъ брошенъ лозунгъ интернаціональной революціи: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!».

Истиннымъ, можно сказать, единственнымъ очагомъ революціи была *тогда* Франція, имя которой громадными огненными буквами должно быть вырѣзано на будущемъ международномъ памятникѣ, который пролетаріатъ поставитъ революціи. «Франція—опаснѣйшая страна въ Европѣ,—говорилъ въ тридцатыхъ годахъ Токвиль,—она возбуждала то удивленіе, то уваженіе, то состраданіе и страхъ, но никогда равнодушіе». А въ 1859 году Лассаль писалъ Марксу: «До сихъ поръ, вопреки всѣмъ Наполеонамъ, Франція представляетъ собою для Европы революцію, ея пораженіе—пораженіе революціи».

На другомъ полюсѣ стояла Россія. Она была источникомъ злѣйшей контръ-революціи, которая тоже стремилась всегда стать интернаціональной, и надо признаться, гораздо чаще этого достигала. Россія вернула въ 1815 году Франціи ненавистныхъ Бурбоновъ, она душила польскія революціи 1791, 1831 и 1863 годовъ, она убила революцію въ Венгріи въ 1849 году и не перечесть ея заслугъ въ области интернаціональной реакціи.

Тѣ самыя двѣ державы, которыя въ концѣ XIX вѣка заключили между собою трогательный франко-русскій союзъ, играли въ исторіи революціи роль прямо - противоположную. По выраженію Наполеона, одна стремилась сдѣлать Европу республиканской, другая—казацкой.

И вотъ случилось нѣчто такое, чего никто никогда не могъ ожидать. «Полярной звѣздой революціи» становится ужъ не Франція, а сѣверная полярная страна, бывшая до сихъ поръ ея антиподомъ. «Безнадежной мечтой казалось тогда (въ серединѣ XIX вѣка), что русскій народъ сможетъ подняться противъ своихъ угнетателей,— пишетъ Карлъ Каутскій.—Полвѣка спустя Зап. Европа перестала руководить международными революціонными движеніями. Россія сдѣлалась страной революціонной иниціативы, иниціативы

не отдѣльныхъ лицъ и не отдѣльныхъ группъ или организацій, но стихійной инициативы народныхъ массъ. Это было въ 1905 году, это снова имѣетъ мѣсто въ настоящій моментъ» [1]).

Когда въ 1905 г. мрачнѣйшій очагъ и кнута и нагайки, страшное пугало для пролетаріата всей Европы, было само охвачено со всѣхъ сторонъ революціоннымъ пожаромъ, то присущая всякой революціи заразительность не могла не проявиться тотчасъ же... Норвегія была съ 1815 г. насильственно прикована европейскими дипломатами къ Швеціи, и много лѣтъ порывалась отдѣлиться, такъ какъ экономическіе интересы ея буржуазіи страдали отъ такого союза. Война съ Японіей, ослабившая силы русской бюрократіи, а главное революція, дали возможность Норвегіи осуществить ея давнишнія стремленія. Въ пролетаріатѣ въ Германіи несомнѣнно усилилось тогда революціонное броженіе. Въ Австріи и Венгріи пролетаріатъ поднялъ сильнѣйшую агитацію за всеобщее избирательное право. Въ отсталомъ Ольденбургѣ, самомъ реакціонномъ государствѣ Германіи, введено было всеобщее голосованіе. Маленькій деспотъ маленькой, жалкой, голодающей Черногоріи вынужденъ былъ изъ благоразумной предусмотрительности даровать своему народу куцую конституцію. Раскачалась Персія и осенью 1906 года добилась отъ шаха созыва «дома справедливости»—меджилиса (парламента), а въ дальнѣйшемъ теченіи дважды выкинула шаха изъ страны. Размахнулась и Турція и устроила свою фейерверочную революцію сперва 10 іюля, а потомъ 1—7 апрѣля 1908 года. Тронулся и медленный Китай и въ сентябрѣ 1911 года началъ свое побѣдоносное возстаніе, приведшее къ республикѣ. Превратилась посредствомъ революціи въ республику и Португалія. Вообще послѣ 1905 года, послѣ встряски, заданной нашей революціей, на земномъ шарѣ не осталось, кажется, ни одной деспотической державы. «Стоило русскому царю обнародовать въ 1905 году конституцію, хотя и сильно урѣзанную, какъ тотчасъ же затрещали всѣ восточныя самодержавія—Китайское, Персидское, Турецкое, Египетское—до Черногорскаго и Монакскаго включительно». Это писалъ не кто иной, какъ... Меньшиковъ, правда, сейчасъ же за сверженіемъ «русскаго царя» («Н. Вр.» 4 марта 1917 г.), когда онъ сталъ, конечно, ярымъ революціонеромъ и республиканцемъ. Только сама виновница торжества вышла изъ своей революціи съ тѣмъ же абсолютизмомъ Романова, хотя и съ Думой.

А теперь у насъ новая революція, революція 1917 г. Сейчасъ начинаютъ проявляться только *первые слѣды* вліянія ея на другія страны, причемъ міровая война дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи тормозящимъ, отклоняющимъ и извращающимъ образомъ. Реальная перемѣна режима произошла пока въ маленькихъ придаткахъ Россіи, пользующихся извѣстной степенью автономіи—въ Финляндіи,

---

[1]) „Ледяной домъ", ст. въ „Neue Zeit".

въ Хивѣ, Бухарѣ и Кокандѣ. Въ Германіи вопросъ объ избирательной и парламентской реформы получилъ тотчасъ же столь внезапный толчокъ, словно звуки марсельезы раздались уже подъ окнами дворца Вильгельма. И въ Австріи послышались уже новыя слова и другіе мотивы. И въ Румыніи вопросъ объ измѣненіи конституціи сталъ разбираться живѣе и остро поставленъ вопросъ о равноправіи національностей. Все это еще очень немного. За то огромное вліяніе революціи выражается въ рѣзкой революціонной постановкѣ вопроса о ликвидаціи міровой войны. Интернаціоналъ оживаетъ. Зарвавшіяся правительства зарвавшихся народовъ вынуждены со скрежетомъ зубовнымъ сдѣлать «стойку» и начать изворачиваться. Революціонные лозунги: «миръ», «безъ аннексій», «безъ контрибуцій» и «самоопредѣленіе народовъ» пережевываются со всѣхъ парламентскихъ трибунъ. Въ Петроградъ вереницей потянулись делегаціи изъ разныхъ странъ. Съ своей стороны Петроградъ посылаетъ спеціальныя делегаціи въ Англію, Францію и Италію. Стокгольмская конференція собралась.

«Всѣ эти организованные шаги,—пишетъ Вл. Розановъ въ «К. М.» отъ 5 мая,—не поспѣваютъ за стихійнымъ ростомъ вліянія на Зап. Европу. Это стихійное вліяніе основывается на самомъ фактѣ торжества русской демократіи. Когда читаешь теперь заграничныя газеты, кажется, что это изданія изъ давно прошедшаго историческаго періода, чуть-ли не изъ среднихъ вѣковъ: такъ далеко мы ушли впередъ... Судя по всему, *Петроградъ дѣлается міровымъ центромъ революціи*».

в) *Подражательный элементъ въ революціи.*

Почти въ каждой изъ бывшихъ до сихъ поръ революцій игралъ значительную роль элементъ подражанія старымъ образцамъ. Конечно, общность условій, при которыхъ революціи возникали, развивались и заканчивались въ разныхъ странахъ и въ разныя времена, объективно вызывала сходныя стремленія и проявленія; нигдѣ, поэтому, не примѣнимы до такой степени аналогіи и обобщенія, какъ въ исторіи революціи. Но кромѣ объективнаго *безсознательнаго копированія*, почти въ каждой революціи происходило *сознательное подражаніе* предыдущимъ движеніямъ. Пораженные грандіозностью происходящихъ передъ ихъ глазами явленій, люди искали невольно и вольно въ прошломъ уроки, методы и высокіе образцы. «Традиція старыхъ, отошедшихъ въ вѣчность поколѣній,—пишетъ Марксъ въ «18 брюмера»,—кошмаромъ давитъ людей живыхъ. И какъ разъ тогда, когда они стремятся, повидимому, къ преобразованію и себя, и окружающаго міра, къ созданію новыхъ небывалыхъ формъ,—именно въ такія эпохи революціоннаго кризиса они тревожно начинаютъ звать себѣ на помощь духовъ прошлаго, заимствуя у нихъ и имена, и пароли,

и даже костюмъ, чтобы въ такомъ античномъ одѣяніи и съ такимъ заимствованнымъ языкомъ творить новую сцену всемірной исторіи. Такъ Лютеръ маскировался апостоломъ Павломъ... Такъ Кромвель и англійскій народъ заимствовали у Ветхаго завѣта его языкъ, страсти и иллюзіи... Революція 1789—1814 годовъ драпировалась попеременно то въ тогу римской республики, то въ мантію Римской имперіи, а революція 1848 г. ничего лучшаго не придумала, какъ парадировать то 1789 г., то революціонныя преданія 1793—1795 годовъ»...

Въ XVI и XVII столѣтіяхъ, когда революціонныя движенія облекались еще, по традиціи, въ религіозныя формы, когда глубокія классовыя противорѣчія и широкіе экономическіе интересы скрывались подъ спорами о причастіи подъ однимъ или обоими видами, о дополнительномъ крещеніи, о подчиненіи власти папы, о признаніи епископата и т. п. — революціонныя массы, вмѣстѣ съ ихъ представителями и вождями, черпали свои идеалы изъ Ветхаго и Новаго завѣта,—изъ перваго чаще, чѣмъ изъ второго. «Демократическія секты,—замѣчаетъ Каутскій,—гораздо охотнѣе ищутъ обоснованія своихъ взглядовъ въ пламенномъ радикализмѣ ветхозавѣтныхъ пророковъ, нежели въ той проповѣди любви, всепрощенія и страданія, съ которой Новый завѣтъ обращался къ безпомощнымъ жертвамъ эпохи побѣдоноснаго цезаризма. Это предпочтеніе Ветхаго завѣта можно прослѣдить, начиная съ таборитовъ, вплоть до пуританъ» [1]). То же было и во время Великой англійской революціи. Демократическая мелкая буржуазія, бывшая въ ней главной двигательной силой, имѣла своими передовыми борцами религіозныя секты индепендентовъ и левеллеровъ («уравнителей»), отвергавшихъ всякій гнетъ, въ какой бы формѣ онъ ни выражался, въ томъ числѣ и религіозной. Въ битву они выступали съ пѣніемъ псалмовъ, у каждаго солдата обязательно находился въ карманѣ молитвенникъ, въ рѣчахъ постоянно черпали сравненія изъ библіи и ссылались на Моисея, Аарона, Іисуса Навина и т. п.

Въ 1642 году въ Англіи въ началѣ революціи одинъ торговецъ желѣзомъ, увидѣвъ проѣзжавшаго короля Карла I, выскочилъ изъ рядовъ бурно настроенной толпы народа и бросилъ въ экипажъ «британскаго царя Соломона» записку со словами: «Къ шатрамъ твоимъ, Израиль!»—которыми нѣкогда началось возстаніе Ровоама и отложеніе 10 колѣнъ отъ Дома Давидова [2]).

[1]) Каутскій. И. общ. движ., стр. 317.

[2]) „Въ сочиненіяхъ левеллеровъ, — пишетъ Эд. Бернштейнъ,— мы находимъ множество библейскихъ цитатъ, что неудивительно въ такое время, когда библія была единственной книгой, пользовавшейся авторитетомъ у народныхъ массъ. Но эти цитаты *никогда не относились къ религіознымъ догматамъ*“.

Любопытна рѣчь тамбовскаго крестьянина Лосева, депутата 1-ой Государственной Думы въ началѣ мая 1906 г., въ отвѣтъ на

Иначе было во время Великой французской революціи. Въ теченіе истекшаго со временъ Кромвеля 150-лѣтняго промежутка вѣра значительно ослабѣла, религіозные мотивы уступили мѣсто ложноклассицизму. Древній міръ изучался усердно, и его героями зачитывались. Когда вспыхнула революція, то оттуда, изъ исторіи Греціи и Рима, стали черпать для себя прототипы и прообразы. То-и-дѣло присваивали себѣ римскія имена Корнеліевъ, Сципіоновъ, Катоновъ и т. п. Знаменитый Франсуа Бабефъ, напр., переименовалъ себя въ Гракха Бабефа. Когда герцогъ Орлеанскій послѣ 10 августа 1792 г. попросилъ себѣ у парижской коммуны новаго имени было предложеніе назвать его «Публикола», впрочемъ, предпочли «Эгалите» (равенство). Политическія рѣчи ораторовъ и статьи публицистовъ пересыпаны были цитатами изъ римскихъ и греческихъ писателей и примѣрами изъ жизни древнихъ [1]). Политическія идеи, термины, лозунги, мѣропріятія—все бралось въ значительной степени изъ Рима: «гражданинъ», «республика», «консульство», трибуналъ, трибунатъ, сенатъ, имперія, диктаторъ, «отечество въ опасности», легіонъ, эдиктъ, «аграрный законъ» и т. д. Устраивались празднества и игры по римскому и греческому образцу. Голыя женщины изображали статуи; заимствованію подвергалась и одежда. Въ рѣчахъ безпрерывно цитировались герои древности: Бруты, Коллатины, Тарквиніи и т. п. 18 Брюмера,—пишетъ Блосъ,—когда гренадеры Наполеона разгоняли штыками Совѣтъ Пятисотъ, нѣкоторые депутаты величественно задрапировались въ свои тоги, какъ будто желая умереть на своихъ постахъ, подобно римскимъ сенаторамъ при вторженіи дикихъ галловъ.

декларацію Горемыкина. Онъ сравнилъ русское крестьянство съ „сильнымъ, могучимъ, но слѣпымъ Самсономъ“.

— Мы сильны,—говорилъ онъ, но всѣми хитростями и кознями мы ослѣплены и поэтому насъ берутъ на это зрѣлище, какъ Самсона брали филистимляне...

Но я одно долженъ сказать,—закончилъ онъ,—я не ручаюсь за то, выдержитъ-ли это тъ несчастный Самсонъ или такъ же упрется и скажетъ: „*умри, душа моя, съ филистимлянами!*“.

Рѣчь эта имѣла огромный успѣхъ и была отмѣчена прессой. Революціонная сила такихъ образовъ и сказывалась въ XVII вѣкѣ.

[1]) Вотъ, напр., отрывокъ изъ знаменитой рѣчи Робеспьера *противъ (!!)* смертной казни, произнесенной имъ 30 мая 1791 года въ Учредительномъ Собраніи: „Эти жестокіе законы—созданіе нѣкоторыхъ тирановъ; они—тѣ цѣпи, которыми тираны сдерживаютъ человѣчество, то оружіе, которымъ они его порабощаютъ, они написаны кровью. „Не дозволено наказывать *римскаго* гражданина смертью“. Такъ гласилъ законъ, изданный народомъ: *Сулла* побѣдилъ и сказалъ: „Всѣ, кто поднялъ на меня оружіе, подлежатъ смерти!“ *Октавій* и товарищи его позорныхъ дѣяній подтвердили этотъ законъ. При *Тиберіи* похвала *Бруту* являлась уже преступленіемъ, караемымъ смертью. *Калигула* присуждалъ къ смерти всякаго, кто простиралъ свое богохульство до того, что раздѣвался передъ изображеніемъ императора“...

Но сама революція 1789 года оставила такой глубокій слѣдъ, такъ потрясла умы современниковъ и потомковъ, создала столько новаго и своеобразнаго, выдвинула такое множество замѣчательныхъ и оригинальныхъ фигуръ, что въ свою очередь стала предметомъ подражанія. Всѣ послѣдующія революціи сознательно и безсознательно обращали къ ней свои взоры, въ ней черпали вдохновеніе и образцы и часто до комическаго копировали ея героевъ, ея проявленія, ея установленія. Въ 1848 году демократическая республиканская партія прозвала себя по образцу 1793 года монтаньярами, воскресила старое времяисчисленіе, старыя имена, старые эдикты, появились клубы подъ воскресшими названіями: Клубъ Якобинцевъ, клубъ Парижской Коммуны, клубъ Горы... Появились газеты съ знакомыми именами: «Парижская Коммуна», «Новый Кордельеръ», «Отецъ Дюшень», «Гильотина», «Другъ Народа», которыя были какъ бы выходцами съ того свѣта, въ бѣлыхъ саванахъ, спеціально для того, чтобы пугать робкія души. Въ 1870 году простодушно вѣрили, что стоитъ только по образцу 1792 года учредить революціонную парижскую коммуну и «Комитетъ общественной безопасности», и пруссаки будутъ изгнаны, и версальцы побѣждены. «Преклоненіе передъ фразами и историческими амулетами—пишетъ по этому поводу Б. Баксъ,—до такой степени характерно для французовъ и такъ отравляло всѣ французскія народныя движенія, что заслуживаетъ быть особо отмѣченнымъ».

«Подражаніе не всегда безопасно—замѣчаетъ Ж. Ренаръ[1]).—Играть въ Конвентъ нельзя безнаказанно... Желая безъ надобности вызывать все новые пароксизмы энергіи и страсти, не отдѣлимые отъ состояніи какъ бы безнадежности, рискуешь двоякимъ образомъ: или дать поводъ къ *насмѣшкамъ* надъ тѣмъ, что кажется ребяческимъ преувеличеніемъ... или же *отпугнуть* сочувствующихъ безполезнымъ обиліемъ рѣшительныхъ жестовъ и громкихъ криковъ. Оба эти результата имѣли мѣсто въ 1848 году. Въ нѣкоторыхъ клубахъ, гдѣ шли засѣданія подъ пиками, съ надѣтыми на нихъ фригійскими колпаками, гдѣ приглашали гражданъ засѣдать въ рабочихъ блузахъ, гдѣ предлагали уморить богатыхъ голодомъ... свѣтскіе кавалеры и дамы, которые искали приключеній въ этихъ трущобахъ, какъ въ звѣринцахъ, для острыхъ ощущеній—очень скоро обнаруживали скромныхъ барашковъ подъ шкурами тигровъ и начинали надсмѣхаться. Но были люди, которые понимали, какимъ отравленнымъ оружіемъ противъ республики являются эти дикія, нелѣпыя рѣчи и какъ онѣ должны запугивать и отталкивать провинцію и деревню»...

Причину, почему революціонные классы въ переворотахъ XVI и XVII вѣковъ искали себѣ идеаловъ въ прошломъ, Марксъ видитъ въ томъ, что они безсознательно старались скрыть отъ себя

---

[1]) „Исторія республики 1848 г.“

самихъ буржуазно-ограниченное содержаніе своей борьбы и поддержать въ себѣ *энтузіазмъ* на томъ уровнѣ, который соотвѣтствовалъ бы великой трагедіи, въ которой выливалась борьба новаго буржуазнаго общества со старымъ феодальнымъ. Чѣмъ ярче выступаетъ, однако, на сцену въ эпоху революціи пролетаріатъ, чѣмъ крупнѣе его роль, тѣмъ менѣе нуждается онъ въ томъ, чтобы черпать для себя образцы въ прошломъ, „Общественные перевороты XIX вѣка,—писалъ Марксъ въ 1852 году,—могутъ заимствовать политическій элементъ свой не у прошлаго, а только у будущаго. Они не могутъ даже и начаться, прежде чѣмъ не будетъ окончательно изжито и упразднено суевѣрное преклоненіе передъ прошлымъ. Прежнимъ революціямъ нужны были всемірно-историческія воспоминанія и легенды, чтобы скрыть отъ себя свое собственное содержаніе; революціямъ же XIX в. слѣдуетъ окончательно забыть о всякихъ мертвецахъ-покойникахъ, чтобы полнѣе выяснить себѣ свое содержаніе. Тамъ за фразой пряталось содержаніе, - здѣсь, наоборотъ, фраза скрывается за содержаніемъ».

Марксъ представлялъ себѣ, какъ извѣстно, ходъ историческаго развитія болѣе стремительнымъ, чѣмъ это оказалось на самомъ дѣлѣ. *Желаніе было* и у него иногда, какъ и у Лассаля, какъ и у Бебеля, *отцомъ мысли.* Поэтому то, что онъ въ 1852 году писалъ о пролетарскихъ революціяхъ XIX вѣка, надо отнести на нынѣшній двадцатый вѣкъ. И хотя обѣ наши революціи не соціалистическія, не пролетарскія, тѣмъ не менѣе пролетаріатъ играетъ въ нихъ доминирующую роль. Поэтому къ нимъ относится все то, что Марксъ говоритъ о революціяхъ будущаго. Имъ не нужно всемірно-историческихъ *воспоминаній* и *легендъ*, и онѣ не прячутъ свое содержаніе за фразой.

О «мертвецахъ-покойникахъ» все же забывать не слѣдуетъ, но не для того, чтобы *подражать*, а для того, чтобы *учиться.* Учиться не повторять прежнихъ ошибокъ, учиться тому, какъ дѣйствовать, чтобы *сохранить* изъ завоеваній революцій какъ можно больше благъ. Но есть, къ сожалѣнію, анархическое меньшинство, которое не учится, а копируетъ. Копируетъ всѣ прежнія прегрѣшенія. Стремясь какъ будто къ тому, чтобы немедленно воплотить въ настоящемъ *будущее*, они въ дѣйствительности цѣликомъ находятся въ рукахъ мертвецовъ-покойниковъ—якобинцевъ, бланкистовъ, Парижской коммуны, диктатуры и краснаго террора монтаньяровъ. *Мертвый хватаетъ живого!*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Революція и война.

а) Множество комбинацій.

Всякая революція, въ переносномъ смыслѣ слова, — война. Но здѣсь, въ этой главѣ, мы разумѣемъ войну въ обычномъ смы-

слѣ слова, войну съ чужеземными государствами. Революція и война — это два яркихъ катастрофическихъ историко-политическихъ процесса, имѣющіе то сходство, что въ обоихъ льется болѣе или менѣе обильно человѣческая кровь, что оба возникаютъ внезапно, оба имѣютъ опредѣленное законченное те еніе, оба обманываютъ зачастую всѣ расчеты и всѣ ожиданія, оба влекутъ для народовъ неисчислимыя послѣдствія.

Изъ двухъ элементахъ, если вѣрить математикѣ, можно сдѣлать только два размѣщенія или сочетанія или перестановки. Но одно дѣло алгебра, а другое — жизнь. Изъ двухъ элементовъ: революція и война — она творитъ несравненно больше комбинацій.

Война вмѣсто революціи. Война, какъ средство *предупредитъ* революцію. Такъ думали Наполеоны, такъ разсчитывалъ и Плеве, поддерживая дальне-восточную авантюру.

Революція вмѣсто войны. Революція, какъ единственный путь для предовращенія войны. Такъ мечтали анархо-синдикалисты съ Эрве, прежнимъ конечно, во главѣ.

И революція, и война!—восклицали парижскіе революціонеры въ 1830 и 1848 годахъ, требуя отъ созданныхъ революціями правительствъ объявленія войны для защиты Польши, Бельгіи, Италіи и т. д.

Ни революціи, ни войны!—умолялъ своихъ избирателей Эрнестъ Ренанъ, *наканунѣ* франко-прусской войны и сентябрьской революціи. И то, и другое—величайшее зло [1]).

Революція, какъ слѣдствіе войны,—такъ оборачивались событія, въ видѣ весьма непріятнаго сюрприза, для Наполеона III и Николая II.

Революція—причина войны. Одна изъ самыхъ частыхъ комбинацій, начиная съ Великой Французской революціи и кончая Испанской, Неаполитанской или Турецкой революціями.

Война губитъ революцію!—такъ думаетъ почти вся россійская демократія, разумѣя вызываемую войною задолженность, обезцѣненіе денегъ, дороговизну, растущія вслѣдствіе этого требованія прибавокъ заработной платы, всеобщую разруху, дезоргонизацію и т. п.

Война и губитъ, и спасаетъ революцію,—увѣряетъ С. А. Кливанскій («День» отъ 20 мая). Она «смягчаетъ противодѣйствіе правящихъ классовъ демократизаціи страны и проведенію соціальныха реформъ. Она дастъ raison d'etre всѣмъ тѣмъ требованіямъ самоограниченія, безъ которыхъ борьба классовъ и націй приведетъ къ гибели революціи и государства». Однимъ словомъ, долой «гипнозъ формулы, что война губитъ революцію»!

---

[1]) „Въ деревняхъ департаментовъ Сены и Марны,—писалъ онъ 13 сентября 1870 г. (уже *послѣ* начала войны и революціи) *нѣмцу* Д. Ф. Штраусу,—до сихъ поръ красуются мои воззванія, а въ нихъ можно прочесть: Не надо ни революціи, ни войны; война такъ же пагубна, какъ революція". (*Лавеле*: „Совр. Пруссія въ полит. и эконом. отношеніяхъ" 1870 г.).

Революція—для войны! Революцію мы признаемъ исключительно «постольку, поскольку» она намъ принесетъ побѣду надъ внѣшнимъ врагомъ. Такъ твердятъ и шумятъ не переставая Шульгинъ и Гучковъ, а также Родичевъ и Милюковъ.

Революція—это немедленный конецъ войны—это миръ «во что бы то ни стало» настаивали Ленины и Зиновьевы.

А осторожный Карлъ Каутскій въ началѣ апрѣля осторожно отмѣчаетъ: «Русская революція—это первый лучъ надежды, озарившій съ начала войны бѣдную пропитанную кровью землю. Первый лучъ солнца, позволяющій надѣяться, что ростки мира взойдутъ».

б) Война, какъ причина революціи.

Обычно толчкомъ для взрыва народной революціи является рѣзкое ухудшеніе положенія массъ подъ вліяніемъ неурожаевъ и экономическихъ кризисовъ [1]). Не всегда для этого требуется ясно выраженный «очередный» экономическій кризисъ, какъ не всякій экономическій кризисъ вызываетъ революцію. Но бываютъ условія, когда экономическій кризисъ возникаетъ, такъ сказать, «искусственно», когда создается разстройство всей торгово-промышленной жизни не на почвѣ перепроизводства, а на основѣ недостачи продуктовъ, нарушенія правильнаго обмѣна и разгула спекуляціи. Однимъ изъ такихъ условій, притомъ условій перваго ранга, является *война*.

Война представляетъ благопріятную среду для взрыва революціи въ *двухъ* отношеніяхъ. Съ одной стороны, она обостряетъ страданія народныхъ массъ, вслѣдствіе уменьшенія заработковъ, вслѣдствіе недостатковъ и вздорожанія продуктовъ; къ этому присоединяются усиленные военные наборы, повышенные налоги и раззореніе страны вторгнувшимся непріятелемъ. Съ другой стороны, война, если она развивается неудачно, если пораженіе слѣдуетъ за пораженіемъ,—понижаетъ самоувѣренность правящей клики, низводитъ до минимума ея престижъ и вызываетъ бурный ростъ оппозиціоннаго и революціоннаго настроенія. Ибо война, гдѣ требуется наивысшее проявленіе организаторскихъ и творческихъ силъ правительства, умѣнье быстро и во-время доставать и доставлять все нужное для арміи—деньги, оружіе, аммуницію, продовольствіе и фуражъ—она то какъ разъ и обнаруживаетъ особенно яркимъ образомъ всю гнилость, всю испорченность режима, подкупность его чиновниковъ и циничное стремленіе набивать карманы за счетъ гибели страны. И это сказывается и въ тѣхъ случаяхъ, когда война, въ концѣ концовъ, благодаря тому, что противникъ нисколько не лучше,—приводитъ къ побѣдѣ, какъ то было, напр., въ русско-турецкую войну 1877 г. На экзаменѣ войны проваливаются «съ

---

[1]) Объ этомъ подробно во второй части: „Отъ переворота до Учредит. Собранія“. Глава VI: поддержаніе безработныхъ.

трескомъ» испорченныя самонадѣянныя правительства, горделиво восклицавшія, какъ Оливье, министръ Наполеона III, или Сухомлиновъ, министръ Николая II: «Мы готовы, архи-готовы! До послѣдней пряжки и пуговицы!» Либо *въ самомъ ходѣ* войнѣ, подъ впечатлѣніемъ громкаго неслыханнаго пораженія или подъ вліяніемъ рѣзкаго обостренія нужды,—либо сейчасъ или скоро по окончаніи войны, при заключеніи унизительнаго или несоотвѣтствующаго жертвамъ мира, вспыхиваетъ революція.

«Что война и революція,—пишетъ Каутскій въ упомянутой уже статьѣ «Ледяной домъ»,—хотя и не непремѣнно соціальная, но во всякомъ случаѣ, связанная съ паденіемъ существующей системы и устраненіемъ господствующихъ властителей, были тѣсно связаны между собой въ теченіе всего послѣдняго столѣтія,—считалось до настоящей міровой войны въ рядахъ соціалъ-демократіи общепризнаннымъ тезисомъ, сдѣлалось даже общимъ мѣстомъ».

Каутскій почему-то при этомъ проводитъ границу между тѣмъ, вспыхиваетъ-ли эта революція въ разгарѣ неудачной войны или *по окончаніи* ея. «Чего нельзя было ожидать, что вызываетъ изумленіе—это взрывъ революціи въ Россіи *въ теченіе* войны. Это совершенно необычный случай, который не имѣетъ прецедентовъ въ XIX столѣтіи».

Мы, признаться, не видимъ никакой необходимости отдѣлять эти моменты. Ибо въ высшей степени непонятно, почему взрывъ революціи, подъ вліяніемъ обоихъ вышеуказанныхъ нами факторовъ, выступающихъ во время неудачной войны: роста недовольства и паденія пристижа власти—почему этотъ взрывъ, всегда стихійный, долженъ произойти именно въ *концѣ войны*, а не въ самомъ ходѣ войны. Да и исторически невѣрно, что то, что случилось у насъ теперь, не имѣетъ прецедентовъ, какъ мы въ этомъ сейчасъ убѣдимся.

Психологически разница сводится къ тому, что въ одномъ случаѣ старый порядокъ сметается подъ лозунгомъ: «Долой режимъ, *приведшій* насъ къ позорному миру!», а въ другомъ: „Долой режимъ, *ведущій* насъ къ позорному миру!" Только и всего.

1) Французская революція 4 сентября 1870 г.

Въ этой революціи, начавшейся въ Парижѣ черезъ 1½ мѣсяца, послѣ объявленія Франціей войны Пруссіи, вспыхнувшей подъ впечатлѣніемъ Седанскаго разгрома и освободившей Францію навсегда отъ Наполеоновъ,—мы, вопреки Каутскому, видимъ безспорный прецедентъ нашей нынѣшней революціи. Онъ находитъ, что «паденіе французской имперіи послѣ Седана не было дѣломъ одной только революціи. Этотъ режимъ воплощался въ личности Наполеона III и лишился своей опоры, когда Наполеонъ былъ взятъ подъ Седаномъ въ плѣнъ». Но уже за двѣ недѣли до Седана,

20 августа послѣ того какъ маршалъ Базенъ былъ отрѣзанъ нѣмцами отъ Парижа и вынужденъ былъ отступить къ Мецу, императрица съ министрами телеграфировали Наполеону: «Если вы бросите Базена, то въ Парижѣ вспыхнетъ революція». Плѣнъ императора только облегчилъ дѣло переворота и сдѣлалъ его безкровнымъ, но самый тронъ не былъ вакантнымъ; на немъ сидѣла императрица-регенша и малолѣтній наслѣдникъ. Сеньебосъ болѣе правъ, когда онъ кратко поясняетъ: „Противъ республиканскаго населенія Парижа императорское правительство опиралось на *армію*. Потерявъ ее въ войнѣ съ Пруссіей, имперія пала безъ борьбы.

2) Россійская революція 1917 г.

Она цѣликомъ относится къ типу революцій, возникающихъ въ ходѣ войны, подъ вліяніемъ неудачъ и возрастающаго презрѣнія къ правительству. Если въ первый годъ войны господствовалъ въ буржуазныхъ кругахъ гражданскій миръ, «бургфриденъ»; то послѣ великаго лѣтняго отступленія 1915 г., съ очищеніемъ Галиціи, Польши, Литвы, Курляндіи и т. д.—оппозиціонное настроеніе даже 3-е іюльской Думы выросло въ весьма замѣтной степени. Это настроеніе, разумѣется, не исчезло оттого, что сессія думы была очень скоро прекращена. Брусиловское наступленіе лѣтомъ 1916 г. ослабило недовольство, но когда выяснилась ограниченность территоріальнаго продвиженія, а послѣ выступленія Румыніи, вмѣсто ожидавшагося рѣшительнаго поворота къ лучшему, началось стремительное наступленіе Макензена, то въ первомъ же засѣданіи Думы (1 ноября) полились обвинительныя рѣчи. Настроеніе подымалось все выше и выше, какъ благодаря дальнѣйшему отступленія на Румынскомъ фронтѣ, такъ и благодаря все возраставшей панической растерянности правительства. Голодъ вслѣдствіе хозяйственной разрухи довершилъ дѣло, и 23 февраля раздались громовые раскаты революціи. [1])

3) Россійская революція 1905 г.

На первый взглядъ кажется, что она разразилась послѣ войны. Всероссійская забастовка, вынудившая знаменитый манифестъ, началась въ октябрѣ одновременно съ ратификаціей мирнаго договора съ Японіей. Но, вѣдь, это была верхушка войны, гребень революціи. Самая же революція началась съ 9 января, которому предшествовала осенняя банкетная кампанія 1904 года, съ лозунгомъ Учредительнаго Собранія, на основѣ четырехчленной формулы. Каждое пораженіе вызывало новое усиленіе броженія и новыя уступки со стороны правительства. Уже 18 февраля была создана булы-

---

[1]) «Если-бы не было войны,—сказалъ англійскій генералъ Сметсъ во время посѣщенія русской выставки въ Лондонѣ, 18 мая 1917 г.,—то революціи въ Россіи пришлось бы ждать лѣтъ 50 или 100 (!), пока не кончилась бы та трагедія, которая разыгрывалась въ странѣ.

гинская комиссія для «усовершенствованія государственнаго благоустройства», а 6 августа была опубликована булыгинская «конституція». Бурная революція, одна изъ величайшихъ въ исторіи, шла въ гору въ теченіе всей войны съ Японіей.

4) Парижская коммуна 1871 г.

Эту революцію въ отношеніи связи съ войной Каутскій считаетъ нормальной, такъ какъ «революціонное выступленіе недовольныхъ народныхъ массъ въ Парижѣ произошло уже послѣ того, какъ миръ былъ заключенъ». Условія этого мира, какъ извѣстно, заключались въ томъ, что Франція лишалась Эльзаса и части Лотарингіи и должна была уплатить контрибуцію въ 5 милліардовъ франковъ. Несомнѣнно, они вызывали страшное возмущеніе въ населеніи Парижа, вынесшемъ только что всѣ ужасы 4-хъ мѣсячной осады, но тѣмъ не менѣе было бы огромной ошибкой думать, что возстаніе коммуны вспыхнуло 18 марта именно вслѣдствіе этихъ мирныхъ условій. Его вызвало бурное негодованіе, отвращеніе, отчаянье, когда Парижъ увидѣлъ, какое дикое, реакціонное Учредительное Собраніе послала на выборахъ деревенская Франція. Для принятія мирнаго договора съ Германіей были устроены 8 февраля выборы по всей Франціи на основѣ четырехчленной формулы. На избирательную агитацію дано было только 10 дней.

Повсюду, кромѣ департаментовъ, занятыхъ непріятелемъ и далекаго отъ военныхъ дѣйствій, а потому неугрожаемаго юго-востока,—крестьяне стояли за прекращеніе войны за немедленное заключеніе мира. На республиканскій списокъ кандидатовъ они смотрѣли, какъ на списокъ войны. Вездѣ они поэтому проводили «списокъ мира», т.-е. списки тѣхъ депутатовъ, которые стояли въ оппозиціи къ радикальному министру Гамбеттѣ, ярому стороннику «войны до побѣдоноснаго конца». Списки эти были заполнены всевозможными противниками республиканскаго строя, ярыми монархистами изъ помѣщиковъ и духовенства. И они-то составили огромное большинство Учредительнаго Собранія, на которое исторія возложила миссію возродить Францію. Было отъ чего впасть въ полное отчаяніе и менѣе изнервничавшимся людямъ, чѣмъ тогдашніе парижане.

Вотъ что писалось въ первомъ же воззваніи Комитета Коммуны, вышедшемъ въ первый день возстанія:

«Граждане! Мирное и невозмутимое въ своей силѣ населеніе Парижа безъ страха и вызова относилось къ этимъ обезумѣвшимъ негодяямъ (т.-е. депутатамъ Учредительнаго Собранія), рѣшившимся *посягнуть на республику*... Пусть Парижъ и вся Франція положатъ основаніе республикѣ со всѣми ея послѣдствіями; только эта форма правленія закончитъ *эру вторженій и гражданскихъ войнъ*.

Населеніе Парижа приглашается по секціямъ для выборовъ въ коммуну» [1]).

О войнѣ въ этомъ воззваніи не было ни слова.

И соціалистъ Луи-Дюбрейль, написавшій исторію Коммуны, правъ, когда, констатируя, что Коммуна представляла явленіе поразительно спутанное и смутное, твердо устанавливаетъ, что вопросъ объ отношеніи къ войнѣ былъ лишь *однимъ* изъ многочисленныхъ потоковъ, прорѣзавшихъ ея бурное движеніе, и что эта «патріотическая» струя, спеціально противъ пруссаковъ, отходила, во всякомъ случаѣ, на задній планъ передъ струями «республиканской» (противъ Учред. Собранія), «коммунальной» (противъ реакціонной деревенщины), а главное «соціалистической» (противъ буржуазіи).

«Многіе, очень многіе патріоты,—признаетъ онъ —заблудились въ этомъ движеніи и какъ Россель, напримѣръ, думали, что черезъ коммуну и съ ея помощью возможно наэлектризовать истекающую кровью и умирающую Францію и бросить ее на пруссаковъ. Мечта безумная, нелѣпая надежда, возбуждавшая тѣмъ не менѣе не мало головъ... Но прежде всего и главнымъ образомъ Коммуна была «пролетарской», слѣдовательно соціалистической».

Хотя, такимъ образомъ, о возстаніи Коммуны нельзя никоимъ образомъ сказать, что его цѣлью было отвергнуть заключенный миръ и возобновить борьбу съ пруссаками «до побѣды» тѣмъ не менѣе одно вѣрно, что оно вспыхнуло въ связи съ войной, что оно является слѣдствіемъ войны, какъ и три другія выше описанныя революціи.

в) Война, какъ слѣдствіе революціи.

Но бываетъ и наоборотъ. Бываетъ, что побѣдоносный народъ, только что благополучно справившійся съ постылымъ режимомъ, вынужденъ вмѣсто того, чтобы безпрепятствено заниматься внутренними дѣлами, выработкой новой конституціи, упорядоченіемъ разстроенной хозяйственной жизни,—ввязаться въ войну съ сосѣдней или отдаленной державой. Тутъ революція имѣетъ своимъ *послѣдствіемъ* войну.

Мы исключаемъ тѣ случаи революціонной войны, когда характеръ настоящей войны принимаетъ борьба съ *внутренними* реакціонными силами, когда, слѣдовательно, революція *дѣлается* войной. Такой характеръ приняла, напр., Великая Англійская революція 1642—1649 г. г., въ которой арміи парламента вели войну съ войсками короля (Карла I). Или второй періодъ Венгерской революціи, когда Венгерскія арміи, подъ начальствомъ Бема, сражались съ австрійскими, подъ начальствомъ Виндишгреца. Или когда 13 сѣверо американскихъ англійскихъ колоній, сбросивъ съ себя иго англійскаго короля и образовавъ федеративную республику, выну-

[1]) Лиссагаре. Исторія Парижской Коммуны.

ждены были подъ начальствомъ Вашингтона выдерживать 8 лѣтъ войны съ королевскими войсками. Такихъ примѣровъ можно было бы привести великое множество, въ особенности изъ об асти національныхъ возстаній (напр., польскихъ 1830 и 1863 г.г.) и изъ группы военныхъ революцій.

Мы хотимъ ограничиться только случаями *иностраннаго* вмѣшательства, когда на чашку вѣсовъ поверженнаго режима кладетъ свою тяжелую саблю иноземецъ, посылая ему на помощь свою рать либо «безкорыстно», изъ «принципа», изъ чистой любви къ «порядку» и нерушимости троновъ, либо изъ страха предъ революціонной заразой, либо съ тайнымъ намѣреніемъ что-нибудь урвать для себя. Самый замѣчательный случай такого вмѣшательства, несомнѣнно, представляетъ Великая Французская революція. Но раньше мы приведемъ нѣсколько другихъ примѣровъ, болѣе позднихъ, но менѣе сложныхъ.

1) Францiя противъ Испанской революціи.

Въ 1820 году вь Испаніи вспыхнула военная революція подъ предводительствомъ полковника Ріего, энергичнаго офицера, получившаго громкую боевую репутацію въ національной борьбѣ съ Наполеономъ I. I. Революція, проведенная Ріего, по заранѣе составленному стратегическому плану, привела къ побѣдѣ надъ неограниченнымъ режимомъ короля Фердинанда Бурбона, къ возстановленію отмѣненной имъ въ 1814 году «конституціи 1812 г.», къ созыву парламента («кортесовъ») и къ провозглашенію свободъ. Но все погибло, когда сторонники абсолютизма обратились за помощью къ Священному Союзу державъ, во главѣ котораго стоялъ Меттернихъ. Франціи Людовика XVIII поручено было возстановить въ Испаніи «порядокъ». Стотысячная французская армія перешла Пиренеи и вторглась въ Испанію.

Испанское революціонное правительство не имѣло ни арміи, ни денегъ. Оно поэтому не пыталось оказывать отпоръ французамъ. Оно стало отступать вмѣстѣ съ парламентомъ сперва въ Севилью, потомъ въ Кадиксъ и каждый разъ увозило съ собою короля противъ его воли. При отъѣздѣ изъ Севильи Фердинандъ объявилъ себя больнымъ, но ему отвѣчали, что для его выздоровленія необходима перемѣна воздуха. При отъѣздѣ въ Кадиксъ онъ опять отказался ѣхать; парламентъ, не желая его свергать съ престола, объявилъ его «абсолютно неотвѣтственнымъ въ данный моментъ» и назначилъ регенство.

Три мѣсяца держалось правительство въ Кадиксѣ... Дальше уходить было некуда. Страна не возстала противъ усмирителей, какъ она поднялась раньше противъ Наполеона, и не оказала поддержки осажденнымъ. Правительство капитулировало. Фердинандъ вернулся въ Мадридъ абсолютнымъ монархомъ. Революція была подавлена. Ріего былъ повѣшенъ. Началась безудержная реакція.

2) Австрія противъ Итальянскихъ революцій.

Военныя революціи 1820 г. въ Неаполѣ и 1821 г. въ Пьемонтѣ привели къ введенію въ обоихъ государствахъ конституціи, по точному образцу испанской 1812 г. Неаполитанскій король Фердинандъ Бурбонъ присягнулъ конституціи и, молитвенно воздѣвъ очи къ Богу, торжественно воскликнулъ: «Если я солгу или не сдержу своей клятвы, то пошли на мою голову молнію твоего мщенія!». Это не помѣшало ему уѣхать при первой же возможности изъ Неаполя и вернуться съ 50-тысячнымъ австрійскимъ войскомъ.

Неаполитанское правительство выставило двѣ небольшія арміи, но, при первой же встрѣчѣ съ непріятелемъ, солдаты разбѣжались, и австрійцы заняли безъ сопротивленія все королевство.

А въ Пьемонтѣ на зовъ короля К рла Феликса съ готовностью откликнулся *русскій* царь Александръ I, двинувшій туда 100-тысячную армію. Но прежде, чѣмъ она могла дойти, вторглись въ Сардинское королевство *австрійцы*, и король немедленно бѣжалъ къ нимъ. Руководители революціи объявили короля плѣнникомъ австрійцевъ и повели солдатъ и студентовъ противъ австрійцевъ. Подъ Наваррой произошла стычка, войска инсургентовъ разбѣжались. Абсолютизмъ былъ возстановленъ. Воцарился бѣлый терроръ.

3) Россія противъ Венгерской революціи.

Въ Венгріи началась 3 марта 1848 г., подъ вліяніемъ февральской въ Парижѣ, революція, которая привела къ введенію конституціи и созыву Учредительнаго Собранія, а потомъ и къ отдѣленію отъ Австріи. Въ декабрѣ австрійскія войска вторглись въ Венгрію, но встрѣтили упорное организованное сопротивленіе. Венгерская армія въ 50 т. человѣкъ переправилась черезъ Тиссу, отбросила австрійцевъ и освободила всю Венгрію, которая была тогда провозглашена республикой съ президентомъ Кошутомъ во главѣ. Тогда императоръ Францъ-Іосифъ обратился за помощью къ нашему Николаю I, который немедленно двинулъ 200 т. солдатъ для усмиренія «бунтовщиковъ», Паскевичъ съ 80-т. арміей перешелъ Карпаты. Венгры стали отступать, главная армія въ 23 тысячи человѣкъ 23 августа 1849 г. сдалась въ плѣнъ. Кошутъ и многіе другіе бѣжали въ Турцію. Начались жестокія репрессіи. Вернулся полностью прежній режимъ.

4) Франція противъ Римской республики.

Мы уже упоминали въ первой главѣ о томъ, какъ революціонная Французская республика, благодаря тому, что крестьянство послало реакціонное Учредительное Собраніе, а въ президенты избрало Луи-Наполеона,—раздавила юную Римскую республику, провозглашенную 8 февраля 1849 г. спеціально созваннымъ Учре-

дительнымъ Собраніемъ. Уже 31 марта французская Палата предоставила министерству Одиллонъ Барро, большинствомъ 444 голосовъ противъ 320, полную свободу дѣйствій, уполномочивъ, «если интересы и честь Франціи того потребуютъ, занять временно часть Италіи».

Экспедиція была снаряжена очень быстро. Все было заранѣе подготовлено, и нужное количество войскъ своевременно стянуто въ Тулонъ и Марсель. 25 апрѣля отрядъ, подъ начальствомъ генерала Удино, находился уже у входа въ портъ Римской республики—Чивита Веккію. Чтобы обезпечить безопасность высадки, Удино обнадежилъ префекта Мануци, что онъ посланъ для защиты республики и что гражданская и политическая независимость римлянъ останется неприкосновенной. Высадившись такимъ образомъ вполнѣ безпрепятственно, онъ первымъ дѣломъ арестовалъ Мануци, ввелъ осадное положеніе и конфисковалъ все оружіе, а затѣмъ двинулся на Римъ.

Но тутъ онъ потерпѣлъ постыдную неудачу. Римляне приготовились къ защитѣ. У нихъ были два знаменитыхъ вождя: Гарибальди и Мадзини. Вокругъ перваго сгруппировались всѣ активные и рѣшительные элементы, готовые отдать свою жизнь за независимость родины. Гарибальди былъ для нихъ кумиромъ, воплощеніемъ доблести и рыцарскаго благородства. Мадзини воодушевлялъ массу на борьбу и осторожно вырабатывалъ планъ защиты.

Когда Удино утромъ 30 апрѣля подступилъ къ Риму, онъ былъ встрѣченъ картечью изъ батарей, спрятанныхъ въ садахъ Ватиканскаго дворца. Въ войскѣ его поднялась паника, ряды разстроились, и послѣ короткаго боя онъ вынужденъ былъ отступить, потерявъ 700 человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными.

Республика была спасена, но не надолго.

Съ сѣвера появился австрійскій генералъ фонъ-Вимпфенъ, проникъ въ Романью, занялъ Болонью, Феррару и Равенну и возстановилъ тамъ власть папы. Съ юга ворвались въ предѣлы Римской республики 12 тысячъ неаполитанцевъ подъ личнымъ командованіемъ короля Фердинанда («бомбы»). Но ихъ встрѣтилъ Гарибальди со своими волонтерами и нанесъ имъ два такихъ пораженія, что они поспѣшили отступить во-свояси. Высадился также испанскій отрядъ въ 5000 человѣкъ «для защиты папы».

А въ это время Удино былъ усиленъ свѣжими войсками, и отрядъ его дошелъ до 30 тысячъ. Наполеонъ телеграфировалъ ему немедленно наступать. Въ ночь на 3 іюня онъ, послѣ 16-ти часового геройскаго сопротивленія со стороны римлянъ, занялъ нѣсколько важныхъ позицій въ окрестностяхъ города, откуда онъ получилъ возможность обстрѣливать весь фронтъ. Тѣмъ не менѣе, римляне продолжали обороняться. Въ ночь на 22 іюня два бастіона попали

въ руки французовъ, 3-го іюля все было кончено, и Удино вступилъ въ завоеванный городъ. Мадзини съ приверженцами бѣжалъ. Гарибальди съ отрядомъ въ 4400 человѣкъ пробился въ полномъ порядкѣ черезъ ряды австрійскихъ войскъ и добрался до крошечной горной республики С.-Марино, гдѣ распустилъ свой отрядъ, а самъ уѣхалъ въ Южную Америку.

Ключи «Вѣчнаго Города» были посланы папѣ. Власть его возстановлена, «анархія» прекращена. Наполеонъ получилъ благоволеніе католиковъ, императорскій тронъ былъ ему обезпеченъ.

* * *

Мы привели тутъ 4 случая нападенія иностранныхъ державъ на революцію съ цѣлью ихъ подавленія. Всѣ они кончались трагически для дѣла свободы. Насильники всегда торжествовали, пока не приходилъ и ихъ часъ [1]). Такихъ случаевъ можно было бы привести еще не мало.

Однимъ изъ самыхъ послѣднихъ, является участіе Николая II въ Персидской контръ-революціи и кратковременномъ возвращеніи шаха. Много у насъ также говорили и писали о роли Вильгельма II въ нашей революціи 1905 г. Впервые пригрозилъ иностраннымъ нашествіемъ генералъ-губернаторъ Царства Польскаго Скалонъ въ бесѣдѣ съ Тышкевичемъ, Либицкимъ и Япсономъ. Вторично угроза Вильгельмомъ появилась тогда же въ казенной газетѣ «Россія». Объ этомъ было упомянуто въ воззваніи трудовиковъ послѣ разгона 1-ой Думы. Объ этомъ дѣлалъ разоблаченія Родичевъ въ III Думѣ, въ ноябрѣ 1907 г. Къ этому неоднократно возвращались у насъ теперь. Бетманъ-Гольвегъ офиціально опровергъ этотъ упорный слухъ. Предположеніе, во всякомъ случаѣ *правдоподобное* относительно Польши («дыма безъ огня не бываетъ»), въ дѣло однако, не претворилось, да и врядъ ли была дѣйствительная надобность въ чужеземныхъ силахъ для подавленія революціи 1905 г. Собственныхъ было предостаточно. И если говорить объ иноземномъ вмѣшательствѣ въ нашу первую революцію, то оно носилъ совершенно другой характеръ. «883 1/3 милліона рублей,—пишетъ В. А. Поссе [2]),—данные международнымъ капиталомъ русскому правительству наканунѣ созыва первой Государственной Думы предрѣшили ея судьбу»— а слѣдовательно и судьбу революціи.

Единственное исключеніе, когда всѣ попытки иностранныхъ державъ задавить революцію кончались въ теченіе многихъ лѣтъ (четверть вѣка!) полной неудачей, представляетъ Великая Фран-

---

[1]) Изъ всѣхъ 4 усмирителей въ описанныхъ случаяхъ—французскіе Бурбоны были выброшены революціей въ 1830 г., австрійскій Меттернихъ въ 1848 г., а выходецъ революціи Людовикъ-Наполеонъ, погубивъ крымской кампаніей Николая I лишился трона въ 1871 году.

[2]) „Россія въ царствованіе Николая II“, приложеніе къ исторіи Европы Сеньобоса, стр. 589.

цузская революція. Мы ее выдѣляемъ особо, какъ замѣчательный случай *революціонной обороны*, проведенной настолько успѣшно, что она скоро превратилась въ *революціонное наступленіе* и создала традицію, подъ властью которой мы находимся и по сей день.

г) Великая Французская революція и революціонная оборона.

Революція, начавшаяся во Франціи въ 1789 году и сметшая однимъ дуновеніемъ весь феодально-крѣпостной строй, заставила многихъ аристократовъ, дворянъ и высшихъ духовныхъ бѣжать заграницу, гдѣ они концентрировались, главнымъ образомъ, въ нѣмецкомъ Кобленцѣ и сардинскомъ Туринѣ. Въ числѣ скрывшихся были и оба брата короля. Всѣ эти «эмигранты» толкались у иностранныхъ дворовъ и интриговали, чтобы побудить ихъ объявить Франціи войну. Людовикъ XVI тайно поддерживалъ съ ними сношенія и торопилъ съ образованіемъ коалиціи. Въ Пильницѣ около Дрездена, съѣхались австрійскій императоръ (шуринъ Людовика XVI) и Прусскій король и 27 августа 1791 г. издали декларацію, въ которой говорилось, что всѣ государи Европы затронуты въ своихъ интересахъ событіями во Франціи и что всѣ они должны соединиться, чтобы дать Франціи соотвѣтствующее правленіе. Эмигранты располагали на границѣ 60.000 солдатъ и вели себя особенно вызывающе во владѣніяхъ обоихъ католическихъ духовныхъ курфюрстовъ Майнискаго и Трирскаго. Законодательное Собраніе, смѣнившее Учредительное, постановило потребовать отъ обоихъ курфюрстовъ, чтобы они обезоружили эмигрантовъ и удалили ихъ отъ границы. «Скажите Европѣ,—взывалъ съ трибуны жирондистъ Искаръ,—что вы уважаете государственныя учрежденія всѣхъ державъ, но что *если начнется война королей противъ Франціи, то вы зажжете войну народовъ противъ королей!*».

27 февраля 1792 г. Австрія и Пруссія заключили формальный союзъ, по которому Австрія должна была выставить 180.000 ч., а Пруссія 60.000. Когда это стало извѣстнымъ, правая и центръ (демократы-конституціоналисты или иначе «фельяны» и жирондисты) настоятельно потребовали объявленія войны Австріи. Характерно, что Робеспьеръ выступилъ въ Якобинскомъ клубѣ съ обширной рѣчью противъ войны, такъ какъ опасался государственнаго переворота со стороны Лафайета. Жирондисты побѣдили, а король, конечно, не воспользовался на этотъ разъ своимъ правомъ «вето», и съ радостью согласился на объявленіе войны.

Такимъ образомъ, *формально* иниціатива революціонныхъ войнъ, опустошавшихъ земной шаръ почти безъ перерыва въ теченіе 24 лѣтъ, исходила отъ французовъ. По существу же дѣло было какъ разъ наоборотъ—противорѣчіе, съ которымъ мы часто встрѣчаемся въ исторіи.

Съ этого момента внутреннее развитіе французской революціи стало въ тѣснѣйшую зависимость отъ хода военныхъ дѣйствій, отъ успѣховъ и неудачъ революціонной обороны. Кривая революція, которая съ насильственнымъ переводомъ короля изъ Версаля въ Парижъ 5 октября 1789 года, явно шла на убыль, начинаетъ теперь бурно подыматься вверхъ. Въ сложномъ развитіи военныхъ кампаній на многочисленныхъ театрахъ войны обнаружилась, къ счастью, неподготовленность коалицій и бездарная самоувѣренность многихъ изъ ихъ генераловъ. Но, съ другой стороны, и Франція далеко не стояла на высотѣ военныхъ дѣйствій, а французскіе генералы сплошь и рядомъ оказывались либо неспособными, либо предателями. Одинъ за другимъ (Лафайетъ, Дюмурье) они заводили сношенія съ роялистами, и гибель революціи часто представлялась неотвратимой. Въ то же время все выше подымали голову реакціонеры въ самой странѣ, все больше становилась ихъ дерзость, и внутреннія затрудненія выступали грознѣе.

Первыя же сраженія при Квервенѣ и Турне кончились для французовъ плачевно и вызвали огромное возбужденіе. Собраніе объявило свои засѣданія *непрерывными*.

Когда же къ Австріи присоединилась, согласно договору, Пруссія, народомъ овладѣла грозная тревога. Онъ почувствовалъ, что ему угрожаетъ потеря всѣхъ пріобрѣтеній революціи. Горожане боялись возвращенія старыхъ деспотическихъ формъ правленія, крестьяне опасались возстановленія феодальныхъ повинностей. Судорожное движеніе потрясло народъ, и въ немъ поднялся невыразимый гнѣвъ противъ двора, который призвалъ къ оружію иностранныя державы и высчитывалъ часы, когда прибудутъ пруссаки.

Изъ провинціи, особенно изъ тѣхъ департаментовъ, гдѣ пользовались вліяніемъ жирондисты, стекались массами въ Парижъ вооруженные добровольцы «федераты» и записывались въ списки. Особенную извѣстность пріобрѣли бретонцы и марсельцы, и послѣдніе впервые принесли въ столицу и дали имя могучей революціонной пѣснѣ «Марсельезѣ», сочиненной инженернымъ офицеромъ Руже де-Лилемъ. Въ одну ночь, полную необычайнаго патріотически-революціоннаго воодушевленія онъ, находясь на вахтѣ въ Страсбургѣ предъ вступленіемъ пруссаковъ, написалъ безсмертные слова и мотивъ Утромъ онъ отнесъ свою пѣснь въ семью тогдашняго мэра Дитриха и увлекъ ею всѣхъ присутствовавшихъ. Когда она впервые была спѣта хоромъ изъ нѣсколькихъ сотенъ волонтеровъ, она вызвала неописуемый энтузіазмъ. Этотъ торжествующій воинственный гимнъ зазвучалъ скоро во всей Франціи, повсюду онъ увлекалъ массы съ одинаковой силой, и нерѣдко сами генералы, подобно древнимъ грекамъ, съ этой пѣснью на устахъ, опьяняясь и опьяняя, бросались впередъ на врага.

11 іюля 1792 года пришло извѣстіе, что пруссаки перешли границу. Собраніе *объявило отечество въ опасности*.

Объявить отечество въ опасности означало: пушечные выстрѣлы по всей странѣ должны были служить повсюду для населенія своего рода сигналомъ бѣдствія. Съ этого момента всѣ общинныя и департаментскія власти должны засѣдать непрерывно; всѣ мужчины, способные носить оружіе, должны вступить въ ряды національной гвардіи, и все оружіе должно быть роздано. За возмущеніе или попытку къ нему грозила смерть.

25 іюля 1792 года командовавшій прусской арміей герцогъ Брауншвейгскій обнародовалъ необычайно грубый и вызывающій манифестъ къ французскому народу, въ которомъ онъ третировалъ французовъ, какъ гнусныхъ бунтовщиковъ, грозилъ имъ свирѣпѣйшими наказаніями и требовалъ безпрекословнаго повиновенія и раскаянія. Всякій, кто осмѣлится сопротивляться, будетъ казненъ, дома будутъ разрушены и сожжены. Городъ Парижъ будетъ подвергнутъ военной экзекуціи и совершеннѣйшему уничтоженію. Всѣ должностныя лица отвѣчаютъ своими головами, если королю и королевѣ будетъ причинено малѣйшее оскорбленіе, или если не будутъ приняты немедленно мѣры къ ихъ освобожденію и безопасности и т. д. и т. д.

Этотъ безпримѣрный манифестъ подѣйствовалъ на Францію, какъ ударъ бича по лицу. Вся накопившаяся ярость обрушилась на короля. Парижскій народъ вмѣстѣ съ находившимися въ столицѣ марсельцами и другими федератами бросился 10 августа на Тюльерійскій дворецъ, взялъ его приступомъ, и предатель-король со своей семьей былъ низверженъ съ престола и заточенъ въ тюрьму. Франція стала республикой. Кривая революціи сдѣлала стремительный скачекъ вверхъ.

Начиная съ этого дня до того момента, когда собралось новое Учредительное Собраніе подъ названіемъ *Національный Конвентъ*, т.-е. до 20 сентября, фактическимъ диктаторомъ сталъ Дантонъ. «Его краткая, полная силы и кровавая диктатура,— пишетъ Блосъ [1]), ознаменовала собою наступленіе новой эпохи—эпохи борьбы Французской *республики* со всей феодально-монархической Европой».

На сцену выступили *законъ объ общественной безопасности*, революціонное городское управленіе, «*Парижская Коммуна*», *революціонный трибуналъ* 17 августа и кровавая *гильотина*.

24 августа пруссаки взяли Лонгви и подошли къ Вердену. Если-бъ палъ и Верденъ, дорога на Парижъ была бы открыта. Дантонъ, всемогущій министръ юстиціи, своимъ громовымъ голосомъ заявилъ смущенному Собранію: «Среди всѣхъ мѣръ, предложенныхъ ради спасенія, нѣтъ ни одной рѣшительной. Вы находитесь межъ двухъ огней, такъ какъ передъ вами стоятъ внѣшніе враги, а

---

[1]) „Французская революція“. Фактическая сторона въ этой главѣ изложена, гл. обр., по Блосу.

внутренніе роялисты, стоятъ за вашей спиною. И тѣ, и другіе находятся во взаимномъ соглашеніи; роялистскій комитетъ въ Парижѣ ведетъ переписку съ прусской арміей. Чтобы пресѣчь всѣ эти планы, существуетъ только *одно* средство: *мы должны навести ужасъ на роялистовъ!*». Нуженъ ужасъ, *terreur*, *терроръ!*

1 сентября пришло извѣстіе, что Верденъ палъ[1]). Могучій голосъ Дантона снова загремѣлъ въ Собраніи: «Набатъ, который раздастся сейчасъ, не есть сигналъ тревоги, это призывъ къ нападенію на враговъ отечества. Чтобы побѣдить ихъ, господа, намъ нужны *только смѣлость, еще смѣлость и опять-таки смѣлость*. Тогда Франція будетъ спасена!».

Набатъ, который раздался, означалъ «народный судъ» надъ арестованными роялистами. Не менѣе *тысячи* ихъ было перебито въ тюрьмахъ.

Въ то же время Франція, исходя кровью, ринулась въ битву съ Европой, и народъ, который въ порывѣ дикаго гнѣва только что умерщвлялъ друзей свергнутаго двора, теперь умиралъ массами за свободу и независимость.

И менѣе чѣмъ черезъ 3 недѣли—20 сентября въ день созыва Конвента, французскія революціонныя войска, подъ командой Келлермана, испытали *при Вальми* первую удачу. Сама по себѣ битва была не изъ значительныхъ. Съ каждой стороны было выпущено по 10 тысячъ снарядовъ. Французы потеряли около 700 человѣкъ, противникъ около 1000. Но непріятель *отступилъ*, и впечатлѣніе этого боя на Францію было колоссальное. Республика получила здѣсь свое огневое крещеніе. Въ нѣмецкомъ отрядѣ находился одинъ великій человѣкъ, который понялъ все значеніе этого событія. Это былъ Гете. Онъ сказалъ: «*Отсюда и съ сегодняшняго дня начинается новая эпоха всемірной исторіи*, и вы можете сказать, что вы присутствовали при этомъ». Лонгви и Верденъ вновь попали въ руки французовъ.

Потомъ произошла знаменитая битва при *Жемаппѣ*, отдавшая въ руки французовъ всю Бельгію. Были взяты Майнцъ и Франкфуртъ на Майнѣ, а также заняты Савойя и Ницца. *Революціонная оборона перешла въ революціонное наступленіе.*

Внутренняя революціонная агитація вездѣ предшествовала приходу французскихъ войскъ. «Шествіе моей арміи,—доноситъ генералъ Монтескью,—рядъ тріумфовъ. Сельское и городское населеніе бѣжитъ къ намъ навстрѣчу. Мнѣ кажется, что *умы здѣсь расположены къ революціи, подобной нашей*».

«Перваливъ границу,—писали комиссары Конвента,—*мы и не замѣтили, что вступили въ чужой край*».

«Города,—замѣтилъ одинъ тогдашній дипломатъ,—сдаются

[1]) Въ дѣйствительности, онъ сдался днемъ позже.

безъ всякаго сопротивленія, и *декларація правъ производитъ дѣйствіе іерихонской трубы Іисуса Навина*».

И Гете въ своей поэмѣ «Германъ и Доротея» описываетъ восторгъ прирейнскихъ нѣмцевъ, когда къ нимъ пришли французы:

Кто не сознается, какъ трепетало въ немъ весело сердце,
Какъ въ свободной груди всѣ пульсы забились живѣе
Въ ту минуту, какъ засвѣтилось новое солнце,
Какъ услыхали впервые объ общихъ правахъ человѣка,
О вдохновенной свободѣ, о равенствѣ, также о братствѣ.

Французамъ не только сочувствовали, имъ оказывали всяческое содѣйствіе. Готовились къ ихъ торжественному пріему и организовывались для того, чтобы и у себя вводить порядки по французскому образцу.

Черныя тучи однако скоро покрыли снова небо свободы. Опасность со стороны иноземцевъ возстала вторично и въ несравненно болѣе грозномъ видѣ. Казнь короля Людовика XVI, совершенная 21 января 1793 года, вызвала такой взрывъ ярости у европейскихъ правителей, что англійскому премьеръ-министру Вильяму Питту удалось создать огромную *коалицію* противъ Франціи. Онъ заключилъ цѣлый рядъ договоровъ съ Австріей, Пруссіей, Россіей. Германской имперіей. Сардиніей, Испаніей, Португаліей, Неаполемъ, Тосканой, Пармой, Моденой и съ папой. Англійское золото полилось потоками къ этимъ союзникамъ, игравшимъ роль какъ бы наемниковъ. Это была *первая* большая коалиція, за котораго слѣдовали вторая, третья и т. д., вплоть до паденія Наполеона.

И на этотъ разъ Франція не дожидалась нападенія новыхъ враговъ, и первая объявила Англіи войну, въ то время, какъ внутри роялизмъ снова становился страшнымъ: на горизонтѣ появились грозные признаки возстанія въ Вандеѣ.

Національный Конвентъ призвалъ подъ знамена 300,000 человѣкъ. Французская молодежь вся устремилась въ армію. Воодушевленіе росло съ ростомъ опасностей. Театры были закрыты, удовольствія были забыты, Парижская Коммуна подняла надъ ратушей черное знамя и въ пламенной прокламаціи призывала народъ къ оружію.

Конвентъ установилъ *чрезвычайный военный налогъ*. Начиная съ 30 франковъ съ доходовъ въ 1000 фр., онъ возросталъ до 20 тысячъ съ доходовъ въ 50 т. А кто получалъ дохода свыше 50 т., имѣлъ право удерживать изъ нихъ только 30 тысячъ, а все остальное долженъ былъ отдавать. Это былъ рѣзко выраженный прогрессивный подоходный налогъ *съ максимумомъ* остающагося по уплатѣ налога дохода въ 30,000 франковъ. Количество капиталистовъ, спекулянтовъ, скупщиковъ и мародеровъ тыла, наживавшихся на войнѣ, на дороговизнѣ и хозяйственной разрухѣ, было тогда *относительно* не меньше, вѣроятно, чѣмъ теперь.

Все болѣе выдвигалась на авансцену революціи партія якобинцевъ, или монтаньяровъ, или „горы", какъ партія, состоявшая изъ людей огненнаго темперамента, могучей воли и безоглядочнаго дѣйствія, опиравшаяся на бѣдноту, которой терять было нечего.

Но прежде чѣмъ могли быть приведены въ дѣйствіе рѣшительныя мѣропріятія Конвента, Дюмурье потерпѣлъ 18 марта 1793 г. крупное пораженіе у Норвиндена въ Бельгіи и перешелъ на сторону враговъ. И если бы во главѣ союзниковъ находился тогда энергичный полководецъ, который использовалъ бы полностью бы побѣду, то дѣла республики могли бы принять весьма скверный оборотъ. Соотвѣтственно этому опять ухудшилось до невозможной степени положеніе внутри. Ходъ событій въ каждый моментъ приводилъ *къ заколдованному кругу*. Опасности извнѣ вызывали усиленный напоръ реакціи извнутри, къ которому присоединялись огромныя внутреннія *экономическія* затрудненія: отчаянная дороговизна, наводненіе страны обезцѣненными ассигнатами, отсутствіе необходимѣйшихъ продуктовъ, безконечные хвосты у съѣстныхъ лавокъ, разгулъ спекулянтовъ и укрывателей товаровъ — все то, что намъ теперь такъ хорошо знакомо и понятно. Чтобы преодолѣть все это, требовалась бѣшенная энергія и не останавливающаяся ни передъ чѣмъ рѣшительность. Но большинство во всѣхъ собраніяхъ, въ томъ числѣ и въ Конвентѣ не принадлежало самой рѣшительной партіи. Это вызывало титаническую внутреннюю борьбу въ самомъ Конвентѣ, кончавшуюся насильственнымъ устраненіемъ болѣе слабыхъ и примѣненіемъ всего арсенала террористическихъ мѣръ. А это вызывало новое усиленіе напора внутреннихъ враговъ, новыя возстанія, новыя затрудненія, противъ которыхъ нужно было удваивать, удесятерять терроръ и сочинять новыя героическія мѣропріятія. А это опять вызывало отпаденіе менѣе рѣшительныхъ людей, новую внутреннюю парламентскую борьбу и т. д. и т. д. Движеніе каждый разъ шло по кругу, но этотъ кругъ не замыкался, а загибался вверхъ спиралеобразно. Революція развивалась неуклонно вверхъ по спирали и привела къ диктатурѣ верхушки, послѣ чего спираль порвалась, и все полетѣло внизъ.

Лѣтомъ 1793 года правительство французской республики находилось въ полномъ смыслѣ слова на краю гибели. На фронтахъ пораженія и измѣна. Внутри Вандея выставила три арміи. Возстали Тулонъ, Марсель, Ліонъ, Бордо и Тулуза. Англійскій флотъ блокировалъ побережье, отрѣзалъ страну отъ колоній, захватилъ военные корабли въ Тулонѣ. Хлѣбъ исчезъ съ рынка.

Въ результатѣ 2-го іюня были насильственно устранены изъ Конвента жирондисты—умѣренная партія, представлявшая интересы крупной и средней буржуазіи. Власть захватили монтаньяры, представители мелкой буржуазіи и пролетаріата.

Но тогда возстали противъ Конвента 60 департаментовъ, въ то время, какъ онъ могъ опираться всего только на двадцать департаментовъ.

Революція и республика бились въ предсмертной агоніи.

И вотъ Конвентъ сдѣлалъ во истину нечеловѣческія усилія. 23 августа былъ рѣшенъ *всеобщій наборъ*. Конвентъ вдохновилъ своей пламенной энергіей Францію. Болѣе милліона французовъ устремилось подъ знамена и было образовано *четырнадцать армій*. Вся власть сосредоточилась въ *Комитетѣ Общественнаго Спасенія* и въ него вошли всѣ рѣшительнѣйшіе люди среди монтаньяровъ: Робеспьеръ, Сенъ-Жюстъ, Кутонъ, Карно, Колло д'Эрбуа, Билло-Варенъ.

Диктатура Конвента превратилась сперва въ диктатуру одной ея партіи—монтаньяровъ, потомъ одной группы этой партіи — Комитета Общественнаго Спасенія, наконецъ, тѣснаго тріумвирата внутри Комитета, состоявшаго изъ Робеспьера, С. Жюстя и Кутона. А внутри этой троицы фактическимъ диктаторомъ сдѣлался Робеспьеръ. Все несогласное въ чемъ бы то ни была съ диктаторомъ отметалось прочь топоромъ гильотины.

Особое мѣсто въ Комитетѣ Общественнаго Спасенія занималъ Карно. Въ его лицѣ комитетъ получилъ первокласснаго военнаго генія, въ которомъ чувствовалась такая нужда. Этотъ инженеръ, гордый, скромный, непреклонный демократъ и республиканецъ, создалъ совершенно новый способъ веденія войны. Изъ нестройной толпы рекрутъ Карно создалъ организованныя и хорошо вооруженныя арміи. Съ громаднымъ успѣхомъ онъ сталъ впервые примѣнять противъ коалиціи расположеніе частей въ шахматномъ порядкѣ. Руководя движеніями своихъ 14 армій, онъ отбросилъ вторгнувшихся союзниковъ отъ всѣхъ границъ Франціи и получилъ названіе «организатора побѣдъ». Генералы получали приказъ: побѣдить или умереть. Пораженіе означало для нихъ гильотину. Немало, дѣйствительно, положило голову на плаху. Въ концѣ концовъ, получался своеобразный отборъ талантливыхъ полководцевъ.

И къ тому времени, когда кривая революціи приближалась къ своему кульминаціонному пункту, чтобы 27 іюля (9-го термидора). 1794 года, съ низвверженіемъ Робеспьера, начать стремительный спускъ въ пучину, къ тому времени, когда терроръ свирѣпствовалъ съ совершенно исключительнымъ остервенѣніемъ, когда революція, подобно древнему богу Сатурну, пожирала одного за другимъ всѣхъ своихъ дѣтей—въ это самое время военное счастье рѣшительно перешло на сторону французовъ, и арміи ихъ вездѣ двинулись въ наступленіе.

На сѣверѣ генералъ Пишегрю занялъ Бельгію и Голландію, а Журданъ отбросилъ австрійцевъ къ Кельну; южнѣе Мишо откинулъ пруссаковъ къ Майнцу. По всему протяженію Рейна лѣвый

берегъ перешелъ къ французамъ. Въ Верхней Италіи Келлерманъ побѣдоносно вторгся въ Пьемонтъ. Въ Испаніи французскіе генералы добрались до Наварры. Начиналъ уже выдвигаться своими военными способностями молодой поручикъ Наполеонъ Бонапарте.

На дальнѣйшихъ перипетіяхъ «революціонной обороны» намъ незачѣмъ останавливаться. Она начинаетъ принимать все болѣе характеръ *завоевательный*, что не мѣшаетъ ей продолжать производить свое революціонизирующее дѣйствіе на всю Европу.

д) Традиціи революціонныхъ войнъ Великой Французской революціи.

Среди того огромнаго наслѣдія традицій, которыя оставила грандіозная Французская революція конца 18-го вѣка, почетное мѣсто занимаютъ также воспоминанія о безпримѣрномъ успѣхѣ ея военной обороны противъ натиска иноземныхъ монарховъ и о великой освободительной ея миссіи по отношенію къ другимъ закрѣпощеннымъ народамъ. Каждый разъ, когда вспыхивала во Франціи новая революція, эта традиція, смотря по обстоятельствамъ, то въ первой ея части (революціонная оборона), то во второй части (революціонная наступленіе) всплывала на поверхность; бурлила, кипѣла, пыталась претворятся въ жизнь, но *безъ всякаго успѣха.*

Въ 1830 году, послѣ іюльской революціи, посадившей на тронъ Луи Филиппъ, революціонно настроенная часть населенія Парижа требовала отъ правительства, чтобы оно оказало активную помощь возставшимъ народамъ въ Европѣ, въ частности итальянцамъ и полякамъ. Но крупная буржуазія, достигшая теперь власти, не имѣла ни малѣйшаго желанія ввязываться въ войны для свободы другихъ народовъ. Они предпочитаютъ завоевательную войну въ Алжирѣ. Помощь оказана не была.

Тоже самое повторилось и въ 1848 году. Въ той средѣ, которая окружала члена Временнаго Правительства демократа Ледрю-Роллена и которая охотно брала себѣ за образецъ Конвентъ 1793 года, смотрѣли на французскій народъ, какъ на «вооруженнаго миссіонера демократіи». Ему приписывали долгъ распространить за предѣлами своихъ границъ, хотя бы путемъ объявленія войны, антимонархическую пропаганду. Нѣкоторые люди дѣйствія расчитывали въ глубинѣ души, что вернутся времена Комитета Общественнаго Спасенія. Наконецъ, во Францію, при первыхъ же извѣстіяхъ о революціи, стали стекаться политическіе изгнанники изъ различныхъ отсталыхъ и задавленныхъ абсолютизмомъ странъ, надѣявшіеся обратить очагъ революціи въ громадный пожаръ. Въ одномъ Парижѣ насчитывали ихъ до 15 тысячъ человѣкъ. Тутъ были поляки, ирландцы, нѣмцы, бельгійцы и итальянцы.

Но успѣхи соціализма давали себя сильно чувствовать и въ перемѣнѣ взгляда на войну. Въ средѣ рабочаго класса далеко не

всѣ были склонны ввязываться въ кровавыя и опасныя военныя приключенія. Не одинъ изъ нихъ—пишетъ Жоржъ Ренаръ—не одинъ изъ рабочихъ, выпивая за «независимость всего міра» повторялъ прекрасный стихъ *Пьера Дюпона:* «любовь сильнѣе, чѣмъ война». *Пьеръ Леру* уже сказалъ прозой: Любовь дѣлаетъ больше, чемъ сила и война». *Кабе* въ своей прокламаціи отъ 25 февраля (на другой день послѣ переворота) выставлялъ вооруженіе народа какъ «дѣйствительную гарантію всеобщаго мира». *Консидеранъ* озаглавилъ свою газету: «Мирная демократія».

Нарождающійся соціализмъ заглушалъ въ сердцахъ своихъ приверженцевъ старинную жажду удовлетворенія мелочнаго тщеславія и военныхъ завоеваній, замѣняя ее стремленіемъ къ экономическимъ реформамъ. Самъ Ламартинъ отмѣчалъ вліяніе въ этомъ направленіи соціалистической пропаганды на народныя массы.[1]

Тѣмъ не менѣе вопросъ о войнѣ выплылъ снова, и въ весьма острой формѣ, черезъ 10 дней послѣ открытія Учредительнаго Собранія, оказавшагося реакціоннымъ. Среди революціонныхъ элементовъ возникла мысль организовать народную манифестацію и направить ее къ Собранію, чтобы выразить свое недовольство его составомъ. Лозунгомъ рѣшили выставить *освобожденіе Польши,* что означало объявленіе войны Австріи, Пруссіи и Россіи.

«Конечно,—пишетъ Ренаръ [2])—это рѣдкое зрѣлище и цѣликомъ относящееся къ чести поколѣнія 1848 г., зрѣлище народа, возстающаго изъ братскаго сочувствія къ страданіямъ другого народа. Но благоразумныхъ людей страшилъ этотъ припадокъ рыцарскаго сумасшествія. Министръ иностранныхъ дѣлъ Бастидъ отрицалъ за Франціей право одной разрѣшать европейскій вопросъ; *Луи Бланъ, Кабе, Распайль* видѣли опасность въ требованіи, которое хотѣли внести въ Собраніе. *Прудонъ* въ своей газетѣ отговаривалъ отъ этого предпріятія; *Барбесъ* и *Бланки* колебались. Они держались того мнѣнія, что не слѣдуетъ шутить съ войной, они скорѣе слѣдовали за своей арміей, чѣмъ вели ее».

Манифестація 15 мая, какъ извѣстно, кончилась весьма плачевно. Она послужила прологомъ кровавыхъ іюльскихъ дней.

Въ 1870 году, когда подъ ударами пруссаковъ пала имперія Наполеона III, вопросъ стоялъ, конечно, не о революціонномъ наступленіи, а о революціонной оборонѣ. Думали исключительно о спасеніи родины, объ изгнаніи вторгнувшагося непріятеля, о заключеніи конечнаго мира, какъ мы сказали бы теперь „безъ аннексіи и контрибуціи“. Мы видѣли выше, что французамъ не удалось достигнуть и этой цѣли. Несмотря на всю энергію военнаго министра Правительства Національной Обороны Гамбетты, пламеннаго

---

[1]) Жоржъ Ренаръ „Республика 1848 г.“ стр. 21.
[2]) Ів. стр. 6.

сторонника войны «до побѣдоноснаго конца», французамъ не удалось одержать ни одной сколько-нибудь значительной побѣды. Неудача слѣдовала за неудачей.

Буржуазные классы Россіи «пріявшіе» революцію 1917 года, сдѣлали это въ началѣ довольно искренне, потому что они потеряли всякую надежду побѣдить нѣмцевъ при режимѣ Николая II, и расчитывали, что революціи удастся разжечь священный гнѣвъ противъ завоевателя, вдунуть пламя боевого воодушевленія въ усталыя сердца избавить страну отъ экономической, финансовой, желѣзнодорожной и продовольственной разрухи — для осуществленія завѣтнаго лозунга «полной побѣды», только этимъ, конечно, объяснялось чудо преображенія Шульгиныхъ, Гучковыхъ и Милюковыхъ въ республиканцевъ съ краснымъ знаменемъ «Старая власть — говорилъ Гучковъ 30 апрѣля! — вела къ военному разгрому страну, и только сверженіе старой власти *какой бы то ни было цѣной*, стало актомъ спасенія. *Вотъ почему я сдѣлался революціонеромъ.* Мои личныя впечатлѣнія отъ поѣздки на фронтъ ярко свидѣтельствуютъ, какъ правильно оцѣнила армія значеніе происшедшаго переворота, какимъ могучимъ рычагомъ подъема ея настроенія явился самый переворотъ» [1].) Для Гучкова, стало быть, паденіе стараго режима, революція, республика самоцѣнностью не обладаютъ. Они только *средства* для одолѣнія внѣшняго врага. Онъ весь полонъ воспоминаніями эпохи созданія «Марсельезы», какъ и генералъ Брусиловъ, если судить по его рѣчамъ.

Такимъ же образомъ «Утро Россіи», привѣтствуя замѣну военнаго министра Гучкова Керенскимъ, уподобляетъ миссію послѣдняго миссіи Карно (!). «Подобно незабвенному Карно,— пишетъ газета отъ 3 мая — великому организатору побѣды французской революціи, Керенскій стоитъ передъ рѣшеніемъ не менѣе партіотической задачи. Спасая дѣло русской революціи, спасая народную свободу, этотъ русскій организаторъ побѣды, едва ли не одинъ среди насъ способенъ въ нынѣшній критическій моментъ вновь создать нашу армію, организовать оборону и воскресить боевую мощь».

Но все заставляетъ думать, что та цѣль, которую ставили себѣ Гучковы и Милюковы, «дѣлаясь революціонерами» на часъ, при данныхъ условіяхъ недостижимы. Не только потому, что она теоретически опровергается всѣми историческими прецедентами, а съ эпохой Карно ничего общаго не имѣетъ, не только потому что русская народная масса психологически не можетъ воспріять нынѣшнюю имперіалистическую войну, какъ революціонную оборону, а завоеваніе Галиціи, Константинополя и т. п. какъ революціонное миссіонерство, не только потому, что буржуазная война противорѣчитъ интернаціональному соціалисческому сознанію, но и потому,

---

[1]) Рѣчь на совѣщаніи делегатовъ фронта.

что революція не въ состояніи и технически эту задачу разрѣшить, ибо являясь *послѣдствіемъ* огромной общественной пертурбаціи, она сама въ своемъ логическомъ развитіи эту пертурбацію *усиливаетъ*. Противъ законовъ исторіи и человѣческой природы ничего сдѣлать нельзя и потому, со всѣхъ точекъ зрѣнія, была правильна позиція революціонной демократіи, когда она съ первыхъ же дней поставила ребромъ вопросъ о *ликвидаціи войны*.

«Въ этомъ ея великое міровое значеніе и въ этомъ проявилось истинное величіе русской народной души. Русская демократія, не убоясь кривотолковъ и нареканій, первая возымѣла мужество сказать на весь свѣтъ разрѣшительное слово, разсѣявшее чары кроваваго гипноза, подъ вліяніемъ котораго народы Европы съ самоубійственнымъ ожесточеніемъ трудятся вотъ уже почти три года надъ взаимнымъ другъ друга истребленіемъ и разореніемъ.

Благодарное человѣчество ей этого не забудетъ, когда солнце мира снова возсіяетъ надъ окровавленной и истощенной Европой» [1])

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Элементы и циклъ революціи.

а) предреволюціонная фаза.

Моменту или стадіи революціоннаго взрыва, осуществляющаго политическій переворотъ, предшествуетъ подготовительная фаза буревѣстниковъ. Эта фаза можетъ замереть безъ всякаго видимаго результата. Или она можетъ сама по себѣ заставить испуганное правительство выступить съ нѣкоторыми болѣе или менѣе значительными реформами, послѣ чего движеніе затихаетъ. Или же при соотвѣтствующихъ условіяхъ, она, наростая и усиливаясь, влечетъ насильственный переворотъ или насильственное «дарованіе» конституціи. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ фаза представляетъ собою стадію *предреволюціоннаго воздѣйствія*, предшествующую всякой революціи.

Формы, этого воздѣйствія чрезвычайно разнообразны. Онѣ диктуются политическими, экономическими, географическими условіями страны, степенью развитія буржуазіи, пролетаріата, крестьянства и другихъ классовъ, традиціями и опытомъ пережитыхъ революцій. Онѣ носятъ характеръ то мирно-легальный, то мирно нелегальный, то рѣзко насильственный. Наша революція 1905 года съ точки зрѣнія предреволюціонной стадіи, самая замѣчательная изъ всѣхъ бывшихъ когда-либо революцій, такъ какъ она необы-

[1]) Изъ статьи русскаго дипломата, бывшаго посла въ Вашингтонѣ и Токіо бар. Романа Розена. (День № 64.)

чайно богата формами. Можно смѣло сказать, что не найдется ни одного вида предреволюціоннаго выступленія, который не былъ бы представленъ въ этой революціи и при томъ въ размѣрахъ гомерическихъ. Въ противоположность ей, наша нынѣшняя революція такими формами оказалась очень бѣдной. Къ счастью, успѣхъ революціи и размахъ ея не зависитъ отъ подготовительной фазы.

* *
*

Легальная *газетная кампанія* противъ правительственнаго курса сыграла большую роль во Франціи въ 1830 и 1848 годахъ. *Нелегальная періодическая пресса*, брошюры и прокламаціи были могущественнымъ факторомъ въ Россіи передъ 1905 г.

Банкетная кампанія передъ февральской революціей во Франціи приковала къ себѣ напряженное вниманіе всей страны. Она была задумана и предпринята объединенной радикальной и династической оппозиціей послѣ того, какъ всѣ попытки добиться отъ Палаты куцой избирательной реформы [1]) потерпѣли полное фіаско. Она рѣшилась тогда „аппелировать къ народу" или „открыть окно". Первый банкетъ состоялся 9 іюля 1847 года и носилъ чисто буржуазный характеръ. Народъ участвовалъ въ немъ только въ качествѣ зрителей. Толпа, стоявшая у рѣшетки, подпѣвала гимну марсельезы, доносившемуся изъ зала, и выражала свое одобреніе аплодисментами. Рѣчи на банкетѣ были самыя умѣренныя. За первымъ банкетомъ послѣдовали другіе. Въ нихъ все болѣе начинали играть роль демократическіе, республиканскіе и соціалистическіе элементы, вытѣсняя либеральные. И такъ и содержаніе рѣчей становились рѣшительнѣе. Лозунгомъ избирательной реформы становилось всеобщее избирательное право. Заговорили о республикѣ. Правительство Луи-Филиппа, разумѣется, ничего лучшаго не придумала, какъ нарушить право собраній и запретить ближайшій банкетъ, назначенный на 22 февраля. Когда же, послѣ всевозможныхъ переговоровъ, устроители рѣшили настоять на своемъ законномъ правѣ и банкета не отмѣнять, то возникшія въ назначенный день столкновенія народа, устремившагося на банкетъ, съ полиціей и войсками вылилось въ бой, возстаніе и побѣдоносную революцію. 24 февраля во Франціи была республика.

Такая же широкая банкетная кампанія съ требованіемъ Учредительнаго Собранія на основѣ 4-хъ членной формулы пронеслась по всѣмъ большимъ городамъ Россіи осенью 1904 года. Произносились конституціонныя рѣчи, подписывались резолюціи. Съ особой торжественностью было отпраздновано 20 ноября сороколѣтіе Судебныхъ уставовъ. Въ началѣ, когда еще держался весенній курсъ новоназначеннаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ Святополка

---

[1]) Сокращеніе ценза для избирателя съ 200 франковъ годового налога *до ста!*

Мирскаго, эта кампанія терпѣлась. Но уже въ декабрѣ она была охарактеризована въ правительственномъ сообщеніи (Трепова), какъ «шумныя сборища, заявлявшія о необходимости представить правительству различныя требованія, недопустимыя въ силу освященныхъ Основными законами Имперіи незыблемыхъ началъ нашего государственнаго строя». И на этомъ она прекратила свое существованіе, уступивъ мѣсто другимъ болѣе дѣйственнымъ формамъ протеста.

Громадными многолюдными *митингами*, съ вынесеніемъ резолюцій, характеризуется въ особенности чартистское движеніе въ Англіи въ періодъ съ 1838 по 1848 годъ. Оно ставило своей задачей добиться *народной партіи* («чартіи»), т. е. ежегоднаго парламента на основѣ 4-хъ членной формулы. Нѣкоторые митинги собирали сотни тысячъ и происходили ночью при свѣтѣ факеловъ.

На этихъ митингахъ подписывались *петиціи* парламенту. «Петиціи! Петиціи!—восклицали чарстистскіе вожди.—Какъ можно больше подписей на петиціи! Петиціей мы завоюемъ свое право!» Текстъ ея состоялъ изъ 6 пунктовъ. [1]) Было созвано въ Лондонѣ собраніе уполномоченныхъ отъ рабочихъ для руководства движеніемъ, прозванное очень громко Національнымъ Конвентомъ. Онъ то и представилъ въ 1839 году парламенту изготовленную петицію съ 1.200.000 подписями. Но англійская палата общинъ отнеслась къ ней съ насмѣшкой и громаднымъ большинствомъ *отказались принять ее хотя бы къ свѣдѣнію.* Въ 1842 году попытка была возобновлена. Снова была составлена петиція «еще страшнѣй, еще чуднѣй», съ 3 милліонами голосовъ. Правительство опять отказалось ее принять. Наконецъ, третья петиція «чудовищно громадная» съ 5.766.000 голосовъ представлена была въ 1848 году, но опять безъ всякаго успѣха. [2]) На томъ и замерло чартистское движеніе.

Такъ же печально примѣненъ былъ методъ петицій финляндскимъ народомъ въ 1889 году, по поводу посягательства Николая II на Основные Законы Финляндіи. Петиція съ 500.000 подписями была отвезена особой делегаціей а Петербургъ, но осталась безплодной. Въ сентябрѣ 1901 года Финляндскому Сенату былъ поданъ адресъ, покрытый 471.131 подписями съ протестомъ противъ военнаго закона.

Петиціи чартистовъ поддерживались многолюдными *манифестаціями*. Особенно планомѣрный характеръ манифестаціи полу-

[1]) Онъ былъ составленъ рабочимъ Лаветтомъ. Пункты были слѣдующіе: всеобщая подача голосовъ, тайная баллотировка, вознагражденіе депутатовъ, отмѣна избирательнаго ценза, ежегодный парламентъ, раздѣленіе страны на равномѣрные округи.

[2]) На этотъ разъ она была разсмотрѣна парламентомъ въ особомъ комитетѣ, который увѣрялъ, что въ петиціи было только 1.975.000 голосовъ и нашелъ очень неприличнымъ, что нѣкоторые подписи носили характеръ шутки. („Курносый" „королева" и т. п.).

чили передъ польскимъ возстаніемъ 1863 года. Онѣ были *частыя, массовыя, пассивныя* и *тихія*: 29 ноября, въ память возстанія въ Варшавѣ въ 1830 г., 25 февраля (въ память битвы у Грохова), 27 февраля передъ Сельско-хозяйственнымъ Обществомъ; на этотъ разъ толпа была разсѣяна выстрѣлами русскихъ солдатъ; черезъ нѣсколько дней опять шествіе въ видѣ похоронъ жертвъ 27 февраля. Манифестаціи и *демонстраціи*, мирныя и вооруженныя— одна изъ самыхъ частыхъ формъ предреволюціоннаго воздѣйствія. Обыкновенно онѣ сопровождаются революціонными *эмблемами*, красными *флагами, плакатами* и *знаменами* съ соотвѣтствующими *надписями* и оглашаются пѣньемъ революціонныхъ *пѣсенъ* и революціонными *возгласами*.

Манифестаціи нерѣдко переходили въ *стычки* съ полиціей и войсками; иногда дѣло доходило до *разгрома* ненавистныхъ учрежденій и зданій; въ исключительныхъ же случаяхъ онѣ непосредственно приводили къ *возстанію* съ захватомъ оружія и баррикадами и къ побѣдѣ надъ режимомъ.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ положеніе сельскаго населенія было особенно тяжелое, возникали стихійныя *аграрныя волненія* и *бунты*. Нерѣдко они выливались въ формы *аграрнаго террора*, съ поджегомъ помѣщичьихъ усадебъ, съ убійствомъ владѣльцевъ и управляющихъ. Классической страной такихъ формъ является Ирландія, а также Россія.

Въ Ирландіи же получилъ особенное развитіе и свое имя *бойкотъ*. Ненавистныхъ лендлордовъ и ихъ приверженцевъ какъ-бы сажали въ карантинъ; ни одинъ ирландецъ не долженъ былъ входить съ ними въ сношенія; они не могли найти ни прислуги, ни рабочихъ для своихъ работъ, ни покупщиковъ для своихъ продуктовъ. Этой карѣ подвергся въ ноябрѣ 1880 года, однимъ изъ первыхъ, капитанъ Бойкотъ, управлявшій имѣніемъ одного изъ лендлордовъ. Отсюда произошло названіе. Но въ болѣе простой, не такой выдержанной и разработанной формѣ, особенно въ формѣ *бойкота товаровъ*, этотъ методъ борьбы былъ извѣстенъ гораздо раньше. Такъ, первыя революціонныя вспышки въ Сѣверо-Американскихъ колоніяхъ, поведшія къ возстанію и отдѣленію отъ метрополіи, выразились въ бойкотѣ всѣхъ англійскихъ товаровъ до отмѣны актовъ англійскаго министра финансовъ Таунсгенда о введеніи новыхъ пошлинъ на привозныя вина, масло, фрукты, стекло, бумагу, кожу, краски и чай. Движеніемъ руководили *тайные союзы* «Сыновей свободы». Женскіе союзы «дочерей свободы» обязывались носить домотканное платье и отказаться отъ употребленіи чая. Осенью 1773 года Бостонскій комитетъ постановилъ ни за что не допустить выгрузки съ корабля англійскаго чая. Корабль 3 недѣли простоялъ у берега, толпа народа дежурила на берегу. Наконецъ «сыны свободы» потеряли терпѣніе. Переряженные индѣйцами, они явились на корабль и на глазахъ всего на-

рода побросали ящики съ чаемъ въ море. Это было *началомъ возстанія.* Передъ 1905 годомъ было и въ Россіи много случаевъ бойкота, проведеннаго, главнымъ образомъ, противъ упорствовавшихъ фабрикантовъ.

Бойкотъ и аграрный терроръ въ Ирландіи сопровождался еще *пассивнымъ сопротивленіемъ.* Ирландскіе арендаторы, которые, вслѣдствіе неурожая картофеля и непомѣрнаго повышенія арендной платы, не въ состояніи были ее вносить и потому выселялись безчеловѣчными лендлордами изъ жилищъ, начали, по предложенію образовавшейся въ 1877 году *аграрной лиги,* оказывать выселенію сопротивленіе, уступали, по совѣту Парнеля, только силѣ. Когда же сила примѣнялась, и арендаторъ насильственно выселялся, то владѣлецъ земли и самый участокъ подвергались бойкоту. Никто не долженъ былъ брать землю въ аренду. Когда въ 1881 году англійскій министръ Гладстонъ распорядился арестовать Парнеля, тотъ отвѣтилъ воззваніемъ: «Долой аренды! Не платить арендной платы, пока правительство не откажется отъ террора и не возвратитъ народу его конституціонныхъ правъ. Противъ пассивнаго сопротивленія цѣлаго народа у военной силы нѣтъ оружія». Парнель, впрочемъ не довольствовался пассивнымъ сопротивленіемъ. Его лозунгомъ было: всѣ способы хороши, которые ведутъ къ цѣли. Пусть каждый примѣняетъ то средство, которое ему больше по вкусу и по характеру.

Пассивное сопротивленіе примѣнялось усиленно и въ Финляндіи—съ 1901 года, по случаю введенія царемъ новаго закона объ отбываніи воинской повинности. Болѣе половины общинъ отказалась образовать комитеты для пріема новобранцевъ. Многіе финскіе офицеры подали въ отставку. Большинство обязанныхъ явиться къ призыву не явились. Въ Гельсинфорсѣ изъ 856 человѣкъ пришли только 57. Всего не явилось 14.798.

Къ этой же категоріи относится *отказъ въ платежѣ налоговъ.* Когда англійскій парламентъ наложилъ въ 1774 г. на Сѣверо-Американскихъ колонистовъ гербовый сборъ съ публичныхъ документовъ, они отказались его платить, признавая незаконнымъ. Осуществить взиманіе налога оказалось невозможнымъ. Никто не подчинялся закону, и сами судьи игнорировали его въ своихъ приговорахъ; сборщики подъ народнымъ давленіемъ отказывались отъ должностей. Толпа сжигала и топила ящики съ марками. На улицахъ происходили манифестаціи съ соотвѣтствующими плакатами. Газеты печатали на мѣстѣ марокъ черепа.

Передъ Великой Англійской революціей народныя массы отказывались платить незаконный корабельный сборъ, наложенный королемъ Карломъ безъ согласія парламента, и Джонъ Гемпденъ пріобрѣлъ широкую популярность тѣмъ, что первый отказался его уплатить. Его судили и осудили, ибо раболѣпные судьи признали

налогъ законнымъ на томъ основаніи, что «Король вообще не можетъ сдѣлать ничего противозаконнаго». Вся Англія съ огромнымъ интересомъ слѣдила за этимъ процессомъ. Вообще *судебные процессы* часто имѣли большое политическое значеніе, играли огромную агитаціонную роль и усиливали революціонное броженіе. Самымъ замѣчательнымъ процессомъ въ этомъ отношеніи несомнѣнно является «дѣло Дрейфуса» во Франціи, приведшее къ низверженію клерикально-монархической клики, угнѣздившейся въ Генеральномъ штабѣ. Съ огромнымъ интересомъ слѣдили тамъ также за процессомъ министровъ прогнаннаго Карла X (въ декабрѣ 1830 г.) и арестованныхъ членовъ «Общества друзей народа» въ 1831 г.

У насъ въ Россіи замѣчательны своимъ революціонизирующимъ вліяніемъ громкіе процессы народниковъ и народовольцевъ въ концѣ 70-хъ годовъ, въ частности дѣло Вѣры Засуличъ, многочисленные процессы 1903—1905 годовъ передъ нашей первой революціей, процессъ Бейлиса, въ 1913 году, а наканунѣ нынѣшней революціи дѣло Манасевича-Мануйлова.

Активное и пассивное сопротивленіе арестованныхъ, *тюремныя голодовки, самоубійства, бунты и вооруженные протесты ссыльныхъ* тоже являлось признаками революціоннаго настроенія и ему содѣйствовали.

Политическій терроръ игралъ нѣкоторую роль въ Ирландіи въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ (подъ вліяніемъ дѣятельности террористовъ въ Россіи) и выразился въ рядѣ убійствъ и динамитныхъ взрывовъ. Но особенное значеніе онъ получилъ въ Россіи, въ концѣ царствованія Александра II и въ эпоху революціи 1905 г. Впрочемъ, въ 1906 году, когда свирѣпая репрессія не знала никакого удержу, число террористическихъ актовъ еще болѣе выросло. По газетнымъ даннымъ, за *18* мѣсяцевъ (январь 1905 г.— іюнь 1905 г.) было убито и ранено *2060* представителей администраціи и капитала; а за слѣдующіе *4* мѣсяца, когда особенно усиленно примѣнялась смертная казнь, это число достигло *2118* [1]).

Массовыя политическія забастовки пріобрѣли совершенно неслыханный размахъ передъ революціей 1905 года. Самая побѣда революціи—манифестъ 17 октября вырванъ величайшей забастовкой, которая извѣстна міру—всеобщей октябрской забастовкой. Изъ другихъ странъ—политическія забастовки привели къ избирательной реформѣ въ Бельгіи и въ Австріи.

Гдѣ наканунѣ революціи имѣлось уже *представительное учрежденіе*, тамъ легальное предреволюціонное движеніе выливалось также въ форму острой *парламентской борьбы*. Происходило рѣзкое обостреніе выступленій оппозиціоннаго *меньшинства* (Франція въ 1848 и 1870 гг.), или начинались хроническіе конфликты

---

[1]) В. А. Поссе. «Россія въ царствованіе Николая II».

парламентскаго *большинство* съ короной (Англія передъ 1642 г., Франція передъ 1830 г., Норвегія передъ отдѣленіемъ отъ Швеціи въ 1905 г., Польша въ 1830 г., Россія въ 1917 г.), или же борьба меньшинства выливалась въ форму *обструкціи* правительственному большинству. Впервые парламентская обструкція была организована ирландскими депутатами въ палатѣ Общинъ въ 1881 году, въ видѣ протеста противъ исключительнаго режима, который Гладстонъ предложилъ ввести въ Ирландіи для ея усмиренія. Засѣданіе, начавшееся въ понедѣльникъ 31 января, продлилось безъ перерыва до среды 2 февраля.

Только виды парламентской борьбы отсутствуютъ въ спискѣ предреволюціонныхъ проявленій, подготовившихъ нашу революцію 1905 г. Отсутствуютъ по очень простой причинѣ—потому что у насъ еще не было тогда общегосударственнаго представительнаго учрежденія.

б) Моментъ переворота.

Переворотъ—это самый яркій, волшебный и загадочный моментъ революціи. Народъ-побѣдитель упоенъ своимъ достиженіемъ, изумленъ, пораженъ, не вѣритъ своему счастью.

«Какъ это случилось?!» Какимъ образомъ невозможное осуществилось? Какимъ образомъ удалось сдѣлать прыжекъ изъ царства рабства въ республику свободы? Не ошибка ли это? Не провокація ли это? Не военная ли хитрость? Столько времени борцы бились неустанно головами о гранитную стѣну; лбы разбивались, а каменная громада оставалась безнадежно несокрушимой! Столько было тщетныхъ попытокъ, безплодныхъ усилій, погибшихъ костей и загубленныхъ жизней!

И вдругъ твердыня абсолютизма дрогнула, зашаталась и рухнула. Мечта поколѣній внезапно сбылась.

Какъ же это случается?

Чтобы низвергнуть многовѣковый режимъ, нужно быстрымъ, неожиданнымъ маневромъ поставить его на край пропасти или сильнымъ ударомъ скинуть его въ бездну. «Колѣномъ въ грудь и рукой за горло!», какъ формулировалъ Лассаль. Чтобы удалось схватить его за горло, нужно, чтобы, съ одной стороны, рядъ внѣшнихъ обстоятельствъ расшаталъ его сопротивляемость (финансовая безвыходность, длительная и неудачная война, недовольное настроеніе въ арміи), а съ другой стороны, требуется примѣненіе народомъ такого оружія, которое убиваетъ или, по крайней мѣрѣ, грозитъ неминуемой смертью.

Какое же это оружіе?

Подавляющее большинство изъ перечисленныхъ на предыдущихъ страницахъ методовъ революціоннаго дѣйствія не является такимъ смертельнымъ оружіемъ. Ни резолюціи, ни банкеты, ни

митинги, ни манифестаціи, ни бойкоты, ни частичныя забастовки, ни отказъ отъ платежа налоговъ и дачи солдатъ, ни аграрный, экономическій и политическій терроръ и т. д. и т. п.—никогда не приводили къ гибели режима. Они служили только показателемъ настроенія, въ то же время это настроеніе поддерживали и подымали и въ лучшемъ случаѣ приводили къ болѣе или менѣе важнымъ *уступкамъ*.

Рѣшительнымъ и рѣшающимъ оружіемъ оказывалось чаще всего *вооруженное возстаніе* въ столицѣ страны, съ устройствомъ сѣти баррикадъ, съ разграбленіемъ арсеналовъ и переходомъ части войскъ на сторону возставшихъ. Этимъ моментомъ въ дальнѣйшемъ посвящены отдѣльныя главы. Таковы были, напр., революція 1830 г. въ Парижѣ, революціи 1848 въ Парижѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ и революція 1917 г. въ Петроградѣ.

Иногда вооруженное возстаніе начинается не въ столицѣ, а въ болѣе или менѣе отдаленной провинціи. Затѣмъ, все болѣе разрастаясь, она подкатывается къ столицѣ и ведетъ къ перевороту. Такъ началась, напр., Китайская революція въ сентябрѣ 1911 г. Иногда такимъ же образомъ въ провинціи подымаютъ знамя возстанія возмутившіеся полки. Такъ было, напр., въ Испаніи въ 1820 году и въ Турціи въ 1908 году.

Иногда борьба революціи съ абсолютизмомъ принимаетъ характеръ настоящей *войны*, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, съ правильными сраженіями, съ маневрированіемъ армій, съ главнокомандующими, съ побѣдами, пораженіями, отступленіями и осадами, Такъ было во время Великой Англійской революціи, во время возстанія С. Американскихъ колоній, во время Китайской революціи и во время всѣхъ національныхъ возстаній.

И единственный разъ, въ революціи 1905 г., побѣда досталась путемъ *всеобщей политической забастовки*. Но гора забастовки родила... мышь—вѣроломное сочетаніе манифеста 17 октября съ рядомъ организованныхъ погромовъ и съ министерствомъ Витте-Дурново.

Опытъ всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ революцій показываетъ, что схватить врага за горло удавалось только вооруженнымъ возстаніемъ, и наша нынѣшняя революція этотъ опытъ подтвердила.

в) Контръ-революція.

Контръ-революція зарождается *одновременно* съ революціей. Правильнѣе сказать, она предшествуетъ послѣдней, ибо она даетъ себя чувствовать вмѣстѣ съ первыми намеками на предреволюціонное броженіе. Съ перваго же дня побѣды революціи, съ самаго момента переворота, черный антиподъ уже думаетъ о реваншѣ, о возвращеніи утерянныхъ позицій, о переходѣ въ контръ-наступленіе. Во время Великой Французской революціи каждый смѣлый шагъ

«третьяго сословія“, представленнаго въ Генеральныхъ штатахъ вызывалъ отвѣтное движеніе со стороны двора. На ударъ слѣдовалъ противоударъ или покушеніе на него. Вся 10-лѣтняя исторія этой революціи есть непрерывная кровавая борьба переплетающихся тѣлъ обоихъ смертельныхъ враговъ.

Господствующіе классы и отживающія правительства цѣпко держатся за свою власть и привиллегіи и яростно сопротивляются напору обездоленныхъ классовъ.

«Чудовище съ волчьей пастью и лисьимъ хвостомъ» — контръ-революція пускаетъ въ ходъ то коварство и лицемѣріе, то насиліе и злодѣйство. Она то притаится на нѣкоторое время, то улучивъ моментъ, вынырнетъ, чтобы попытаться нанести революціи смертельный ударъ. Она питается неизбѣжной рознью, которая скоро возникаетъ между классами, совершившими революцію, обостреніемъ классовыхъ противорѣчій, которое неминуемо проявляется во всякой революціи. Она переманиваетъ къ себѣ въ качествѣ союзниковъ часть тѣхъ общественныхъ силъ, которыя только что дружно противъ нея выступали. Ея излюбленное оружіе, которое столь часто доставляло ей успѣхъ и побѣду: *клевета, раздоры, погромы, анархія, паника, провокація, заговоры* и *призывы иноземцевъ*.

Уже 8-го марта 1917 г., черезъ недѣлю послѣ переворота. «Извѣстія Сов. Раб. и Солд. Депутатовъ» писали:

«Нашъ врагъ силенъ и хитеръ. Разбитый въ открытомъ бою, обезсиленный въ центрѣ, онъ отступилъ и притаился. Но въ тишинѣ онъ точитъ свой ножъ, собираетъ свои силы, чтобы при наступленіи благопріятныхъ условій воткнуть народу ножъ въ спину.

Волки надѣваютъ овечьи шкуры, проникаютъ всюду, куда возможно... Надѣвъ на себя личину сторонниковъ новаго строя, противники народной революціи проникаютъ въ общественныя организаціи и въ милицію. Они ведутъ эту работу очень искусно и очень незамѣтно... Главная опасность грозитъ именно съ этой стороны. Мы можемъ побѣдить внѣшнимъ образомъ на всѣхъ пунктахъ. Но въ одинъ прекрасный день можетъ оказаться, что реакціонныя силы извнутри захватили наши позиціи и засѣли въ самой срединѣ ихъ...»

Уже черезъ 3 недѣли послѣ переворота, злая травля шла со страницъ органовъ печати, только что привѣтствовавшихъ революцію и заявившихъ себя ярыми республиканцами, и изъ каждой строчки сочилось ядовитое науськиваніе солдатъ противъ рабочихъ, обывателей противъ солдатъ, фронта противъ тыла, крестьянъ противъ рабочихъ.

Въ моментъ нашей побѣды въ *первую* нашу революцію, одновременно съ манифестомъ 17 октября, контръ-революція учинила массовую рѣзню евреевъ и интеллигенціи во многихъ городахъ Россіи и Сибири. Сейчасъ у нея для этого руки связаны, но съ

тѣмъ большей энергіей пускаетъ она въ ходъ *провокацію*, чтобы толкать темные элементы на темныя дѣла. Чѣмъ больше безпорядковъ и анархіи, тѣмъ больше *паники*. Чѣмъ больше паники, тѣмъ больше увеличиваются ряды жаждущихъ покоя, увѣренности и безопасности и тоскующихъ о египетскихъ горшкахъ; чѣмъ легче происходятъ отпаденія, расколы, раздоры, тѣмъ болѣе расшатываются силы революціи и возрастаютъ число ея враговъ.

«*Имъ* нужна паника, имъ нуженъ страхъ — писалъ 13 мая С. Сумскій въ «Кіевской Мысли»,—имъ нужны, наконецъ, и грабежи, и безчинства, и если ихъ нѣтъ, то ихъ *выдумываютъ*, потому что въ этой атмосферѣ они уловляютъ обывателя въ сѣти демагога-диктатора. Почему приверженцы царскаго строя въ самомъ началѣ революціи стали выпускать каторжанъ? Да просто потому, что надѣялись на помощь своихъ товарищей каторжанъ. Ихъ руками они хстѣли сдѣлать свою работу».

Ради созданія паники «Новое Время» и другія подобныя газеты завели постоянный отдѣлъ «анархія», гдѣ тщательно собирали, какъ выдуманныя сплошь сенсаціи въ родѣ «Шлиссельбургской республики», такъ и сотни мелкихъ уголовныхъ фактовъ, въ обычное время заполнявшихъ во множествѣ репортерски-полицейскій отдѣлъ «происшествій».

Контръ-революція проникаетъ въ лицѣ предателей и провокаторовъ въ ряды революціонныхъ партій, принимаетъ дѣятельное участіе въ борьбѣ программъ и теченій носитъ красные банты наибольшихъ размѣровъ, кричитъ о свободѣ и революціи громче всѣхъ [1]), становится на сторону самыхъ требовательныхъ и крайнихъ, подуськиваетъ и подзадориваетъ на самыя рискованныя «максималистскія» домогательства въ вѣрномъ расчетѣ на то, что чѣмъ сильнѣе натягивать лукъ, тѣмъ скорѣе порвется тетива.

Контръ-революція принимаетъ дѣятельное участіе въ выборахъ въ Учредительныя Собранія и драпируясь въ красный цвѣтъ, божась и клянясь, что отъ самаго рожденья они были демократами, республиканцами и соціалистами они проникали во множествѣ въ Палаты и тогда выпускали свои когти.

Черезъ 4 мѣсяца послѣ блестящей февральской революціи 1848 года во Франціи, когда была завоевана, какъ у насъ теперь, республика и всеобщее прямое, равное и тайное избирательное

---

1) „Плебейская кровь, идіотъ...—Писали какіе-то «объединенные мстители» Д. Заславскому—ты смѣешь говорить, что по царѣ никто не скучаетъ, что у него только въ Германіи вѣрные подданные. О! гнусный, жалкій, недальновидный лжецъ! Мы обожаемъ царя, мы страдаемъ за него, но до поры до времени молчимъ, *носимъ красные значки*, чтобы вамъ, дуракамъ, отвести глаза. Еще не время намъ подавать свой голосъ... Мы до поры до времени потерпимъ, а тамъ посмотримъ, чья возьметъ. Мы, имя намъ легіонъ, но всѣ мы надѣли красные банты, *всѣ мы славимъ „свободу"* и радуемся заранѣе своей побѣды надъ вами..." („К. М.", 26 апр.).

право, контръ-революція почувствовала себя столь сильной, что дерзнула провоцировать на возстаніе парижскій пролетаріатъ, такъ самопожертвованно и побѣдоносно сражавшійся въ февральскіе дни. Положеніе измѣнилось настолько, что такіе же самые трехдневные баррикадные бои, которые въ февралѣ оказались гибельными для монархіи Луи Филиппа, въ іюнѣ закончились страшнымъ пораженіемъ рабочихъ, безчеловѣчной бойней, имѣвшей своимъ близкимъ послѣдствіемъ гибель республики. Въ какомъ направленіи произошли за эти 4 мѣсяца измѣненія, какіе классы отпали отъ революціи и какія мѣры приняла для обезпеченія своей побѣды буржуазія, перешедшая въ ряды контръ-революціи, видно изъ прилагаемой таблички, въ которой мы присоединили для сравненія и группировку классовъ въ революцію 1830 г.

	Іюльская революція 1830 г.	Февральская революція 1848 года.	Іюньское возстаніе 1848 г.
Какіе классы сражались или были заинтересованы въ побѣдѣ; противъ кого они боролись?	Пролетаріатъ, учащаяся молодежь, всѣ группы буржуазіи противъ королевской власти, опиравшейся на дворянство и духовенства.	Пролетаріатъ, учащ. молодежь, буржуазн. инт., средняя и мелкая буржуазія противъ корол., власти, опиравшейся только на крупную бурж. при равнодушіи дворянства и духовенства.	Трудящійся городск. пролет. противъ всѣхъ остальныхъ клас. общества, въ томъ числѣ и противъ люмпенпролет., при нейтралитетѣ учащейся молодежи.
На чьей сторонѣ была національная гвардія?	Остатки распущенной давно національной гвардіи сочувствовали революціи	Сочувствовала революціи.	Рѣшительно противъ инсургентовъ, за исключен. части націон. гвардіи, принадлежащ. къ пролетаріату.
Какъ вела себя регулярная армія?	Сражалась безъ энтузіазма, часть перешла на сторону народа.	Сражалась безъ энтузіазма.	Сражалась съ крайней яростью и озлобленіемъ.
Было ли готово правительство къ борьбѣ и предвидѣло ли оно возстаніе?	Нѣтъ.	Нѣтъ.	Оно само сознательно вызвало возстаніе.
Какими силами располагало правит., не считая націонал. гвардіи?	Въ самомъ Парижѣ около 14 тыс. линейныхъ войскъ.	Свыше 30 тыс. линейныхъ войскъ.	30 тысячъ линейн. войскъ и 25 тысячъ мобилей.

Достаточно ограничиться этою табличкою и не вдаваться въ дальнѣйшія детали, чтобы сразу понять что іюньское возстаніе было заранѣе обречено на полную неудачу.

Контръ-революція копируетъ, подражаетъ методамъ революціи, агитируя за пассивное и активное сопротивленіе, проповѣдуя бунты, террористическіе акты и возстанія. Она любитъ устраивать заговоры и выискивать смѣлыхъ, рѣшительныхъ людей дѣйствія, въ особенности среди генераловъ... И часто имъ удавалось такимъ образомъ уничтожить всѣ плоды революціи и произвести реакціонный противо-переворотъ — *государственный переворотъ.*

Контръ-революція никогда не брезговала обращаться за помощью противъ народа къ иноземнымъ монархамъ и часто, слишкомъ часто она эту помощь получала. На штыкахъ иностранныхъ солдатъ, «патріоты своего отечества» привозили изгнанный режимъ и осчастливали страну *реставраіцей.*

г) *Государственный переворотъ и реставрація.*

Государственный переворотъ тѣмъ отличается отъ революціонного переворота, что послѣдній исходитъ снизу отъ массъ, въ интересахъ народа, а первый осуществляется сверху кучкой насильниковъ и потому почти всегда носитъ реакціонный, контръреволюціонный характеръ нарушенія, измѣненія или низверженія конституціи и захвата власти. Онъ часто обозначается французскимъ словомъ coup d'état (ку д'эта). Самыми знаменитыми государственными переворотами являются переворотъ, произведенный генераломъ Наполеономъ Бонапартомъ 18 Брюмера (8 ноября 1799 года) и переворотъ 2 декабря 1851 года, свершенный его племянникомъ Луи - Наполеономъ, президентомъ французской республики. Оба привели къ замѣнѣ республики имперіей, по образцу Октавія Цезаря, который продѣлалъ тоже самое съ римской республикой почти 19 вѣками раньше.

Рядъ государственныхъ переворотовъ совершила та самая *Директорія,* которую низвергъ Бонапартъ, такъ что онъ побилъ ее ея же добромъ. 18 Фруктидора (4 сентября 1797 года), при посредствѣ генерала Ождо съ его 12-ти тысячнымъ войскомъ, были устранены многіе роялистскіе депутаты (Совѣта 500 и Совѣта Старѣйшинъ) и двое изъ пяти директоровъ, для уничтоженія монархическаго большинства въ Совѣтахъ — чуть ли не единственный случай переворота, направленнаго *противъ* реакціи. 22 флореала (11 мая 1798 года) директора учинили актъ прямо противоположнаго характера. Когда при новыхъ выборахъ[1]) повсюду прошли демократы сторонники конституціи 1793 года, директорія кассировала эти выборы и произвольно замѣнили ихъ угодными

[1]) Ежегодно обновлялась $1/3$ депутатовъ.

кандидатами, сторонники существующей конституціи (1795 года или иначе «конституціи III года республики»). Наконецъ, 22 преріала (18 іюля 1799 года) произведенъ былъ третій государственный переворотъ внутри самой директоріи (насильственное устраненіе двухъ директоровъ, сторонниковъ конституціи III года[1]).

Революціи 1848 года почти всѣ закончились реакціонными переворотами. Во Франціи, какъ мы только что упоминали, его свершилъ Луи.-Наполеонъ. Въ Пруссіи король насильственно перевелъ Палату въ маленькій городокъ Бранденбургъ, а потомъ разогналъ ея «остатки», «охвостье» или «огрузокъ» (5 дек. 1848 г.). Въ Австріи такимъ же порядкомъ Францъ-Іосифъ сперва перевелъ Учредительный рейхсратъ изъ Вѣны въ небольшой моравскій городокъ Кремзиръ, а потомъ прекратилъ его существованіе. Вообще переводъ палатъ для болѣе безпрепятственнаго разгона изъ столицы въ провинціальный городъ считался издавна излюбленныхъ пріемомъ. Еще Людовикъ XVI собирался въ октябрѣ 1789 года, для той же цѣли, перевести Генеральные штаты изъ Версаля въ Суассонъ или Анжу. А Наполеонъ Бонапартъ для разгона Совѣтовъ спеціально уговорилъ ихъ переѣхать („для безопасности") въ С.-Клу, какъ у насъ „смертниковъ" въ Петроградѣ перевозили спеціально для казни на Лисій Носъ.

И наша Россія тоже не лыкомъ шита. Въ свою первую революцію она сподобилась получить свой coup d'etat. Это свершилось 3-го іюня 1917 года. Мы остановимся нѣсколько на этомъ переворотѣ, но раньше опишемъ подвиги обоихъ Наполеоновъ.

1) Государственный переворотъ 18 Брюмера

9 октября 1799 года тридцатилѣтній генералъ Наполеонъ Бонапартъ, бросивъ свою армію въ Египтѣ на произволъ судьбы, высадился на югѣ Франціи. Слава о его побѣдахъ уже гремѣла во всемъ мірѣ, и онъ отправился въ Парижъ, чтобы осуществить, наконецъ. давно лелѣянный честолюбивый замыселъ повторить Цезаря или Октавія. На одиннадцатомъ году революціи, на восьмомъ году республики, конституція 1795 года со своей безпринципной Директоріей, со своими ежегодно мѣняющими свою физіономію Совѣтами, со столь частыми насильственными переворотами влачила жалкое существованіе, при безнадежномъ голоданіи, усталости и равнодушіи народныхъ массъ, при глубочайшей испорченности и развращенности плутократическихъ круговъ, при бездонной финансовой разрухѣ и — что было въ данный моментъ наиболѣе ужаснымъ — при такомъ рѣзкомъ, ухудшеніи положенія на театрахъ военныхъ дѣйствій, что въ Совѣтѣ Пятисотъ было даже предложено снова объявить, какъ въ 1893 году, „отечество въ опасности".

[1]) Вся исторія Директоріи сплошное безпринципное насиліе, то вправо, то влѣво, то противъ собственныхъ членовъ.

Этотъ моментъ Наполеонъ счелъ какъ нельзя болѣе благопріятнымъ для переворота.

Техника его была довольна сложная. Въ основѣ легъ заговоръ, причемъ въ немъ приняли участіе два директора, большинство Совѣта Старѣйшинъ и ничтожное меньшинство Совѣта Пятисотъ. Преданныя войска были подъ рукой.

Въ исполненіе заговора Совѣтъ Старѣйшинъ вынесъ 8 ноября рѣшеніе перенести на завтра засѣданіе Совѣтовъ въ С.-Клу, подъ предлогомъ, что въ Парижѣ засѣданія небезопасны вслѣдствіе возбужденія въ Якобинскихъ кругахъ, причемъ миссія охраны Совѣтовъ была возложена на генерала Бонапарта! Сейчасъ затѣмъ оба заговорщика-директора прислали отказъ отъ полномочій, въ виду частыхъ нарушеній конституцій». Тогда остальныхъ 3 директоровъ Наполеонъ велѣлъ взять подъ стражу, а самъ расклеилъ такую прокламацію.

«Что сдѣлали вы съ Франціей, которую я оставилъ вамъ въ такомъ блестящемъ состояніи? Я оставилъ вамъ миръ, а нахожу войну; я оставилъ вамъ побѣды, а нахожу пораженія; я оставилъ вамъ итальянскіе милліоны, а нахожу повсемѣстную нищету и грабительскіе палачи. Что сдѣлали вы со ста тысячами воиновъ, со спутниками моей славы? Они въ могилѣ!.. Такое положеніе дѣлъ не можетъ продолжаться; *въ какіе-нибудь три года оно привело бы насъ къ абсолютизму*».

Послѣдняя фраза въ устахъ Наполеона прямо обворожительна. Оставшіеся въ Парижѣ демократы были поражены наглымъ тономъ прокламаціи, которая каждымъ своимъ словомъ кричала о предстоящемъ coup d'état. Они собрались ночью на совѣщаніе, но ничего не могли придумать кромѣ «пассивнаго сопротивленія». А Наполеонъ былъ такъ увѣренъ въ побѣдѣ, что не считалъ даже нужнымъ выполнить совѣтъ Сіейса и произвести ночью аресты.

Второй и послѣдній актъ трагикомедіи разыгранъ былъ на слѣдующее утро въ С.-Клу.

Обѣ Палаты собрались. Наполеонъ съ гренадерами явился сперва въ Совѣтъ Старѣйшинъ и произнесъ рѣчь, которая должна была убѣдить непосвященное меньшинство въ томъ, что намѣренія его чище только что выпавшаго снѣга. «Меня осыпаютъ клеветами! Говорятъ о новомъ Кромвелѣ, о новомъ Цезарѣ! Граждане! если бы я думалъ сыграть подобную роль, мнѣ безъ труда удалось бы это въ то время, когда я, какъ тріумфаторъ, возвращался изъ Италіи: и армія, и политическія партіи убѣждали меня овладѣть правительственной властью. Но я не сдѣлалъ этого тогда, *не сдѣлаю этого и теперь. Клянусь, что въ отчествѣ нѣтъ болѣе безкорыстнаго гражданина, чѣмъ я*».

«Именемъ тѣхъ славныхъ гренадеръ, штыки которыхъ сверкаютъ тамъ — продолжалъ онъ — я увѣряю васъ въ томъ, что сумѣю васъ охранить»...

Въ это время въ дверяхъ зала сверкнули штыки гренадеръ. Этого было вполнѣ достаточно. Наполеонъ вышелъ оттуда побѣдителемъ.

Въ Совѣтѣ Пятисотъ, гдѣ приверженцевъ у него было очень мало, дѣло оказалось несравненно болѣе труднымъ, несмотря на то, что президентомъ Совѣта былъ его родной братъ. Когда Наполеонъ вошелъ въ оранжерею, гдѣ собрался Совѣтъ, и гдѣ депутаты только что принесли наскоро клятву въ вѣрности конституціи, онъ былъ встрѣченъ яростными криками: «*Долой Диктатора! Объявить его внѣ закона! Прочь штыки!*» Депутатъ Биганэ, схвативъ его за руку, крикнулъ: «*Назадъ, наглецъ! Вы оскорбляете святилище законовъ!*»

Наполеонъ смутился, поблѣднѣлъ, очевидно потерявъ самообладаніе. Драгуны вывели его изъ толпы, наскакивавшихъ на него депутатовъ. На дворѣ прибѣжалъ къ нему на помощь братъ, президентъ Совѣта. Къ Наполеону вернулась рѣшимость. «*Солдаты*», обратился онъ къ гренадерамъ «*я всегда водилъ васъ къ побѣдамъ, могу ли я положиться на васъ*». «*Да, да!*» отвѣтили солдаты. «Да здравствуетъ Бонапартъ!»

Черезъ нѣсколько минутъ депутаты были разогнаны.

Государственный переворотъ свершился. Въ тотъ же вечеръ, какъ это вообще дѣлается въ такихъ случаяхъ, онъ былъ «легализированъ». Братъ Наполеона собралъ меньшинство Совѣта 500, которое вынесло слѣдующее постановленіе, утвержденное тутъ же Совѣтомъ Старѣйшинъ: «Директорія упраздняется; исполнительная власть временно возлагается на 3 *консуловъ;* консуламъ назначаются: Наполеонъ Бонапартъ, Сіейсъ и Роже Дюко [1]). Учреждается комиссія изъ 28 членовъ Совѣта и 2 консуловъ, для составленія проекта *новой конституціи*».

Конституція и была сейчасъ же составлена Сіейсомъ, давно уже ее сочинявшимъ. Это было самая нелѣпая изъ всѣхъ конституцій, когда либо бывшихъ. Законодательная власть была раздѣлена между *четырьмя* учрежденіями: Государственнымъ Совѣтомъ, Законодательнымъ Корпусомъ, Трибуналомъ и Сенатомъ. Народъ выбираетъ только кандидатовъ, а не депутатовъ, но не прямыми, а четырехстепенными выборами. Вся сущность конституціи состояла въ томъ, что во главѣ стоялъ избираемый на 10 лѣтъ „первый консулъ", который былъ все, ибо имъ былъ Наполеонъ. Она носитъ названіе „Конституціи VIII года". Но вотъ что дѣйствительно замѣчательно. Бонапартъ пустилъ ее на народное голосованіе и за нее было подано 3,011,007 голосовъ и только 1562 противъ

18 мая 1804 года на двѣнадцатомъ году «республики» первый консулъ превратился въ «Наполеона I, Божьей милостью и

---

1) Сіейсъ и Роже Дюко были тѣ два директора, которые вступили въ заговоръ съ Наполеономъ.

установленіями республики (!!) императора французовъ». 2-го декабря того же года онъ былъ торжественно коронованъ самимъ папой.

2) Государственный переворотъ 2 декабря 1851 г.

Ровно черезъ 47 лѣтъ послѣ коронованія Наполеона I императоромъ, ничтожный, жалкій авантюристъ, единственной заслугой котораго было то, что онъ считался племянникомъ перваго Наполеона, повторилъ съ такимъ же полнымъ успѣхомъ coup d'état, провозгласивъ себя, по его образцу, сперва спасителемъ республики и президентомъ на 10 лѣтъ, а ровно черезъ годъ императоромъ, подъ именемъ Наполеона III.

Продѣлано это было тоже въ видѣ заговора, но безъ всякихъ рѣчей, въ тишинѣ ночной. Въ этомъ замѣтенъ былъ «прогрессъ» трезвенной простоты надъ романтической ухищренностью.

Вторая французская республика имѣла всего одну палату— *Законодательное Собраніе*, открывшее свои засѣданія 29 мая 1849 г. Въ немъ господствовала „партія порядка", подъ каковымъ названіемъ объединились всѣ реакціонеры, всѣ представители духовенства, помѣщиковъ и крупнаго капитала, всѣ сторонники прежнихъ павшихъ династій. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ этого Собранія было отмѣнить (31 мая 1850 г.) вообщее избирательное право, такъ какъ оно приняло „поправку", что для осуществленія своего права, каждый гражданинъ долженъ *три года прожить* на одномъ мѣстѣ; эта поправка лишила голоса 3.000.000 избирателей! Луи-Наполеонъ былъ тогда президентомъ республики, избранный на этотъ важный постъ огромнымъ большинствомъ (5.658,755 изъ $7^1/_2$ милліоновъ голосовъ). Опьяненный такимъ результатомъ выборовъ, который поразилъ, какъ громомъ, весь міръ, онъ, разумѣется, сейчасъ же рѣшилъ, что быть ему императоромъ.

Государственный переворотъ пришлось откладывать съ одного раза до другого. Между тѣмъ приближался срокъ четырехлѣтія его президенства. Въ кликѣ проходимцевъ, которыхъ онъ собралъ вокругъ себя въ качествѣ помощниковъ, рѣшено было, наконецъ, устроить его въ ночь на 2 декабря 1851 года, въ годовщину коронованія Наполеона I и знаменитой побѣды его подъ Аустерлицемъ. Вечеромъ 1-го декабря въ Елисейскомъ дворцѣ собралось блестящее общество. Какъ разсказываетъ Веронъ въ своихъ „Мемуарахъ парижскаго буржуа», Бонапартъ дѣлалъ видъ, что находится въ прекрасномъ расположеніи духа и очень непринужденно держался со своими гостями. Когда послѣ 11 часовъ части разошлись, онъ подозвалъ полковника Віэйра. „Полковникъ, владѣете ли вы настолько собой, чтобы выраженіемъ лица не выдать своего внутренняго волненія?"—„Я надѣюсь!"—„Хорошо, *это* свершится сегодня ночью".

Роли были распредѣлены между его ближайшими клевретами, которыхъ Эритье дѣлитъ на 2 категоріи: отчаянные игроки и безсовѣстные грабители, какъ С. Арно, Персиньи, Рошфоръ и Морни, и честолюбцы-продажныя души, какъ Канроберъ, Эспинасъ и Мопа.

Въ полночь они собрались въ рабочемъ кабинетѣ Бонапарта, чтобы внушить другъ другу бодрость и увѣренность въ побѣдѣ. Явился Бонапартъ, вынулъ изъ потаеннаго ящика запечатанный конвертъ съ многозначительной надписью „Рубиконъ“ [1]) и вручилъ его своему адъютанту Бевилю. Тамъ были изготовленные декреты и прокламаціи, которые нужно было въ теченіе ночи отпечатать и расклеить по всему городу. Одновременно нужно было произвести рядъ арестовъ.

Бевиль направился въ національную типографію, гдѣ рабочіе были задержаны въ виду спѣшной работы. Прокламаціи были разрѣзаны на части, чтобы наборщики не догадывались о содержаніи. Когда нѣкоторые заподозрили что-то неладное и отказались работать, имъ пригрозили разстрѣломъ. Рано утромъ все было расклеено.

Мопа съ помощью 800 полицейскихъ сержантовъ, собранныхъ въ префектурѣ подъ предлогомъ, что якобинцы замышляютъ возстаніе, арестовалъ 16 самыхъ видныхъ депутатовъ и генераловъ Законодательнаго Собранія и 62 вождей тайныхъ обществъ. Всѣ были захвачены врасплохъ и, большей частью, не оказали никакого сопротивленія. У полковника Шарра комиссаръ первымъ дѣломъ схватилъ лежавшіе на каминѣ два пистолета. «Они не заряжены,—замѣтилъ полковникъ,—я уже больше не вѣрилъ въ государственный переворотъ».

Затѣмъ нужно было захватить Бурбонскій дворецъ, гдѣ происходили обычно засѣданія Законодательнаго Собранія. Устроено было такъ, чтобы въ эту ночь охрану дворца несъ батальонъ, которымъ командовалъ полковникъ Эспинасъ. Въ 3 часа пополуночи Персиньи его разбудилъ, вручилъ ему декретъ о назначеніи его бригаднымъ генераломъ и адъютантомъ, съ жалованьемъ въ 30.000 франковъ и тутъ же преподнесъ ему единовременно 100.000 фр. Тотъ, разумѣется, выполнилъ свою задачу какъ нельзя лучше.

Оставалось еще Морни, вооруженному декретомъ Наполеона о назначеніи его министромъ внутреннихъ дѣлъ, явиться въ 6 часовъ утра съ отрядомъ въ министерство и сообщить министру Ториньи объ его отставкѣ.

[1]) Цезарь рѣшившись, послѣ нѣкотораго колебанія, на государственный переворотъ, двинулся съ войскомъ черезъ рѣчку Рубиконъ на Римъ, произнося историческую фразу, которую не разъ повторяли затѣмъ его подражатели: Alea iacta, est—„Жребій брошенъ!“.

«Такъ грубо отставленный министръ,—замѣчаетъ Пьеръ де-ла Горсъ—былъ сильно огорченъ не тѣмъ, что былъ нарушенъ законъ, а что президентъ такъ мало ему довѣрялъ».

Съ наступленіемъ утра все было кончено. Парижане съ изумленіемъ прочли слѣдующее извѣщеніе президента республики:

«Именемъ французскаго народа президентъ республики постановляетъ:

1) Національное Собраніе распускается.

2) Возстановляется всеобщее избирательное право, отмѣняется законъ 31 мая 1850 г.

3) Французскій народъ призывается между 14 и 21-мъ декабря на свои первичныя собранія.

4) Вся область, занятая первой девизіей, объявляется въ осадномъ положеніи.

5) Государственный Совѣтъ распускается.

6) На министра внутреннихъ дѣлъ возлагается выполненіе этихъ постановленій.

Данъ въ Елисейскомъ дворцѣ 2 декабря 1851 г.

Подписалъ: Луи Наполеонъ Бонапартъ. Министръ внутр. дѣлъ де-Морни».

А въ другой прокламаціи заключалась «конституціонная» программа въ 5 пунктахъ:

1) *10-лѣтній срокъ* управленія главы государства, 2) Назначеніе министровъ зависитъ исключительно отъ главы государства. 3) Выработка всѣхъ законопроектовъ *Государственнымъ Совѣтомъ*, составленнымъ изъ наиболѣе выдающихся людей страны, 4) Образованіе *Законодательнаго Корпуса* на основѣ всеобщаго избирательнаго права для обсужденія и принятія законовъ, 5) *Сенатъ* изъ знаменитѣйшихъ въ странѣ людей «для равновѣсія силъ» и какъ охранитель основного закона и народныхъ вольностей.

Это было старательное скопированіе составленной Наполеономъ I сейчасъ же послѣ переворота «конституціи VIII года» (т.-е. 1799 г). Не хватало для полноты только *Трибуната*..

Депутаты Закон. Собранія, найдя запертыя двери Бурбонскаго дворца, пытались собираться и протестовать, но ихъ разгоняли штыками. 3-го и 4-го декабря поднялись рабочіе предмѣстій, несмотря на то, что они хорошо помнили бойню, устроенную имъ въ іюнѣ 1848 года той самой «буржуазіей», которую теперь въ лицѣ «партіи порядка» низвергнулъ Наполеонъ. Но имъ снова задали кровавую баню съ тысячами убитыхъ и ранеными. Затѣмъ началась работа военныхъ судовъ. Изъ одного Парижа было выслано 26,000 человѣкъ.

Карлъ Марксъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ это *18 брюмера Луи Наполеона:*

«Кромвель, распуская «долгій парламентъ», самолично отпра-

вился въ его засѣданіе, вынулъ часы, слѣдя за тѣмъ, чтобы существованіе парламента не продлилось ни одной минутой дольше постановленнаго имъ срока, и, выгоняя каждаго отдѣльнаго члена парламента, сопровождалъ его веселыми шуточками и насмѣшками. Наполеонъ, не столь великій, какъ его прообразъ, тоже отправился 18 брюмера въ законодательное собраніе и прочелъ ему, хотя и подавленнымъ голосомъ, его смертный приговоръ. Что касается второго Бонапарта, располагавшаго, впрочемъ, исполнительной властью иного рода, чѣмъ Кромвель или Наполеонъ, то онъ искалъ для себя образцы не въ лѣтописяхъ всемірной исторіи, а въ лѣтописяхъ «Общества 10 декабря» *) или, что одно и тоже, въ лѣтописяхъ уголовнаго суда. Онъ похищаетъ у Французскаго банка 25 милліоновъ франковъ, покупаетъ за 1 милліонъ генерала Маньяна, а солдатъ по 15 фр., съ придачей рюмки водки; ночью, по-воровски, тайно столковывается со своими соумышленниками, приказываетъ ворваться въ квартиры самыхъ опасныхъ для него парламентскихъ вождей и увезти прямо съ кровати Кавеньяка, Ламорисьера, Лефло, Шангарнье, Тьера и т. д."...

Несмотря на все это, плебесцитъ, происходившій по всей Франціи 20—21 декабря, одобрилъ переворотъ 7,439,216 голосами противъ 646,737!

Второй разъ капризный ходъ революціи приводилъ во Франціи къ тому, что республику низвергала сабля, что мѣсто свободы, равенства и братства занимала, по Марксу, инфантерія, кавалерія и артиллерія. И народъ плебисцитомъ это утверждалъ!

Ровно черезъ годъ послѣ coup d'étot, Луи Наполеонъ возложилъ на себя императорскую корону.

3. Государственный переворотъ 3 іюня 1907 г.

Выше мы привели яркую параллель Карла Маркса между тремя государственными переворотами 17-го, 18-го и 19-го столѣтій, продѣланными кромвелемъ и двумя Наполеонами. Какъ и слѣдуетъ ожидать, переворотъ 20-го столѣтія, осуществленный Николаемъ Романовымъ, опиравшимся на Столыпина и на общество „Двуглаваго Орла", не нарушаетъ стройности этой своеоб-

[1]) Общество это образовалось въ честь голосованія 10 декабря 1848 г., сдѣлавшаго Луи Наполеона президентомъ французской республики, и состояло, по Марксу, изъ отребья люмпенпролетаріата, „изъ физически и нравственно несостоятельныхъ прожигателей жизни, сомнительнаго происхожденія и съ сомнительными источниками существованія, опустившихся искателей приключеній изъ подонковъ буржуазіи, бродягъ, отставныхъ солдатъ, бѣглыхъ каторжниковъ, выпущенныхъ на волю арестантовъ, жуликовъ, фокусниковъ, нищихъ, карманныхъ воровъ, мошенниковъ, шулеровъ, маркеровъ, содержателей домовъ терпимости" и т. д. и т. д.

разной обратной прогрессіи. Взявши у coup d'état Луи Наполеона его характерныя черты: тайный заговоръ, ночное воровское нападеніе, ночные аресты соціалъ-демократическихъ депутатовъ и множества другихъ лицъ, военное положеніе, закрытый на ключъ Потемкинскій дворецъ, скорострѣльные суды, тысячи казней, каторгъ и высылокъ, насильственное, беззаконное измѣненіе конституціи, циничный манифестъ и т. п. и т. п., они прибавили туда еще специфически Романовско-Столыпинскую приправу. Государственные заговорщики, у которыхъ „третье іюньская конституція" уже лежала совсѣмъ готовая въ заднемъ карманѣ сюртуковъ и мундировъ, предъявили *наканунѣ переворота* ко всей с.-д. фракціи изъ 55 депутатовъ обвиненіе въ ... государственномъ заговорѣ. Бандѣ, безповоротно рѣшившей черезъ опредѣленное количество минутъ зарѣзать, ни у кого не спрашивая, всю 2-ую думу, для чего-то понадобилось поиздѣваться надъ нею передъ смертью и потребовать, чтобы она собственными руками немедленно, безотлагательно „выдала" ей этихъ мнимыхъ заговорщиковъ

Такихъ штриховъ мы не встрѣчали ни при одномъ другомъ государственномъ переворотѣ. Это уже специфически-столыпинское, подобно знаменитому „страшному яду тіоколу", столь характерному для него.

Перваго іюня Столыпинъ потребовалъ, чтобы очередное засѣданіе Думы происходило при закрытыхъ дверяхъ. А на засѣданіи онъ категорически заявилъ, что Дума должна немедленно согласиться на устраненіе 55 с.-д. депутатовъ, какъ заподозрѣнныхъ въ государственномъ заговорѣ, и арестъ 16 изъ нихъ. Прижатая къ стѣнѣ, Дума постановила передать предложеніе въ комиссію 22 и дать ей срока 24 часа. Это было въ пятницу. Въ субботу же—въ *послѣдній* день существованія 2-ой Думы—произошло вотъ что.

Въ повѣсткѣ стоитъ продолженіе обсужденія законопроекта о *мѣстномъ судѣ*, и Дума съ показной дѣловитостью имъ занимается, хотя внутри у большинства кошки скребутъ. Пахнетъ вѣдь неминуемымъ разгономъ и государственнымъ переворотомъ. Всѣ знаютъ, что онъ предрѣшенъ.

Лѣвые предлагаютъ прекратить пренія о судѣ.

Князь Долгоруковъ отъ имени кадетовъ настаиваетъ на ихъ продолженіи.

„Мы будемъ до послѣдней минуты работать надъ тѣмъ, для чего мы пришли—для созидательной законодательной работы".

Пренія продолжаются. Говорятъ октябристы.

Вторично вносится предложеніе прекратить пренія. Мотивируетъ его с.-д. *Церетелли.*

„...Мы переживаемъ моментъ, когда нарушается не только обычный порядокъ обсужденія вопросовъ, но и совершается покушеніе на самыя основы нашей конституціи. Мы стоимъ, господа

народные представители, *наканунѣ государственнаго переворота*, которымъ намъ грозятъ... (Продолжительные аплодисменты на скамьяхъ лѣвыхъ).

Предсѣдатель Головинъ (прерывая оратора). Прошу держаться ближе предмета.

Церетелли, много разъ прерываемому предсѣдателемъ, удается, наконецъ, изложить свое конкретное предложеніе:

«Я предлагалъ прекратить пренія по вопросу о мѣстномъ судѣ, чтобы перейти къ слѣдующему вопросу — вопросу о *бюджетѣ*».

Уже задолго до того много писалось и говорилось, что Дума должна использовать свое бюджетное оружіе и отказать въ утвержденіи бюджета. Лѣвые, очевидно, хотѣли связать самое существованіе Думы съ платежомъ налоговъ, какъ это сдѣлали Генеральные Штаты 17 іюня 1789 года.

Предсѣдатель. Бюджетъ сейчасъ обсуждать нельзя, потому что, по наказу, только закончивъ одно дѣло, мы можемъ перейти къ другому. Сейчасъ можно говорить только о прекращеніи преній.

Церетелли (продолжаетъ). Мотивирую предложеніе о прекращеніи преній тѣмъ, что передъ нами стоитъ вопросъ о государственномъ переворотѣ. Если бы мы занялись продолженіемъ обсужденія того вопроса, который стоитъ у насъ въ повѣсткѣ, то мы тѣмъ самымъ лишили бы себя возможности въ остающееся немногое время выполнить то, что могли бы выполнить...

„Поэтому отъ имени с.-д. фракціи, отъ имени фракціи трудовиковъ, отъ имени фракціи народныхъ соціалистовъ и Думской группы соціалистовъ-революціонеровъ я предлагаю — прекратить пренія и перейти къ обсужденію вопроса о бюджетѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поставить въ порядокъ сегодняшняго засѣданія и другіе чрезвычайно важные вопросы—объ отмѣнѣ изданныхъ правительствомъ въ порядкѣ ст. 87...

Предсѣдатель (прерывая оратора). Можетъ обсуждаться только то, что поставлено на повѣстку...

Противъ прекращенія преній о мѣстномъ судѣ выступаетъ кадетъ Влад. Гессенъ. Его подерживаетъ Пуришкевичъ. Пренія продолжаются. Вносится *третье* предложенія о прекращеніи преній. Его поддерживаетъ с. р. Архангельскій. Кадеты настаиваютъ на преніяхъ о мѣстномъ судѣ. Пренія продолжаются. Поступаетъ *четвертое* предложенія о прекращеніи преній; его поддерживаетъ народный соціалистъ Волкъ-Карачевскій, но судьба его т. же.

Тогда Церетелли вноситъ отъ имени с.-д. фракціи предложеніе назначить въ этотъ же день спеціальное *вечернее* засѣданіе и тамъ обсудить тѣ вопросы, о которыхъ онъ говорилъ.

„Если вы, гг. народные представители,—говоритъ онъ,—хотите оказаться на высотѣ историческаго положенія, хотите выпол-

нить историческую миссію, которую возложилъ на васъ избравшій васъ народъ, то вы должны въ этотъ моментъ, *наканунѣ государственнаго переворота*, поставить въ порядокъ дня обсужденіе *насущнѣйшихъ вопросовъ народной жизни*; поставить ихъ въ порядокъ дня въ тотъ моментъ, когда правительство, по безсмертному выраженію Карла Маркса, поставило *штыкъ въ порядокъ дня*. (Бурные аплодисменты слѣва).

Противъ предложенія выступаетъ Струве.

Предложеніе отклонено 201 голосами противъ 157.

Засѣданіе закрыто въ 5 ч. 58 м. Рѣчь Струве была послѣдней рѣчью 2-ой Государственной Думы.

«Кошмарный день кончился,— писала по поводу этого засѣданія «Рѣчь». Все время ожидавшійся взрывъ не произошелъ. Благодаря настойчивости партіи народной Свободы, Думу удалось удержать отъ шаговъ для нея самой неожиданныхъ и могущихъ лишь прибавить воду на мельницу сторонниковъ государственнаго переворота». [1])

Когда читатели «Рѣчи» штудировали эту Милюковско-Гессено-Винаверовскую мудрость, они уже знали, что госуд. переворотъ *совершившійся фактъ*. Въ воскресенье 3-го іюня міръ узналъ о роспускѣ 2-ой Думы, познакомился съ Манифестомъ царя и могъ раздобыть положеніе о выборахъ въ 3-ью Думу.

Если-бы какимъ нибудь чудомъ настойчивый призывъ лѣвыхъ былъ услышанъ кадетами, если-бы 2-ая Дума приняла какія нибудь смѣлыя постановленія, то конечно, государственнаго переворота это не предотвратило бы. Ходъ событій не измѣнился бы. Но смерть 2-ой Думы была бы красивой смертью, и народное представительство вышло бы изъ жестокаго испытанія съ честью и достоинствомъ.

А то, что произошло въ дѣйствительности, это доктринерское, заученное поведеніе, несмотря ни на какія обстоятельства, формулы «созидательной законодательный работы», это самовлюбленное нежеланіе считаться съ реальнымъ положеніемъ и радостная самоудовлетворенность, что, несмотря на всѣ призывы со стороны лѣвыхъ, удалось удержаться на строгой буквѣ наказа, это уже много лѣтъ назадъ получило заслуженную оцѣнку у К. Маркса и названо имъ *парламентскимъ кретинизмомъ*. Онъ нисколько не лучше всякаго другого кретинизма.

4) Реставрація.

Изъ трехъ описанныхъ выше государственныхъ переворотовъ coup d'etat Луи-Наполеона выдѣляется тѣмъ, что онъ не просто низвергнулъ республику или конституцію, а привелъ къ *возстановленію* такого порядка, который уже существовалъ раньше,—

[1]) Цитировано по В. А. Поссе.

къ *реставраціи* Имперіи и Бонапартовъ. Реставраціей называется возвращеніе изгнаннаго монарха или династіи, достигнутое путемъ государственнаго переворота. Исторія знаетъ много случаевъ такихъ реставрацій, которыя совершались, начиная съ нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ изгнанія и кончая нѣсколькими десятками лѣтъ. Реставрація англійскихъ Стюартовъ въ лицѣ Карла II произошла въ 1660 году, черезъ 10 лѣтъ послѣ казни Карла I, черезъ 18 лѣтъ послѣ начала революціи и черезъ 2 года послѣ смерти диктатора („предектора") Кромвеля. Она была произведена арміей генерала Монка. Реставрація французскихъ Бурбоновъ въ лицѣ Людовика XVIII произошла 6-го апрѣля 1814 года, черезъ 25 лѣтъ послѣ начала революціи, черезъ 21 годъ послѣ казни Людовика XVI и черезъ 14 лѣтъ послѣ захвата власти Наполеономъ. Она была осуществлена войсками европейской коалиціи. Вторичная реставрація Бурбоновъ произведена тѣми же союзниками 7 іюля 1815 года черезъ 100 дней послѣ бѣгства Людовика XVIII, вслѣдствіе вступленія Наполеона въ Парижъ. Въ этотъ же періодъ произошла реставрація прежнихъ абсолютныхъ властителей во всѣхъ государствахъ, гдѣ они были изгнаны прежде революціонными войсками французской республики и арміями Наполеона. Испанскіе Бурбоны въ лицѣ Фердинанда были возстановлены въ 1815 году *англичанами* послѣ 8-лѣтняго отсутствія, затѣмъ вторично спасены изъ плѣна и реставрированы въ 1823 году *французами*, наконецъ, въ третій разъ возвращены въ 1874 году, въ лицѣ Альфонса, военной иниціативой генерала Кампоса.

Въ Италіи побѣда европейской коалиціи подъ Наполеономъ привела въ 1815 году къ реставраціи неаполитанскихъ Бурбоновъ въ лицѣ Фердинанда, къ возвращенію въ первобытное состояніе въ Сардинскомъ королевствѣ, въ Папской области, въ Пармѣ, Моденѣ, Луккѣ и т. д. Такая же реставрація повторилась тамъ послѣ революціонныхъ бурь 1848 года, благодаря вмѣшательству *австрійцевъ* и *французовъ*.

Послѣдняя реставрація произошла въ Сербіи въ 1903 году. Послѣ умерщвленія Александра Обреновича съ женой, братьями ея и другими приближенными, призвана была изъ-за границы династія Карагеоргіевичей, изгнанная изъ Сербіи въ 1858 году. Реставрація стало быть произошла черезъ 45 лѣтъ, тогда какъ дубликатъ Наполеоновской имперіи появился черезъ 36 лѣтъ. Она, кажется, единственная, не носившая контръ-революціоннаго характера.

д) «Кривыя» революціи.

Революціи имѣютъ свой бѣгъ, свой кругооборотъ, свои *фазы*. Это, конечно, не фазы луны и не смѣна временъ года. Но все-таки есть ясно видимыя ступени, то вздымающіяся вверхъ, то спуска-

ющіяся внизъ. Бывшій главнокомандующій западнаго фронта генералъ Гурко въ своей рѣчи 5-го мая сказалъ: «Всякая революція есть *болѣзнь*. Вопросъ только въ томъ, какъ болѣзнь протекаетъ, нормально или ненормально». Для міросозерцанія почтеннаго генерала, черезъ 3 недѣли «съ трескомъ» отставленнаго отъ должности, вполнѣ характерно представленіе, что во время революціи народъ «болѣетъ», а стало быть до революціи онъ былъ здоровъ. Нужно, молъ, только благополучно перенести эту противную дѣтскую хворь, и все будетъ хорошо. Но если генеральскую фразу вывернуть на изнанку и взглянуть на нее, какъ на фотографическій негативъ, то въ ней окажется вѣрная мысль, и революція дѣйствительно представится какъ болѣзь, но какъ *болѣзнь стараго режима*. И *всякую революцію* можно будетъ изобразить особой больничной *кривой*, какія вычерчиваются въ лазаретахъ для каждаго лихорадящаго больного. а въ учебникахъ для всякой инфекціонной болѣзни.

Въ каждой такой кривой есть *восходящая* часть и *нисходящая*. Кривая революціи идетъ въ гору—это значитъ: старый режимъ опасно заболѣлъ специфическимъ страшнымъ микробомъ: вибріономъ революціи. Кривая нѣкоторое время держится на высокомъ уровнѣ, раскачиваясь то вверхъ, то внизъ: старый режимъ борется со смертью. Кривая начинаетъ опускаться—дѣла его начинаютъ поправляться. И горе революціи, горе народу, если кривая опустилась до прежняго уровня: старый режимъ благополучно перенесъ опасную болѣзнь—произошла реставрація! И какое рѣдкое счастье, какой дивный жребій, если кривая революціи осталась прерванной на высокихъ градусахъ, недочерченной—что постигаетъ въ лазаретахъ температурныя кривыя тѣхъ больныхъ, которые *умираютъ* въ пароксизмѣ лихорадки. Это значитъ: старый режимъ *погибъ*, а революція спасена!.

Кто не читалъ знаменитой, блестящей, характерстики двухъ типовъ революцій, сдѣланной Карломъ Марксомъ въ его сочиненіи: „18 брюмера Луи-Наполеона“?

„Во время первой французской революціи за господствомъ *конституціоналистовъ* слѣдуетъ господство *жирондистовъ*, а оно смѣняется господствомъ *якобинцевъ*. каждая изъ этихъ партій опирается на болѣе передовую. Какъ только данная партія довела революцію настолько далеко, что она болѣе не въ состояніи не только идти впереди революціи, но и слѣдовать за ней,-ее отстраняетъ и отправляетъ на гильотину стоящій за нею болѣе смѣлый союзникъ. Революція движется, такимъ образомъ, по *восходящей* линіи.

„Обратное происходитъ въ революціи 1848 г. Партія *пролетаріата* является придаткомъ мелкобуржуазной *демократической* партіи. Послѣдняя измѣняетъ первой 16-го апрѣля, 15-го мая и въ

іюльскіе дни. Демократическая партія, съ своей стороны, стоитъ на плечахъ *буржуазно-республиканской* партіи. Не успѣли буржуазные республиканцы почувствовать себя твердо на ногахъ, какъ они сбрасываютъ съ себя докучливыхъ товарищей и сами спѣшатъ опереться на плечи *партіи порядка*. Партія порядка пожатіемъ плечъ опрокидываетъ буржуазныхъ республиканцевъ и сама становится на плечи *вооруженной силы*. Она еще продолжаетъ думать, что сидитъ на плечахъ арміи, когда въ одно прекрасное утро открываетъ, что эти плечи превратились въ штыки. Каждая партія лягается въ сторону стремящейся впередъ партіи и упирается въ стремящуюся назадъ партію. Неудивительно, что она въ этой смѣшной позитурѣ теряетъ равновѣсіе и падаетъ, корча неизбѣжныя гримасы и выдѣлывая изумительные курбэты. Революція движется, такимъ образомъ, по *нисходящей* линіи. Она находится въ этомъ попятномъ движеніи, прежде чѣмъ убрана послѣдняя февральская баррикада, и установлена прямая революціонная власть".

Это мѣсто много разъ цитировалось. Совсѣмъ недавно Плехановъ сдѣлалъ его исходнымъ пунктомъ для своей статьи: „Двѣ линіи революціи".[1])

Противоположность двухъ линій въ самомъ дѣлѣ поразительна Но все таки намъ кажется, что тутъ заключается нѣкоторое недоразумѣніе. Это есть противоположность не *двухъ линій* революцій, а *двухъ частей*: *восходящей* и *нисходящей* всякой революціи. То что Марксъ пишетъ о революціи 1789 г., относится къ ея *восхожденію*. То, что онъ пишетъ о революціи 1848, относится къ ея нисхожденію. Понятно, что при этомъ всѣ этапы должны получить обратный ходъ. То, что было головой, становится ногами. Гдѣ была выпяченная впередъ грудь, тамъ сказывается изгибающаяся назадъ спина.

И дѣйствительно, стоитъ намъ взглянуть на *попятную* половину революціи 1789—1799 г.г. и мы увидимъ въ общемъ тѣ же этапы, что и въ 1848 году. Такимъ же самымъ образомъ пролетаріатъ является придаткомъ мелкобуржуазной демократической партіи якобинцевъ. 9-го термидора погибаютъ оба, брошенные на гильотину союзомъ „термидоріанцевъ". Послѣдніе скоро отдѣлываются посредствомъ все той же гильотины отъ лѣвой своей части —буржуазныхъ демократовъ-республиканцевъ, а сами преображаются очень скоро въ конституціоналистовъ. Но прежде чѣмъ конституціоналисты успѣли уступить свое мѣсто напиравшимъ со всѣхъ сторонъ роялистамъ, они сами очутились во власти штыковъ, на которыхъ они, „выдѣлывая изумительные курбеты", одинаково опирались, какъ уничтожая демократовъ, такъ и отпихивая роялистовъ.

---

[1]) Вышла въ апрѣлѣ отдѣльной брошюрой.

Стало быть и о Великой Французской революціи (во второй ея половинѣ) можно сказать словами Маркса, сказанными о 1848 годѣ: „Революція движется по нисходящей линіи“.

Вся суть недоразумѣнія заключается въ томъ, что въ обѣихъ схемахъ отъ первой была отсѣчена ея растянутая нисходящая *половина*, а отъ второй отрублена ея бурно поднявшая **въ** три дня почти до кульминаціонной точки, восходящая часть.

И если проанализировать эту крутую, трехдневную восходящую, то и въ ней можно будетъ увидѣть среди событій развивавшихся съ кинематографической быстротой, *династическую оппозицію* (Тьера, Барро и т. п.), отброшенную 22—23 февраля, и *буржуазныхъ республиканцевъ*, побѣжденныхъ 24 февраля, когда хотѣли провести только свое Временное Правительство, а вынуждено включить *демократовъ* и *соціалистовъ*.

Поэтому въ высшей степени странно читать у Плеханова въ означенной статьѣ: „И вотъ я спрашиваю у васъ читатель: по какой линіи желательно было бы направить наше общественное движеніе: по восходящей или по нисходящей?

„По всей вѣроятности, вы отвѣтите, что если Марксъ правъ, то объ этомъ безполезно и спрашивать. Великое французское движеніе шло по восходящей линіи. Въ этомъ заключалась его *сила*. Февральская революція 1848 г. направилась по нисходящей линіи. Въ этомъ была ея *слабость*. Какъ же можетъ русскій революціонеръ, находясь въ здравомъ умѣ и твердой памяти, желать чтобы русское общественное движеніе пошло по нисходящей линіи?“

Никакая революція не можетъ итти по нисходящей линіи, если она раньше не поднялась по восходящей. Историческая постановка вопроса заключается совсѣмъ не въ томъ, какую линію предпочесть. Задача для революціонныхъ классовъ, поскольку мы учитываемъ отвѣты исторіи, заключается въ томъ, чтобы совсѣмъ устранить нисходящую линію, не допустить, чтобы кривая революціи завернулась роковымъ образомъ внизъ на паденіе. Въ этомъ отношеніи ходъ революціи 1781 года былъ такъ же плачевенъ и такъ же трагиченъ, какъ революція 1848 г., и первая революція въ цѣломъ представляетъ для насъ столь же неприемлимый образецъ, какъ и вторая революція въ цѣломъ. Заворотъ же кривой книзу *неизбѣженъ*, если замыслы, призывы и дѣйствія самаго революціоннаго класса идутъ дальше историческими условіями очерченныхъ границъ. Тогда рвется сума революціи и безчисленные золотые червонцы свободы, равенства и братства, республики и экономическихъ завоеваній падаютъ стремглавъ на землю и превращаются въ прахъ, какъ въ извѣстной баснѣ Крылова.

Наша нынѣшняя революція началась такъ красочно, такъ величаво, такъ организованно, толково и побѣдно, что казалось—на

этотъ разъ мы избегнемъ ужасовъ пьянаго угара и разнузданнаго утопическаго максимализма. Но это только казалось. Максималисты, какъ бурбоны, ничему не научились и ничего не забыли. Употребляются всѣ старанія, чтобы облегчить контръ-революціи перегнуть кривую революціи. Революція напрягаетъ всю свою мощь, дѣлаетъ отчаянныя, нечеловѣческія усилія, чтобы не дать разсыпаться и скатиться въ пропасть драгоцѣнному своему грузу. До сихъ поръ это, съ грѣхомъ пополамъ, удавалось. Но затрудненія растутъ, силы враговъ прибываютъ. Удастся ли Россіи избѣгнуть «мрачнаго и скорбнаго пути народовъ, хорошо извѣстнаго исторіи, пути, ведущаго отъ свободы черезъ междуусобіе и анархію къ реакціи и возврату деспотизма"?

„Этотъ путь не долженъ быть путемъ русскаго народа!» *). И это будетъ избѣгнуто, если удастся осилить максимализмъ.

е) Конечный результатъ революціи.

Можетъ ли или не можетъ революція потерпѣть крушеніе? Въ своей книгѣ „Противорѣчія классовыхъ интересовъ во Франціи въ 1789 году" Каутскій даетъ, повидимому, на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ. „Какъ можетъ восклицаетъ онъ—потерпѣть крушеніе историческое событіе, вызванный реальными общественными отношеніями фактъ! Какое-нибудь предпріятіе, задуманное отдѣльными личностями, заговоръ, бунтъ, дѣйствительно, могутъ кончиться крушеніемъ, но ни въ коемъ случаѣ не *историческое развитіе, которое только тогда становится революціей, когда оно закончено;* революція, потерпѣвшая крушеніе, не есть революція, говорить о крушеніи революціи такъ же безсмысленно, какъ о крушеніи бури. Во время бури можетъ, конечно, потерпѣть крушеніе то или иное судно, такъ и во время революціи та или иная партія, но не слѣдуетъ отождествлять отдѣльной партіи съ революціею и приписывать ей цѣли, къ которой стремилась одна какая-нибудь партія".

Конечно, при такой чрезвычайно расширенной постановкѣ вопроса, когда подъ революціей будутъ признавать только вполнѣ законченную полосу историческаго развитія, не считаясь вовсе съ тѣми результатами, которые временно достигались въ процессѣ революціи, и игнорируя кульминаціонную точку, которой она достигала, и тѣ политическія достиженія, которыя она, по объективнымъ условіямъ, имѣла полную возможность удержать—съ этой непобѣдимой точки зрѣнія, всякіе разговоры о крушеніи революціи были бы вполнѣ празднымъ занятіемъ. Но въ томъ болѣе узкомъ смыслѣ, въ какомъ, обычно, понимается революція и въ какомъ, и мы ее понимаемъ—какъ опредѣленный циклъ внезапно взбаломученной общественной стихіи, въ теченіе котораго власть переходитъ изъ

*) Изъ воззванія Временнаго Правительства.

рукъ одного класса въ руки другого—несомнѣнно, что часто и даже слишкомъ часто революція терпитъ пораженіе. Кто же станетъ отрицать, что гигантская революція 1905 года, выставившая своимъ лозунгомъ Учредительное Собраніе на основѣ четырехъчленной формулы и Демократическую республику, и приведшая въ концѣ концовъ къ тому же самодержавію, чуть только подкрашенному третьеіюньской конституціей—кто же откажется признать, что революція потерпѣла крушеніе! Съ точки же зрѣнія законченной полосы историческаго развитія, ее пришлось бы присоединить къ нашей нынѣшней революціи въ одинъ циклъ, если, будемъ надѣяться, она дастъ намъ теперь прочную демократическую республику. Если же не дастъ, то придется дожидаться третьей революціи, чтобы получить желанное законченное историческое развитіе. Но это вѣдь значитъ играть навѣрняка.

Вполнѣ благополучно совершившихся революцій—въ нашемъ обычномъ смыслѣ—мы знаемъ немного. Одной изъ самыхъ удачныхъ была революція въ англійскихъ колоніяхъ С. Америки, приведшая послѣ 8-лѣтней войны къ полному отдѣленію отъ метрополіи, къ созданію свободной федераціи на такихъ началахъ, которыя безъ существенныхъ измѣненій удержались до сихъ поръ. Это случай единственный въ своемъ родѣ!

Изъ французскихъ революцій выдѣляется революція 1870 года, которая, несмотря на жестокое подавленіе коммуны и реакціонный характеръ Національнаго Собранія, всетаки создала и удержала парламентскую республику и оставила за бортомъ, надо полагать, всѣхъ этихъ претендентовъ на престолъ: Бурбоновъ, Орлеановъ и Бонапартовъ.

Успѣшной слѣдуетъ признать до извѣстной степени Турецкую, Китайскую и быть можетъ, Персидскую революціи, такъ какъ несмотря на всѣ международное вмѣшательство и занатрудненія, онѣ выполнили историческія свои задачи—сверженія восточнаго абсолютизма султана, шаха и богдыхана. Китай сейчасъ республика, Турція и Персія — конституціонной монархіи. Конечно, мы слишкомъ далеки отъ этихъ странъ и почти не попадаютъ въ прессу сообщенія объ ихъ классовой борьбѣ, такъ что нельзя имѣть правильное представленіе о размѣрахъ достигнутыхъ политическихъ завоеваній тѣмъ болѣе, что все это осложняется и запутывается трехлѣтней войной. Но все-таки реальныя достиженія не подлежатъ никакому сомнѣнію.

Успѣшной слѣдуетъ до извѣстной степени признать тусклую «славную» англійскую революцію 1688 года, изгнавшую навсегда Стюартовъ, и „незаконченную“ революцію 1830 изгнавшую навсегда бурбуновъ и бельгійскую 1830, отдѣлившую ее навсегда отъ Голландіи, и Нарвежскую 1905 года, отмѣнившую ея унію со Швеціей.

Изъ большихъ революцій, потерпѣвшихъ крушеніе, надо, конечно, на первомъ планѣ поставить Великую Англійскую, закончившуюся реставраціей Стюартовъ, Великую Французскую революцію, закончившуюся Имперіей, а потомъ и реставраціей Бурбоновъ, *всѣ* революціи бурнаго 1488 года и русскую революцію 1905 года.

Но въ какомъ смыслѣ надо и тутъ понимать крушеніе? Означаетъ ли это—полное возвращеніе въ первобытное состояніе, словно ничего и не случилось, какъ это остроумно хотѣлъ показать братъ казненнаго Людовика XVI, когда, вступивъ на штыкахъ иноземцевъ въ Парижѣ въ 1814 г., объявилъ себя въ манифестѣ Людовикомъ *восемнадцатымъ*, а время царствованія своего обозначилъ *девятнадцатымъ* годомъ? [1])

Конечно, нѣтъ. Эта революція, которую реставрированный Бурбонъ считалъ какъ бы не существовавшей, произвела въ соціальномъ отношеніи огромнѣйшій сдвигъ и совершенно преобразовало, до неузнаваемости, французскій строй и общество. И даже въ политическомъ отношеніи реставрація Бурбоновъ не была полнымъ возстановленіемъ прежняго. Людовикъ XVIII подписалъ „хартію", т. е. конституцію, которая, какъ ни была убога, все же дѣлала его тронъ не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ при старшемъ братѣ. И то же самое можно сказать о многихъ неудачныхъ революціяхъ 1848 года и о нашей революціи 1905 г.

Даже когда революція совершаетъ полный кругъ и ходъ ея приводитъ къ полному возстановленію абсолютизма, ничѣмъ не ограниченнаго и опирающагося на жесточайшія репрессіи,—даже въ этихъ вполнѣ безнадежныхъ случаяхъ побѣжденная революція оставляетъ въ наслѣдство традиціи, лозунги и готовые образцы. И черезъ нѣсколько лѣтъ или нѣсколько десятковъ годовъ,—смотришь—вспыхиваетъ новая революція во имя этихъ готовыхъ лозунговъ и образцовъ. Такъ военная революція въ Испаніи въ 1811 году выставила лозунгомъ „конституція 1812 года". Такъ младотурки въ 1819 году потребовали конституціи 1876 года, а венгры въ 1161 году пришли въ броженіе во имя конституціи 1848 года. Такъ и наша нынѣшняя революція сразу преподнесла въ актѣ отреченія Михаила Александровича Учредительное Собраніе на основѣ четырехчленной формулы, а лозунгъ Демократической республики былъ встрѣченъ, какъ старый знакомый.

„Несмотря на видимую безполезность усилій, окончившихся неудачей—пишетъ Ренаръ—остается уже кое-что повергнутымъ, что уже больше не подымется, есть успѣхи достигнутые, которые не перестанутъ будь общимъ достояніемъ, есть зароненныя мысли, которыя продолжаютъ свое движеніе по бѣлу свѣту..."

---

[1]) Людовикомъ XVII, по его мнѣнію, былъ малолѣтній сынъ казненнаго короля, умершій въ 1795 г., съ какого года онъ и считалъ благополучное свое царствованіе.

Все это составляетъ, однако, слабое утѣшеніе для тѣхъ, которые вернулись къ облупленной хатѣ и разбитому корыту, хотя и сохранили образцы дворцовъ и воспоминанія о золотой рыбкѣ...

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Переворотъ черезъ возстаніе. Оружіе и боевые припасы.

Мы уже неоднократно указывали, что революціи рѣдко совершались безъ пролитія крови. Добиться свободы и участія народа въ управленіи удавалось только силой оружія, послѣ кровавыхъ боевъ. Но тутъ естественно возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ народъ можетъ побѣдить правительство? Народъ неорганизованъ, мало сознателенъ, лишенъ оружія, боевыхъ запасовъ, боевой опытности, военныхъ руководителей. Правительство же, наоборотъ, держитъ въ своихъ рукахъ всѣ организованныя и матеріальныя силы страны—войско, арсеналы, желѣзныя дороги, телеграфы, телефоны и проч., и проч. У него опытные генералы, кавалерія, артиллерія, саперы и т. д., оно имѣетъ возможность быстро концентрировать свои рессурсы. Условія борьбы настолько неравны, что побѣда революціи кажется совершенно непонятной; представляется непостижимымъ, что правительства не только сдавались и удовлетворяли выставленныя требованія, но иногда обращались въ паническое бѣгство, подобно французкимъ королямъ Карлу X (въ 1811 г.) и Луи Филиппу (въ 1848 г.), тѣмъ не менѣе невѣроятное совершалось.

Прежде всего займемся вопросомъ, какимъ образомъ возставшій народъ добывалъ себѣ оружіе.

а) Домашнее оружіе.

Много вѣковъ тому назадъ населеніе Европы постоянно имѣло при себѣ оружіе. Во-первыхъ, въ случаѣ войны взрослые мужчины должны были по первому призыву немедленно собираться подъ знамена съ оружіемъ, конемъ и всякимъ другимъ снаряженіемъ, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, наши казаки. Во-вторыхъ, много разбойниковъ и грабителей безчинствовали тогда по лѣсамъ и большимъ дорогамъ, государство же представляло отъ нихъ защиту крайне ненадежную; поневолѣ приходилось постоянно держать у себя наготовѣ ружье и пули, подобно тому, какъ это происходило еще недавно у насъ, на Кавказѣ. Наконецъ, лѣсовъ и дичи въ лѣсахъ раньше было несравненно больше, чѣмъ нынче, и охота составляла очень видный промыселъ; поэтому ружье составляло необходимое средство пропитанія, какъ и теперь у нашихъ сибиряковъ.

Но чѣмъ больше развивается въ странѣ промышленность, тѣмъ болѣе отходятъ въ область преданій и общенародныя ополче-

нія, и разбойничество, и охота. Правительства не только не заинтересованы въ томъ, чтобы населеніе обладало оружіемъ, но, наоборотъ, предпочитаютъ видѣть его невооруженнымъ, и вотъ они начинаютъ всячески ограничивать въ этомъ отношеніи его права, издаютъ распоряженія о необходимости имѣть спеціальныя разрѣшенія на обладаніе огнестрѣльнымъ оружіемъ, тщательно контролируютъ продажу его въ оружейныхъ лавкахъ и нерѣдко производятъ обыски и отбираютъ все, кажущееся имъ опаснымъ.

Вотъ почему плохо бы пришлось всякой революціи, если бы она разсчитывала только на то оружіе, которое найдутъ у себя. или смогутъ пріобрѣсти повстанцы. Конечно, все, что возможно было выискать у себя, у своихъ знакомыхъ, родныхъ — ружья, пистолеты, револьверы, сабли, пики и т. д.,—все забиралось и пускались въ ходъ, равно какъ пули, порохъ и патроны. Боевые снаряды можно и самому готовить у себя на квартирахъ, и рабочіе въ обширныхъ размѣрахъ пользовались этой возможностью, какъ поется въ пѣсенкѣ:

Сами набьемъ мы патроны,
Къ ружьямъ привинтимъ штыки!

Для пуль необходимъ свинецъ, и рабочіе добывали его гдѣ только возможно, въ лавкахъ, на улицахъ, срывая водосточныя трубы, подоконники. Нерѣдко литьемъ пуль занимались женщины и дѣти. Также сами готовили порохъ изъ угля, сѣры и селитры и заставляли приготовлять его аптекарей.

б) Разгромъ желѣзныхъ и оружейныхъ лавокъ.

Несмотря на всѣ такія ухищренія, собственнымъ оружіемъ многаго не сдѣлаешь. Конечно, если возстаніе организовано, и руководители собрали большія средства, то можно заблаговременно закупить большіе запасы оружія и снарядовъ за границей, но обыкновенно революціи возникали стихійно, неожиданно, безъ подготовки. И вотъ первымъ мѣстомъ, куда всегда инстинктивно устремлялся возставшій народъ, были оружейныя и желѣзныя лавки. Хотя, вообще говоря, по отношенію къ чужому имуществу инсургенты проявляли постоянно изумительную честность, но на оружейныя лавки такая щекотливость не распространялась.

Разскажемъ здѣсь для примѣра, какъ происходило разграбленіе оружейныхъ лавокъ въ февральскую революцію 1848 года въ Парижѣ.

22 февраля, т. е. въ первый день революціи (она длилась три дня), въ часъ дня была сдѣлана первая попытка захватить оружіе въ одной лавкѣ на набережной рѣки Сены. Затѣмъ черезъ полтора часа толпа народа, вооруженная желѣзными прутьями, вырванными изъ рѣшетки морского министерства, явилась къ дому № 5 улицы Сентъ-Оноре. Испуганный хозяинъ послалъ за поли-

цейскимъ комиссаромъ, но, прежде чѣмъ онъ явился, все было уже расхищено. Тутъ же, на этой же улицѣ, разграбили еще мастерскую Прела. Въ $3^1/_2$ часа пополудни покушались разнести магазинъ оружейника Брека на улицѣ Руль, но неудачно. Но въ 7 часовъ вечера толпа, разграбивъ успѣшно лавку мастера Анвре на улицѣ Сэнъ-Мартэнъ, снова вернулась сюда. Хозяинъ побѣжалъ за полиціей, а когда онъ вернулся, магазинъ уже былъ пустъ. У оружейника Девима инсургенты потерпѣли неудачу, такъ какъ онъ успѣлъ припрятать всѣ ружья. Зато большую добычу они нашли у придворнаго оружейнаго мастера Лепаже на улицѣ Ришелье. Хозяинъ, ожидая нашествіе непріятныхъ гостей, заперъ свой магазинъ. Крѣпкія двери и ставни, обитыя желѣзными полосами, представляли, козалось, надежную защиту. Въ три часа дня толпа, вооруженная желѣзными прутьями, саблями и палками, явилась сюда и потребовала открыть магазинъ. Отвѣта не было. Толпа устремилась на дверь, но она не поддавалась. Потерявъ терпѣніе, она остановила первый проѣзжавшій омнибусъ, выпрягла изъ него лошадей, вытащила дышло и принялась такъ усердно таранить дверь и ставни, что желѣзныя полосы, наконецъ, уступили. Магазинъ былъ дочиста разрабленъ.*)

Оружія захвачено было такимъ путемъ довольно много, но пороху досталось мало. Сезонъ былъ тогда не охотничій, и запасы пороху были истощены. А сверхъ того правительство короля Луи Филиппа, въ виду происходившаго броженія, позаботилось заблаговременно отобрать у продавцевъ всѣ остатки пороха.

Оружейныя лавки, какъ источники оружія для инсургентовъ, представляютъ значительныя неудобства. Во-первыхъ, правительство можетъ заблаговременно конфисковать весь имѣющійся въ нихъ товаръ или сдѣлать его негоднымъ, убравъ замки или другія важныя части. Во вторыхъ, оружіе въ нихъ разнокалиберное, разношерстное, и можетъ легко случиться, что подходящихъ патроновъ или другихъ снарядовъ не окажется для нѣкоторой части налицо.

в) Захватъ оружія частныхъ лицъ.

У многихъ частныхъ лицъ, которыя не имѣютъ ни малѣйшаго желанія участвовать въ революціи, находится, однако, оружіе. Повстанцы обходили квартиры и просили оружія. Особенно, практиковался этотъ способъ по отношенію къ національнымъ гвардейцамъ, о которыхъ мы будемъ ниже спеціально говорить. Въ февральскую революцію 1818 года повстанцы обходили всѣ дома, гдѣ жили національные гвардейцы, и требовали у нихъ оружія. Получивъ его, они писали на дверяхъ мѣломъ: „Оружіе взято“, и отправлялись дальше, пока не обошли всѣ квартиры національной

*) Гарнье Пажесъ. Исторія февральской революціи.

гвардіи въ рабочихъ кварталахъ. То же самое они дѣлали у частныхъ лицъ.

г) Случайное оружіе.

Въ борьбѣ съ полиціей, жандармеріей и войсками, рабочимъ нерѣдко оказывали большія услуги различные случайные предметы, оказавшіеся въ ихъ сильныхъ рукахъ опаснымъ оружіемъ. На первомъ планѣ стоятъ. конечно, камни, которые градомъ летѣли въ войска съ улицъ, баррикадъ, крышъ и оконъ. Для этого втаскивали камни въ верхніе этажи, нерѣдко это дѣлали женщины и дѣти. Съ крышъ бросали внизъ также черепицы (въ мартовскую революцію 1841 г. въ Берлинѣ), а изъ оконъ всевозможную рухлядь. мебель, посуду и т. п. Все это метательное оружіе. Еще большее значеніе имѣли не столько для защиты, сколько для сооруженія баррикадъ, различные рабочіе инструменты, ломы, топоры, желѣзныя полосы и т. п. 23 февраля 1848 г. толпа осаждала домъ ненавистнаго министра Гизо. Домъ былъ обнесенъ съ улицы желѣзной рѣшеткой. Въ одно мгновеніе рѣшетки были сломаны, разобраны, и толпа вооружилась желѣзными прутьями, которые оказались въ ея рукахъ одновременно и оружіемъ, и орудіемъ. Пользуясь ими, какъ рычагами, рабочіе поспѣшно взрывали *мостовыя* и вытаскивали камни для сооруженія баррикадъ и для бросанія въ солдатъ.

д) Захватъ казеннаго оружія.

Разъ часть повстанцевъ, такъ или иначе вооружилась, то открывалась уже возможность, путемъ прямыхъ нападеній на полицейскіе и солдатскіе посты, на казармы, арсеналы, цейхгаузы и другіе правительственные склады, захватывать большія количества оружія и снарядовъ и при томъ высшаго качества. Вооруженная толпа окружала постъ, требуя сдачи, отбирала оружіе и отпускала солдатъ на всѣ четыре стороны; такъ происходило сплошь и рядомъ во многихъ революціяхъ. Въ іюньскіе парижскіе дни (24 іюня 1848 г.) рабочимъ сдался цѣлый отрядъ въ 350 человѣкъ; ихъ разоружили и отпустили на свободу.

10 августа 1792 года, народъ, придя въ ярость отъ измѣнническихъ дѣйствій короля Людовика XVI, призвавшаго иноземныя войска противъ Франціи, разграбилъ арсеналъ, подѣлилъ между собой оружіе и послѣ этого взялъ приступомъ королевскій дворецъ Тюльери, захватилъ въ плѣнъ короля и засадилъ его въ тюрьму.

Во время революцій въ мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ въ 1848 году народъ неоднократно нападалъ на цейхгаузы и растаскивалъ оружіе. Такъ было напр., 3-го марта въ Мюнхенѣ (столицѣ Баваріи), въ Нассау и т. п. Въ маѣ 1849 года инсургенты разграбили арсеналы въ Рейнской провинціи и въ Вестфаліи.

Передъ взятіемъ Бастиліи, которое произошло 14-го іюля

1789 года, народъ напалъ на казенное зданіе «Домъ инвалидовъ» и въ подвалахъ его нашелъ и вытащилъ на свѣтъ 30.000 ружей, множество сабель, шпагъ и даже нѣсколько пушекъ.

е) Артиллерія у повстанцевъ.

Не трудно сообразить, какое огромное значеніе для успѣха революціи имѣлъ захватъ артиллеріи. Но, конечно, это удавалось весьма рѣдко, обыкновенно тогда, когда на сторонѣ возставшихъ находилась часть войскъ или національной гвардіи. Приведемъ здѣсь два такихъ случая.

Во время Ліонскаго возстанія 1831 года, рабочіе захватили двѣ пушки. Хорошо вооруженные, имѣя передъ собой свою артиллерію, неся черныя знамена съ надписью «Жить, работая или умереть, сражаясь» они двинулись изъ рабочихъ предмѣстій въ городъ. На встрѣчу имъ выступилъ батальонъ національной гвардіи изъ зажиточной буржуазіи. Произошло сраженіе, и рабочіе одержали побѣду. Часть національной гвардіи изъ болѣе бѣдныхъ слоевъ перешла тогда на сторону рабочихъ, и къ вечеру весь городъ Ліонъ очутился въ ихъ рукахъ.

Такъ же успѣшны были дѣйствія повстанцевъ во время революціи въ Римѣ, 16-го ноября 1848 года. Народъ, страшно недовольный правленіемъ поповъ и іезуитовъ, изъ которыхъ состояло правительство папы, отправился огромной процессіей къ папскому двору. Въ шествіи принимали участіе и національная гвардія, и линейныя войска. Папѣ были предъявлены народныя требованія: созывъ учредительнаго собранія, политическая свобода, участіе въ борьбѣ за объединеніе Италіи и проч. Папа Пій IX отказался наотрѣзъ исполнить эти требованія и прибавилъ, что никакими способами не удастся исторгнуть у него какія бы то ни было уступки. Услышавъ такой отвѣтъ, толпа мгновенно разсыпалась по всему городу съ криками: «Къ оружію!», Скоро она вернулась обратно съ ружьями и нѣсколькими пушками. Когда швейцарская стража дворца дала по народу залпъ, возбужденіе толпы дошло до высшей степени. Народъ открылъ съ своей стороны огонь; однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ былъ убитъ кардиналъ Пальма. Еще короткое время,—и весь папскій дворецъ, со всѣми обитателями, былъ бы разрушенъ до основанія, если бы на-смерть перепуганный папа не поспѣшилъ немедленно согласиться на всѣ требованія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Баррикады.

а) два типа баррикадъ.

Баррикады—вотъ слово, которое неразрывными нитями связано съ понятіемъ революція, слово, заставлявшее еще недавно кровь быстрѣе разливаться по жиламъ и сердце усиленнѣе

биться. Въ прежнемъ представленіи не могло быть революціи безъ баррикадъ. Это вполнѣ естественно. Не можетъ быть ни одной войны безъ окоповъ, безъ траншей, безъ блиндажей, т. е. безъ оборонительныхъ сооруженій, имѣющихъ цѣлью задержать наступательныя дѣйствія враговъ, ихъ аттаки и бомбардировку. И если въ такихъ сооруженіяхъ нуждается сильная, могучая армія, то тѣмъ болѣе они необходимы для неорганизованныхъ, плохо вооруженныхъ, возставшихъ народныхъ массъ.

Баррикада есть спеціально уличное сооруженіе и притомъ продуктъ спѣшной, лихорадочно быстрой работы. Матеріалами для нея служитъ все то, что находится подъ рукой, за чѣмъ не нужно далеко ходить, и что не требуетъ долгой, кропотливой подготовки. Тѣмъ не менѣе тутъ слѣдуетъ различать 2 типа: одинъ—легкій, моментально создаваемый, имѣющій главной цѣлью задержать натискъ конницы. Другой типъ, болѣе солидный, представляетъ прочный блиндажъ и прикрытіе для отстрѣливающихся инсургентовъ.

Задержкой для аттакъ конницы служили проволоки, протянутыя поперекъ улицы, бревна и доски, раскинутыя на мостовой, наконецъ, рвы, выкопанные поперекъ улицы, какъ это было, напр., въ мартовскую революцію въ Берлинѣ (1848 г.). Но это не баррикады. Для послѣднихъ требуется матеріалъ болѣе массивный, сплошной, а, главнымъ образомъ, хорошо связанный.

Когда появились первыя баррикады? Впервые воздвигнуты были онѣ въ Парижѣ. Это было еще въ средніе вѣка. Великая столица міра видѣла ихъ на своихъ улицахъ неоднократно. Въ 1358 году, когда вспыхнуло возстаніе противъ Карла V, бывшаго тогда дофиномъ (наслѣдникомъ), Парижъ покрылся баррикадами; во многихъ мѣстахъ улицы были преграждены цѣпями. Когда въ маѣ 1588 года король Генрихъ III хотѣлъ ввести въ Парижъ 4 тысячи наемныхъ швейцарскихъ солдатъ, парижане возмутились; снова сѣть баррикадъ покрыла столицу, и противодѣйствіе было такъ успѣшно, что швейцарцы вынуждены были удалиться. Въ 1648 году началось новое возстаніе противъ королевскаго абсолютизма. Въ одну ночь (въ августѣ) воздвигнуто было слишкомъ 2 тысячи баррикадъ. Регентша Анна Австрійская вынуждена была тогда уступить народнымъ требованіямъ. Послѣ этого возстанія, получившаго названіе Фронды, Парижъ не видѣлъ болѣе баррикадъ въ теченіи почти 200 лѣтъ—до 1827 года, когда вспыхнуло незначительное возстаніе противъ Карла X, предтеча побѣдоносной іюльской революціи. Великая Французская революція 1789—1799 годовъ не знала баррикадъ. Тогда народъ стремительно наступалъ и очень мало оборонялся. Зато въ іюльскую революцію 1830 года баррикады сыграли огромную роль. Въ одну ночь съ 27 на 28 іюля ихъ было построено болѣе 4 тысячъ. На возстановленіе по-

порченныхъ мостовыхъ было потрачено слишкомъ 250 тысячъ франковъ. Въ 1848 году баррикады обошли почти всѣ европейскія столицы. Въ февралѣ онѣ появились въ Парижѣ (свыше 1500), въ мартѣ въ Вѣнѣ и Берлинѣ, въ іюнѣ снова въ Парижѣ, въ сентябрѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ маѣ 1849 года въ Дрезденѣ. Во время парижской Коммуны особая баррикадная комиссія имѣла своимъ назначеніемъ выработать планъ уличной борьбы съ версальцами. Борьба эта длилась цѣлую недѣлю.

Внѣшній видъ баррикадъ, ихъ строеніе, матеріалъ, обиліе— могутъ служить хорошимъ показателемъ интенсивности революціоннаго жара и степени сознательности народныхъ массъ. Когда нѣтъ въ народѣ истиннаго энтузіазма, или онъ является достояніемъ небольшихъ только слоевъ, то баррикады рѣдки, легковѣсны, эфемерны, и серьезной защитой служить не могутъ.

Напр., на слѣдующій день послѣ государственнаго переворота, произведеннаго въ Парижѣ Людовикомъ Наполеономъ (2 декабря 1851 года), часть рабочихъ возстала для защиты республики, и на улицахъ сооружены были баррикады; но ихъ было мало, состояли онѣ почти исключительно изъ опрокинутыхъ фургоновъ, дилижансовъ и мебели. У рабочихъ, свѣже помнившихъ страшный ударъ, который они получили отъ буржуазнаго «республиканскаго» правительства въ іюнѣ 1841 года, было очень мало рвенія проливать свою кровь для его спасенія.

Точно такъ же въ первый день февральской революціи (22 февр. 1848 г.), когда врядъ ли кто могъ предвидѣть тотъ грозный, бурный характеръ, который приметъ народное недовольство, дѣло ограничивалось слабыми попытками строить баррикады изъ стульевъ и мачтъ, съ помощью которыхъ удалось на аристократической улицѣ «Елисейскія поля» задержать натискъ лошадей муниципальныхъ гвардейцевъ (т. е. жандармеріи) и осыпать ихъ градомъ камней, за неимѣніемъ другого оружія.

Петербургскія баррикады 9 января изъ телеграфныхъ столбовъ, проволокъ и досокъ относятся къ той же категоріи легкихъ баррикадъ.

Солидныя баррикады сооружались изъ менѣе легковѣсныхъ матеріаловъ. Вотъ типичный способъ ихъ устройства: останавливаютъ проѣзжающіе дилижансы, подводы, вагоны конки и т. п. экипажи, удаляютъ публику, подвозятъ къ тому мѣсту, гдѣ предполагается устроить баррикаду, и опрокидываютъ ихъ. Это составитъ остовъ баррикады. Затѣмъ тащатъ всевозможные предметы для ея укрѣпленія. На первомъ планѣ мебель, ящики, бревна, доски—все, что можно легко достать по близости изъ сосѣднихъ домовъ и дворовъ. Далѣе слѣдуютъ камни мостовой. Улицы Парижа въ первой половинѣ XIX вѣка были вымощены большимъ массивнымъ булыжникомъ. При помощи ломовъ, кирокъ, желѣзныхъ по-

лось, случайныхъ орудій, въ родѣ прутьевъ отъ рѣшетки, о которыхъ мы упоминали выше, крѣпкіе и ловкіе рабочіе быстро выворачивали камни мостовой и нагромождали ихъ на баррикаду. Для этого же шла въ дѣло и земля, какъ изъ-подъ камней, такъ и изъ глубокихъ рвовъ, которые вырывались поперекъ нѣкоторыхъ улицъ. Большую пользу оказывали также деревья, которыми во многихъ городахъ обсажены нѣкоторыя улицы. Ихъ массами срубаютъ и валятъ на баррикаду. Въ одну ночь съ 23 на 24 февраля 1848 года въ рабочихъ кварталахъ было истреблено для этой цѣли до 4000 деревьевъ!

Извѣстный французскій писатель Прудонъ въ письмѣ къ пріятелю отъ 25-го февраля 1848 года сообщаетъ ему, между прочимъ, что онъ самъ былъ занятъ наканунѣ «вырываніемъ дерева на Биржевой площади, срываніемъ перилъ на одномъ изъ бульваровъ и вытаскиваніемъ камней для постройки баррикадъ». Это письмо показываетъ, между прочимъ, какъ революціонный потокъ увлекаетъ и захватываетъ даже такихъ людей, какъ Прудонъ, которые не придавали значенія политическихъ движеніямъ, называя ихъ «пустяковинами».

Изъ такихъ-то матеріаловъ сооружались баррикады внушительной прочности и нерѣдко огромной вышины и толщины. Не только солдатскія пули, но даже снаряды тогдашней артиллеріи, къ которой правительство не стѣснялось прибѣгать, не могли причинить этимъ укрѣпленіямъ большого вреда.

б) Описаніе баррикадъ въ Парижѣ въ іюнѣ 1848 г.

1. Баррикада предмѣстья Сенъ-Антуанъ.

Чтобы дать читателю болѣе наглядное представленіе о внѣшнемъ видѣ баррикадъ, приведемъ здѣсь описаніе двухъ баррикадъ, сдѣланное знаменитымъ французскимъ писателемъ Викторомъ Гюго въ романѣ «Отверженные».

«Да разрѣшитъ мнѣ читатель остановить его вниманіе на двухъ баррикадахъ. Одна замыкала въѣздъ въ предмѣстье Сенъ-Антуанъ, другая запирала входъ въ предмѣстье Тампль. Первая была огромныхъ размѣровъ, высотой въ трехъэтажный домъ и длиною въ 700 футовъ и, перерѣзывая устья трехъ расходящихся въ разныя стороны улицъ, совершенно заграждала доступъ въ Сенъ-Антуанское предмѣстье. Снабженная зубцами и бойницами, упираясь въ земляные холмы, служившіе бастіонами, прилегая непосредственно къ обоимъ мысамъ, образуемымъ домами трехъ улицъ, протягивая тамъ и сямъ мощные выступы, воздымалась она, какъ циклопическая постройка, составляя задній фонъ страшной площади Бастиліи, видѣвшей 14-е іюля. Девятнадцать баррикадъ, одна позади другой, высились уступами на главной улицѣ Сенъ-Антуанскаго предмѣстья, за этой основной баррикадой. Четыре дня выдерживала

она натискъ многочисленныхъ враговъ. Она осталась послѣднимъ оплотомъ возстанія, когда оно было вытѣснено уже изъ всѣхъ кварталовъ. Въ послѣдніе часы, когда окончательная катастрофа была неизбѣжна, инсургенты, за недостаткомъ пуль, заряжали свои карабины кусочками фаянса, косточками, пуговицами и т. п. Казалось, всѣ здѣсь сошли съ ума. Не слышно было обычныхъ насмѣшливыхъ, юмористическихъ восклицаній, на которыя такъ падки парижане, но зато воздухъ оглашался криками ярости и вызова. Время отъ времени надъ баррикадой высовывались головы борцовъ съ горящими глазами. Надъ ними выросталъ колючій рядъ карабиновъ, сабель, ломовъ, пикъ, топоровъ и штыковъ. Надъ баррикадой развѣвалось огромное красное знамя. Слова команды, одушевленныя боевыя пѣсни, звуки трубъ, крики женщинъ стояли въ воздухѣ... Хрустъ и трескъ исходили оттуда, какъ изъ электрическаго чудовища, и въ щеляхъ баррикады вспыхивали огоньки разряжаемыхъ ружей. Духъ революціи носился надъ ея вершиной. Какъ скала, высилась она передъ генералами африканской школы, и о нее должна была разбиваться вся ихъ стратегія... Картечь была здѣсь безсильна, ядра могли производить только дыры. Какой же смыслъ было стрѣлять въ этотъ хаосъ. Войска, привыкшія ко всевозможнымъ военнымъ картинамъ, теряли бодрость, глядя на это неприступное укрѣпленіе»...

Три дня (23, 24 и 25 іюня) баррикада эта стойко держалась противъ всѣхъ нападеній, но 26 іюня, послѣ подавленія возстанія во всѣхъ кварталахъ Парижа, три генерала со своими колоннами со всѣхъ сторонъ обложили Сенъ-Антуанское предмѣстье. Подобно тиграмъ, бросились генералы Ламорисьеръ и Перро съ двухъ сторонъ на баррикаду. Она была вся окутана удушливымъ пороховымъ дымомъ и пылью, вздымаемой пушечными ядрами. Инсургенты защищались геройски, но нервы ихъ были ослаблены; сознаніе, что ихъ атакуютъ со всѣхъ сторонъ, что каждую минуту имъ могутъ отрѣзать всякое отступленіе, сознаніе полной безнадежности ихъ борьбы, а главное недостатокъ аммуниціи, побудили ихъ очистить свою твердыню и скрыться на нѣкоторое время за тыловыми баррикадами, которыя они тоже очищали одну за другой.

2. Баррикада предмѣстья Тампль.

«На разстояніи четверти мили отъ первой описанной баррикады, въ концѣ старой улицы Тампль, въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣдняя, къ востоку отъ площади Шато д'О, упирается въ Тампльскій бульваръ, находилось небывалое каменное сооруженіе, высотою достигающее второго этажа домовъ. Это была стѣна изъ камней мостовой, безукоризненно вертикальная, словно возведенная по отвѣсу. По ея высотѣ можно было заключить о ея толщинѣ. На сѣрой поверхности ея, на правильныхъ разстояніяхъ другъ отъ

друга, находились мелкія, почти незамѣтныя бойницы. Улица, насколько можно было охватить глазомъ, была безлюдна, всѣ окна и двери были на запорѣ. Не было ни души, не слышно было ни крика, ни шороха, ни дыханія. Царила гробовая тишина. Но время отъ времени, когда какой-нибудь смѣльчакъ солдатъ, офицеръ или депутатъ рѣшался показаться на пустынной улицѣ, воздухъ со свистомъ прорѣзывала пуля, и тотъ падалъ на землю раненый или убитый... Зря не тратили пороха, почти каждый выстрѣлъ попадалъ въ цѣль. Отрядъ солдатъ, спрятавшійся за аркой висячаго моста, серьезно и хмуро глядѣлъ на страшное укрѣпленіе, на эту неподвижную каменную громаду, изрыгавшую смерть и гибель. Баррикада эта, имѣвшая всего 80 защитниковъ, тоже держалась всѣ три дня противъ 10 тысячъ нападающихъ. Но на 4-й день (26 іюня, около 8 час. утра) атакующимъ удалось пробить себѣ путь къ ней сзади, разрушивъ топорами стѣны прилегающихъ домовъ; перебравшись по крышамъ, солдаты очутились въ тылу у защитниковъ. Дальнѣйшее сопротивленіе было невозможно. Ни одинъ изъ нихъ и не подумалъ о бѣгствѣ. Всѣ полегли здѣсь костьми, за исключеніемъ одного только предводителя Бартелеми, спасшагося бѣгствомъ».

Взятіе этой баррикады генераломъ Ламорисьеромъ отдало въ его руки все предмѣстье Тампль и дало ему возможность устремиться немедленно во флангъ Сенъ-Антуанскому предмѣстью: пробилъ смертный часъ и для первой изъ описанныхъ выше баррикадъ.

Изъ той же книги мы приведемъ еще нѣсколько отрывковъ, художественно изображающихъ баррикаду, какъ въ моментъ ея сооруженія, такъ и во время защиты.

3. Постройка баррикады.

«Въ нѣсколько минутъ 20 желѣзныхъ болтовъ были вырваны изъ фасада трактира, и на протяженіи 10 кв. сажень разрыта мостовая. Гаврошъ и Боэрель по пути захватили изъ двора строительныхъ матеріаловъ, телѣгу съ 3 бочками извести; и телѣга, и бочки были поставлены передъ Коринфомъ (трактиромъ) и покрыты грудою булыжника. Всѣ пустыя бочки вдовы Гюшлу немедленно встали рядомъ съ бочками извести. Фейльи руками, привыкшими разрисовывать нѣжныя пластинки вѣеровъ, подперъ телѣгу и бочки двумя массивными глыбами, добытыми имъ неизсѣстно откуда. Съ фасада сосѣдняго дома были сняты подпоры, ихъ положили на винныя бочки и покрыли булыжникомъ. Когда Боссюэ и Курфейралъ оглянулись, то оказалось, что по улицѣ уже баррикадировано на высоту человѣческаго роста. Ничто такъ быстро не сооружается, какъ то что строится для разрушенія. Дождь прекратился. Прибыли повстанцы. Рабочіе принесли подъ блузами боче-

нокъ пороха, корзину съ бутылками сѣрной кислоты. Единственный фонарь былъ сломанъ...

4. Баррикада въ ожиданіи нападенія.

«Нѣтъ ничего любопытнѣе вида баррикады, которая готовится къ защитѣ. Каждый старается занять мѣсто получше, какъ въ театрѣ тѣснятся, приспособляются. Иные устраиваютъ себѣ кресла изъ камней. Вотъ тамъ мѣшаетъ уголъ стѣны,—подальше отъ него; вотъ этотъ выступъ можетъ служить защитою,—воспользоваться имъ. Лѣвши неоцѣнимы: они занимаютъ мѣста, неудобныя для другихъ. Многіе приспособляются сражаться сидя; они хотятъ съ удобствомъ убивать и съ удобствомъ умереть.

Какъ только предводитель скомандуетъ: «Готовьтесь!» всѣ безпорядочныя движенія прекращаются; нѣтъ больше ни толкотни, ни суматохи; нѣтъ больше отдѣльныхъ группъ; у всѣхъ единая мысль, сосредоточенная на появленіи нападающихъ. Баррикада до опасности—это хаосъ; во время опасности—это дисциплина. Угрожающая гибель водворяетъ порядокъ.

5. Тактика взятія баррикады.

«Такова тактика взятія баррикадъ: продолжительное обстрѣливаніе, чтобы истощить боевыя запасы инсургентовъ, если они, по легкомыслію, отстрѣливаются; когда же замѣтятъ, что запасы эти истощены, что у нихъ нѣтъ больше ни пороха, ни пуль, то идутъ на приступъ. Возстаніе и сила, подавляющая его, борятся неравнымъ оружіемъ. Возстаніе очень быстро истощается; оно можетъ дать лишь опредѣленное число выстрѣловъ и выставить лишь опредѣленное число сражающихся, Опустѣвшая патронница, убитый человѣкъ не могутъ быть замѣнены. Армія же не считаетъ ни людей, ни выстрѣловъ. Въ ея распоряженіи столько полковъ, сколько у баррикады людей. Весьма понятно, что баррикады, въ концѣ-концовъ, всегда берутся, если только внезапно вспыхнувшая общая революція не броситъ своего огненнаго меча на чашу вѣсовъ.

Такъ какъ защищающіе баррикаду должны беречь свои боевые запасы, то нападающіе, зная это, придаютъ своимъ дѣйствіямъ умышленную медлительность. Кромѣ того, они раньше времени подвергаютъ себя дѣйствію огня инсургентовъ, но только для виду, и сильно мѣшкаютъ. Приготовленія къ настоящей аттакѣ всегда дѣлаются съ какою-то методической медлительностью; а потомъ громъ и молнія»...

в) Московскія баррикады въ декабрѣ 1905 г.

6 декабрѣ 1905 года, послѣ разгрома Совѣта Рабочихъ Депутатовъ въ Петербургѣ, по сигналу, данному оттуда, Московскій С. Р. Д. (возникшій 23 ноября) объявилъ всеобщую забастовку, которая должна была перейти въ возстаніе.

Забастовка началась немедленно, и въ первой же день бастовало 100,000 человѣкъ. Митинги и демонстрація слѣдовали одни за другими. Вслѣдствіе столкновеній съ драгунами, температура все повышалась. Вечеромъ 9 декабря драгуны атаковали митингъ на Страстномъ бульварѣ. Часть толпы скрылась въ павильонѣ трамваевъ; драгуны дали по нимъ залпъ, которымъ одного убили и нѣсколькихъ ранили. Возбужденная толпа очистила павильонъ и подожгла его. Въ это самое время у старыхъ Тріумфальныхъ воротъ, подъ руководствомъ «дружинниковъ» (т. е. членовъ «боевой дружины» *была построена первая баррикада.* За ней послѣдовалъ рядъ другихъ.

Сначала «баррикады строили, какъ попало, безъ всякой системы». [1]) Драгуны ихъ атаковали и разрушали, мчались по улицамъ и безпорядочно стрѣляли во всѣ стороны. Въ это же время артиллерія громила домъ Фидлера, гдѣ собрались на митингъ человѣкъ 500. Послѣ нѣкоторыхъ орудійныхъ выстрѣловъ, осажденные сдались, но дружинникамъ удалось уйти.

На слѣдующій день толпы волнующагося народа на улицахъ значительно усилились. Попадавшихся военныхъ и полицейскихъ разоружили. Баррикады продолжали выростать и строились уже несравненно лучше. Ихъ атаковывали, разрушали, но какъ только солдаты удалялись, ихъ возобновляли. Въ постройкѣ принимала участіе масса совершенно мирныхъ обывателей. Вопреки распоряженію полиціи держать ворота на запорѣ, ворота снимались съ петель и шли на постройку баррикадъ. Начался обстрѣлъ баррикадъ изъ орудій и пулеметовъ. Къ вечеру толпа разобрала оружейные магазины.

Начиная съ 11 декабря, въ теченіе 5 дней, событія развивались почти безъ особенныхъ перемѣнъ. Городъ весь покрытъ баррикадами. Онѣ переходятъ изъ рукъ въ руки. По утрамъ выстрѣловъ не слышно, не видно и войска. Но съ 10—11 часовъ утра уже грохочутъ пушки и разстрѣливаютъ баррикады и дома, изъ которыхъ были выстрѣлы. Загорѣлась и сгорѣла огромная сытинская типографія.

Но къ 15 декабря въ соотношеніи силъ противниковъ произошла глубокая перемѣна. «Дружинники изнемогали, и ряды ихъ все болѣе рѣдѣли. Войска же увеличивались въ числѣ; какъ за счетъ прибывшихъ подкрѣпленій изъ другихъ городовъ, такъ и благодаря тому, что все большія и большія части московскаго гарнизона принимали участіе въ активныхъ операціяхъ. Обыватель уставалъ, настроеніе рабочихъ массъ шла на убыль, вѣра въ побѣду изсякла».

---

[1]) Сборникъ «Москва въ декабрѣ 1905 г.». При изложеніи фактической стороны, мы руководствовались этимъ сборникомъ.

Пріѣхали Семеновцы. Дѣло усмиренія пошло быстрымъ темпомъ. Позже всего возстаніе держалось въ Прѣснѣ, которая будучи защищена баррикадами и отрѣзана отъ остального города, жила собственной «свободной» жизнью. Но 17 декабря, наканунѣ того дня, когда по рѣшенію Прѣсненскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ должна была прекратиться дальнѣйшая борьба, она была атакована и взята Семеновцами.

«Пушки»—разсказываетъ одинъ очевидецъ—стали палить съ 7—7½ часовъ утра и до 12 часовъ, а затѣмъ опять съ часу до 4-хъ часовъ дня. Такимъ образомъ бомбардировка была настоящая. Жители были въ паникѣ. Помню картину на Б. Прѣснѣ днемъ: съ двухъ сторонъ—со стороны Зоологическаго сада и заставы—клубы чернаго дыма; дома объяты пламенемъ, баррикады горятъ; трескъ страшный. Женщины и дѣти въ ужасѣ выскакиваютъ изъ домовъ, безсознательно ища спасенія на улицѣ. Пушки палятъ, стекла разбиваются со звономъ, пули свистятъ... прямо какой-то адъ. Кажется, можно сойти съ ума»...

Началась свирѣпая расправа Миновъ и Римановъ надъ рабочими и обывателями. Дружинникамъ удалось уйти съ Прѣсни до ея взятія. Вообще по сравненію съ мирными жителями дружинниковъ въ Москвѣ погибло не много.

Изъ 274 убитыхъ, зарегистрированныхъ Медицинскимъ Бюро' на долю дружинниковъ, говорятъ, пришлось не болѣе 13. По свѣдѣніямъ Московскихъ кладбищъ, на нихъ было похоронено убитыхъ и умершихъ отъ ранъ 454, въ томъ числѣ 86 дѣтей. Со стороны охранителей порядка пострадало 35 (убитыми и ранеными).

г) Какъ удавалось возводить многочисленныя баррикады?

Общее число баррикадъ во время революціи часто достигало внушительной величины. Въ іюньскіе дни ихъ было воздвигнуто 414, въ февральскую революцію въ одну ночь съ 23 на 24 февраля было ихъ построено свыше полуторы тысячи, а въ ночь съ 27 на 28 іюля 1830 года свыше 4 тысячъ.

При видѣ такихъ цифръ, читая описаніе грандіозныхъ баррикадъ длиною въ 100 саженъ вышиною въ 3 этажа, читатель невольно будетъ охваченъ чувствомъ изумленія и недоумѣнія. Конечно, энтузіазмъ десятковъ тысячъ мускулистыхъ рукъ можетъ создать и не такія чудеса, но какимъ образомъ удавалось произвести всѣ эти колоссальныя работы безпрепятственно? Чего смотрѣло правительство? Гдѣ была полиція и жандармерія? Почему они не подавляли попытокъ сооруженія баррикадъ въ зародышѣ, не пресѣкали зла въ корнѣ? Русскому человѣку, воспитан-

ному въ нашей полицейско-жандармско-казацкой обстановкѣ, это должно показаться непостижимымъ. $1^1/_2$ тысячи баррикадъ въ одну ночь 23 февраля 1848 года, и это въ то время, какъ наканунѣ появилось расклеенное на парижскихъ улицахъ офиціальное объявленіе:

«Ст. 12. Согласно статьѣ 471 уголовнаго кодекса воспрещается засаривать проѣзжія дороги оставленіемъ на нихъ разныхъ матеріаловъ и другихъ какихъ бы то ни было вещей, затрудняющихъ свободный проѣздъ».

Итакъ, король предвидѣлъ возможность появленія баррикадъ, и въ то же время $1^1/_2$ тысячи ихъ появилось въ одну ночь!

Мы укажемъ здѣсь на нѣсколько обстоятельствъ, которыя разъяснятъ намъ отчасти этотъ загадочный фактъ.

Прежде всего мы должны отмѣтить, что прежніе города не были похожи на нынѣшніе. Парижъ, напр., въ эпоху 30—50 годовъ представлялъ изъ себя, въ особенности въ восточныхъ кварталахъ, гдѣ, главнымъ образомъ, гнѣздилось возстаніе, лабиринтъ узкихъ и кривыхъ переулковъ, пересѣкающихся, переплетающихся, окаймленныхъ высокими домами. Это Наполеонъ III, преслѣдовавшій, главнымъ образомъ, цѣль сдѣлать невозможнымъ въ будущемъ баррикадныя возстанія, перестроилъ въ шестидесятыхъ годахъ значительную часть стараго Парижа.

Вымощены они были широкими и тяжелыми камнями, представлявшими, какъ мы уже говорили, превосходный матеріалъ для баррикадъ.

Помимо того, что при достаточной энергіи можно возводить баррикады съ чрезвычайной быстротой, инсургенты прибѣгали къ цѣлому ряду средствъ для того, чтобы ускорить и облегчить свою работу. Огромное значеніе имѣлъ набатъ. Громкіе, тревожные удары колокола извлекали на улицы изъ домовъ, фабрикъ, мастерскихъ многотысячныя толпы народа и доводили возбужденіе до высокой степени. Въ меньшихъ городахъ на звуки набата стекались изъ окрестныхъ деревень крестьяне и нерѣдко примыкали къ инсургентамъ. Затѣмъ, съ наступленіемъ вечера, первымъ дѣломъ старались тушить уличные фонари, перерѣзывали газовыя трубы, благодаря чему городъ погружался въ темноту. Подъ ея покровомъ легче шла работа по разносу оружейныхъ лавокъ и сооруженію баррикадъ.

Затѣмъ, не надо забывать, что полицейско-наблюдательная часть въ тѣ эпохи была организована несравненно хуже, чѣмъ нынѣ. Не было нынѣшней централизаціи, спеціализаціи, телефоновъ, телеграфовъ, электрическихъ трамваевъ, сѣти тайныхъ агентовъ и т. п. Весьма часто не хватало у правительствъ еще одного важнаго элемента—рѣшительности и пониманія истиннаго

положенія дѣлъ. Они либо не доцѣнивали серьезность момента, либо переоцѣнивали силы революціонеровъ. Въ первомъ случаѣ событія заставали ихъ врасплохъ, во второмъ—теряя подъ собою почву, довѣріе къ войску, не зная, на кого можно съ увѣренностью опереться, они спѣшили уступить народнымъ требованіямъ, или, если рѣчь шла о самой коронѣ, обращались въ бѣгство. Слабость, тупая беззаботность, слѣпая самоувѣренность или нерѣшительность правительствъ были на руку революціи.

Были однако случаи, когда отсутстіе помѣхъ для возведенія цѣлой сѣти мощныхъ баррикадъ объяснялось совсѣмъ другими причинами. Иногда безсовѣстныя правительства, заранѣе предвидя неизбѣжность борьбы съ революціонными элементами и увѣренныя въ своихъ силахъ, нарочно давали возстанію возможность разрастись для того, чтобы побѣду надъ нимъ сдѣлать болѣе кровавой и грандіозной, для того, чтобы задать внутреннему врагу такой урокъ, который бы надолго остался ему памятенъ и отвадилъ отъ новыхъ попытокъ. Они не останавливались передъ прямой провокаціей, совершая дѣйствія, которыя явно имѣли цѣлью переполнить чашу терпѣнія рабочихъ и вызвать ихъ на возстаніе. Приведемъ здѣсь два такихъ случая.

22 іюня 1848 года буржуазное республиканское правительство закрыло національныя мастерскія, гдѣ находило работу болѣе 100.000 рабочихъ, и, такимъ образомъ, сознательно умышленно толкнуло парижскій пролетаріатъ на возстаніе. Оно дѣйствительно немедленно же вспыхнуло. Но военный министръ, и затѣмъ диктаторъ, Кавеньякъ не торопился съ репрессіями, далъ ему разрастись и только на 3-й и 4-й день подавилъ его съ невѣроятной жестокостью и свирѣпостью.

Такую же тактику примѣнилъ Луи Наполеонъ послѣ государственнаго переворота, совершеннаго имъ 2 декабря 1851 года. Ему хотѣлось нанести своимъ врагамъ—республиканцамъ такой ударъ, который отдался бы эхомъ по всей странѣ и сразу парализовалъ бы возможность возстанія въ провинціи. Его свѣже-испеченный министръ Морни снабдилъ главныхъ начальниковъ парижскихъ войскъ такой инструкціей: «Дайте инсургентамъ время собраться съ силами и соорудить серьезныя баррикады, и тогда однимъ ударомъ сокрушите врага. Остерегайтесь утомить войска мелкими, несерьезными схватками для того, чтобы въ рѣшительный моментъ вполнѣ ими располагать».

Морни имѣлъ тутъ въ виду двѣ предыдущія французскія революціи (1830 и 1848), когда войска были деморализованы вслѣдствіе изнуренія отъ долгой сторожевой службы и ряда безплодныхъ маршевъ и контръ-маршевъ. Совѣтъ этого рыцаря государ-

ственнаго переворота не пропалъ даромъ. Въ теченіе всей ночи съ 3-го на 4-е декабря и всей первой половины послѣдняго дня инсургентамъ не препятствовали возводить баррикады. 30 тысячъ стоявшихъ наготовѣ испытанныхъ, хорошо дисциплинированныхъ, напрактиковавшихся въ уличной борьбѣ солдатъ, упоенныхъ щедрыми подачками, деньгами, мясомъ, виномъ и водкой, легко расправились съ плохо вооруженными и немногочисленными баррикадными борцами. Провинція послѣ этого почти не пикнула. Наполеонъ сталъ императоромъ...

д) Была ли планомѣрность въ сооруженіи баррикадъ?

Баррикады строились всегда стихійно, однако опытъ и традиція вносили сюда извѣстную закономѣрность. Опредѣленной, ясной системы и плана при ихъ сооруженіи не было, такъ какъ во время революціи, какъ мы увидимъ ниже, большею частью отсутствовало общее руководство возстаніемъ. Баррикады воздвигались при устьяхъ улицъ, на мѣстѣ схожденія двухъ или болѣе улицъ и переулковъ. Однѣ выростали въ тылу другихъ, такъ что, по взятіи врагомъ передовыхъ укрѣпленій, защитники спасались къ заднимъ. Имѣя защищенный баррикадами районъ, инсургенты старались о безпрерывномъ расширеніи арены дѣйствій: они переходили въ наступленіе и завоеванную территорію спѣшили забаррикадировать. Въ случаѣ, если войскамъ удавалось захватить баррикады, инсургенты напрягали всѣ силы, чтобы съ наступленіемъ темноты вернуть потерянныя позиціи и снова ихъ укрѣпить. Это имъ часто удавалось.

Въ Парижѣ баррикады обыкновенно концентрически тѣснились вокругъ ратуши, т. е. городской думы, которая въ исторіи французскихъ революцій играла огромную роль. Захвативъ ратушу, народъ имѣлъ возможность облечь свои побѣды въ правовыя формы, выбирая временное правительство, назначая своихъ людей на различныя должности, издавая декреты и т. д.

Между баррикадами поддерживалась обыкновенно живая связь при посредствѣ, главнымъ образомъ, женъ, сестеръ и дочерей рабочихъ, которыя разносили проголодавшимся борцамъ пищу, также оружіе и боевые припасы. При этомъ для того, чтобы на большихъ разстояніяхъ избѣжать ареста со стороны войскъ, рабочіе придумывали рядъ остроумныхъ способовъ, имѣвшихъ цѣлью обмануть ихъ бдительность. Устраивали мнимыя похороны и въ гробахъ подвозили къ сражающимся оружіе. Въ посудѣ съ молокомъ, въ хлѣбахъ прятали патроны. Женщины притворялись для той же цѣли беременными.

Бойцы занимали позиціи не только за баррикадами. Они за-

бирались и въ сосѣдніе дома и стрѣляли изъ оконъ, сбрасывали различные предметы съ крышъ, съ балконовъ, такъ что атакующіе отряды часто обращались въ дикое бѣгство, не выдержавъ перекрестнаго огня. Нѣкоторые изъ ближайшихъ домовъ превращались въ импровизированные перевязочные пункты, гдѣ женщины ухаживали за ранеными, другіе дома обращались въ покойницкія, въ караулки.

Понятно, что предательскіе дома откуда осыпали фланговымъ огнемъ атакующихъ солдатъ, привлекали на себя ихъ усиленное вниманіе. Они употребляли всѣ усилія, чтобы овладѣть ими, выгнать оттуда инсургентовъ и черезъ проломы въ стѣнахъ, по крышамъ пробраться въ тылъ баррикаднымъза щитникамъ. Для этого пускались нерѣдко въ ходъ артиллерія, которая производила въ домахъ страшныя опустошенія, даже пожары. Результаты, вообще говоря, обыкновенно мало соотвѣтствовали такимъ варварскимъ методамъ борьбы, но все-таки попытки пробраться въ тылъ, составляли самую страшную опасность для борцовъ и противъ нихъ направлялись все вниманіе и бдительность.

Наученныя опытомъ европейскія правительства принимали разнаго рода профилактическія мѣры, чтобы защитить себя отъ баррикаднаго возстанія. Мы уже говорили, что Наполеонъ III для этой именно цѣли перестраивалъ въ Парижѣ старинные кварталы, воздвигая широкіе бульвары на мѣстѣ густой сѣти узкихъ переулковъ.

Король Луи-Филиппъ, возведенный на тронъ іюльской революціей, въ которой баррикады играли большую роль, вполнѣ основательно опасался, какъ бы новыя баррикады не свергнули его съ шаткаго престола, и заблаговременно выработалъ подробную и детальную инструкцію на случай возстанія въ Парижѣ. Надъ ней работала цѣлая комиссія изъ генераловъ. Съ чрезвычайной точностью были распредѣлены мѣстонахожденія различныхъ войсковыхъ частей, пункты, которые должны быть прежде всего заняты солдатами, казармы и кордегардіи, которыя они должны будуть защищать, способы сообщенія между отдѣльными колоннами, способъ ихъ сосредоточенія и стратегическіе пункты, гдѣ надлежало располагаться второстепеннымъ командамъ. Городъ былъ весь усѣянъ казармами, зубчатыми стѣнами и внутренними фортами.

Эта предусмотрительность не спасла Луи-Филиппа, равно какъ не помогла и Наполеону III перестройка Парижа. Обоихъ смели съ трона революціи.

е) *Примѣнимы ли теперь баррикады?*

На этотъ вопросъ далъ извѣстный отвѣтъ въ 1895 году Фридрихъ Энгельсъ въ предисловіи къ книгѣ Карла Маркса «Классовая борьба во Франціи въ 1848—1850 г.г.». И отвѣтъ вполнѣ *отрицательный.*

Условія борьбы, говоритъ онъ, совершенно измѣнились въ этой области. Возстаніе стараго типа (уличная борьба и баррикады) съ 1848 года значительно устарѣло. «Не будемъ питаться иллюзіями: дѣйствительная побѣда возстанія надъ войскомъ въ уличной борьбѣ, побѣда въ борьбѣ какъ бы между двумя арміями—величайшая рѣдкость». Въ возстаніяхъ обыкновенно дѣло не въ такой побѣдѣ; дѣло, обыкновенно, въ томъ, чтобы утомить войска нравственнымъ вліяніемъ, котораго при борьбѣ въ открытомъ полѣ не существуетъ. Если это удается, возстаніе побѣждаетъ; если нѣтъ, оно погибло. Такъ бывало въ большинствѣ случаевъ, такъ какъ войско, даже если оно будетъ въ меньшинствѣ, лучше вооружено, находится подъ лучшимъ и единымъ руководствомъ, его силы лучше бываютъ использованы. Оно также выше по своей дисциплинѣ. Инсургенты въ самомъ лучшемъ случаѣ могутъ хорошо построить баррикады и хорошо защитить ихъ. Организація боевыхъ силъ обыкновенно не удается возставшимъ; имъ недостаетъ единаго плана, о концентрированіи боевыхъ силъ въ одномъ пунктѣ для рѣшительной битвы не можетъ быть и рѣчи. Поэтому обычна только пассивная защита; нападеніе возможно только въ рѣдкихъ случаяхъ, обыкновенно повстанцы занимаютъ только мѣста, оставленныя войсками. Кромѣ того, у войска есть артиллерія и обученные корпуса; неудивительно, что борьба на баррикадахъ даже тогда, когда она ведется съ геройскимъ мужествомъ, заканчивается пораженіемъ возставшихъ, ибо начальникъ войска, не смущаемый политическими соображеніями, можетъ дѣйствовать исключительно на основаніи правилъ военной тактики.

По словамъ Энгельса, частая удача возстаній до 1848 г. объясняется особыми причинами. Въ Парижѣ, въ іюлѣ 1830 г. и въ февралѣ 1848 г., такъ же, какъ и въ большинствѣ возстаній въ Испаніи, между инсургентами и войсками стояла національная гвардія; она или прямо становилась на сторону инсургентовъ, выдавая имъ оружіе, или своимъ поведеніемъ заставляла войско колебаться. Когда эта національная гвардія была противъ возстанія, инсургентовъ постигала неудача (что и случилось въ іюнѣ 1848 года въ Парижѣ). Въ другихъ случаяхъ начальники войскъ не обладали достаточной энергіей и т. д. Даже въ классическую эпоху уличной борьбы баррикады дѣйствовали болѣе морально,

чѣмъ матеріально: онѣ были только средствомъ, чтобы поколебать вѣрность войска; разъ этого не достигали,—возстаніе терпѣло пораженіе.

Уже въ 1849 году инсуррекція не имѣла никакихъ надеждъ на успѣхъ. Буржуазія вездѣ становилась на сторону правительства и войска; баррикады утратили свое очарованіе; солдатъ видитъ за ними не народъ, а отбросы общества; офицеръ научился бороться противъ уличныхъ нападеній. А съ того времени отношенія еще больше измѣнились—и все въ пользу войска.

Если выросли города, то увеличились и арміи. Гарнизоны при посредствѣ желѣзныхъ дорогъ могутъ въ теченіе 24 часовъ превратиться въ громадную армію. У войска скорострѣльныя орудія, и, наоборотъ, для возставшихъ всѣ условія ухудшились, пролетаріату не удается сгруппировать вокругъ себя всѣ средніе слои. «народъ», стало быть, остается разрозненнымъ. И если бы среди инсургентовъ было относительно много опытныхъ солдатъ,—у нихъ нѣтъ оружія; предположимъ, что они захватятъ оружіе въ оружейныхъ лавкахъ, (а полиція можетъ заранѣе сдѣлать это оружіе непригоднымъ, снявъ съ него казенники),—все это оружіе принесетъ мало пользы, такъ какъ оно разнаго калибра. Да, наконецъ, современныя прямыя и широкія улицы какъ будто нарочно приспособлены для обстрѣливанія. «Революціонеръ долженъ быть сумасшедшимъ, рекомендуя для баррикадной борьбы новые рабочіе округа на сѣверѣ и востокѣ Берлина»....

Всѣ эти соображенія Энгельса тѣмъ болѣе основательны, что въ 1895 году онъ не зналъ еще о будущихъ пріобрѣтеніяхъ военнаго дѣла: о бронированныхъ автомобиляхъ, о пулеметахъ, объ аэропланахъ, безпроволочномъ телеграфѣ и т. д. Его вывода заключались въ томъ, что эпоха вооруженныхъ возстаній прошла, что побѣда пролетаріата будетъ достигнута другимъ путемъ, посредствомъ пропаганды, завоеванія избирательныхъ голосовъ и подготовленія парламентскаго большинства. Есть еще одинъ пролетарскій методъ борьбы — всеобщая политическая забастовка, о которомъ Энгельсъ не упоминалъ въ этомъ предисловіи.

И тѣмъ не менѣе мы у себя въ Россіи переживаемъ вторую настоящую революцію, которая сразу повела къ захвату власти черезъ народное возстаніе, тогда какъ въ первой—хотя главный ударъ былъ нанесенъ всеобщей забастовкой—тоже играли роль вооруженныя возстанія и даже баррикады. Опровергаютъ ли эти соображенія Энгельса?

Баррикады примѣнялись въ 1905 году случайно, спорадически легковѣсно—въ январскіе дни въ Петербургѣ, въ Лодзи, на Югѣ, и планомѣрно—организованно во время Московскаго возстанія. Годъ ими начался въ одной столицѣ и ими же закончился во

второй. И что же? Нигдѣ примѣненіе ихъ не привело къ побѣдѣ. Въ особенности показательна въ этомъ отношеніи Москва. Для баррикадной борьбы этотъ городъ приспособленъ несравненно лучше, чѣмъ другія столицы, благодаря круговымъ поясообразнымъ улицамъ. Главная масса баррикадъ сосредоточивалась на кольцевидныхъ садовыхъ улицахъ. Число баррикадъ было огромно, населеніе явно сочувствовало бойцамъ. И тѣмъ не менѣе серьезность и сосредоточенность можно усмотрѣть только въ Дубасовскомъ артиллерійскомъ *усмиреніи*, а не въ *защитѣ* баррикадъ. Баррикады служили больше опорными пунктами и мѣстомъ сбора дружинниковъ, скорѣе символомъ сопротивленія, чѣмъ серьезной обороной. Дружинники быстро покидали ихъ при наступленіи солдатъ, чтобы ночью возстановить разрушенное. Каутскій въ первый моментъ, сгоряча, усмотрѣлъ здѣсь какую-то «новую тактику», но она оказалось, во всякомъ случаѣ, *не* побѣдоносной. Почему? Потому что Московское возстаніе не было поддержано такимъ же возстаніемъ въ Петроградѣ и другихъ городахъ, потому что буржуазія *уже* отпала отъ движенія и Гучковы уже апплодаровали Дубасовымъ, потому что Семеновцы были *доставлены* желѣзной дорогой въ Москву, а главное—потому что *Московскій гарнизонъ не перешелъ, какъ оптимистически полагали повстанцы, на сторону возстанія.* Баррикады могутъ сыграть свою роль и въ настоящее, какъ первые опорные пункты при возстаніи, но лишь въ томъ случаѣ, если общая ситуація ведетъ къ переходу солдатъ къ народу. Объ этомъ будетъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Роль войскъ.

Во всѣхъ революціяхъ возстанія народа имѣли очень мало шансовъ на успѣхъ, если правительственныя войска сражались съ готовностью, слѣпо подчиняясь военной дисциплинѣ. Но дѣло принимало другой оборотъ, разъ солдаты проявляли колебаніе. Не было даже необходимости, чтобы отряды прямо переходили на сторону народа—бывало достаточнымъ, чтобы они проявляли вялость и нерѣшительность. Это дѣйствовало—въ противоположномъ направленіи—одновременно на обѣ борющіяся стороны къ сугубому выигрышу революціи: Энергія и бодрость инсургентовъ сразу выростали, а правительство охватывалось паникой. Такъ

какъ солдаты берутся изъ народа и они связаны съ нимъ тысячью нитей, такъ какъ отдѣльныхъ личностей изъ ихъ среды еще до поступленія на службу, не могла не коснуться революціонная агитація, да и въ казармахъ многіе не остаются чужды вѣяніямъ времени, то случаевъ перехода на сторону революціи отдѣльныхъ солдатъ, офицеровъ и даже цѣлыхъ полковъ можно насчитать не мало. Громадное значеніе имѣло тактичное, разумное поведеніе по отношенію къ войску со стороны инсургентовъ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ исторіи различныхъ революцій.

а) Переходъ гренадеровъ къ народу въ 1789 году.

Въ 1789 году въ іюлѣ, незадолго до взятія Бастиліи, парижскій народъ двинулся къ тюрьмѣ Аббатства, ворвался туда, освободилъ гренадеровъ французской гвардіи, арестованныхъ королемъ за то, что они незадолго передъ тѣмъ отказались стрѣлять въ народъ, и съ тріумфомъ вывелъ ихъ изъ заключенія. За этотъ «бунтъ» не послѣдовало никакой кары: въ Учредительное Собраніе явилась депутація отъ народа съ просьбой принять освобожденныхъ гренадеровъ подъ свое покровительство, и Собраніе испросило у короля для нихъ помилованіе. Гренадеры для проформы вернулись обратно въ тюрьму и получили прощеніе. Этотъ полкъ, одинъ изъ самыхъ храбрыхъ и развитыхъ, сталъ съ того времени относиться съ большимъ сочувствіемъ къ народному дѣлу. Проявилось это уже черезъ нѣсколько дней. 12 іюля король Людовикъ XVI, крайне тяготясь возростающимъ вліяніемъ Учредительнаго Собранія, уволилъ либеральнаго министра Неккера и немедленно выслалъ его изъ Франціи. Парижане возмутились и огромными массами стали высыпать на улицы. Произошла кровавая стычка войскъ съ народомъ; спасеніе пришло со стороны гренадеровъ. Ихъ, по королевскому приказу, держали въ тотъ день взаперти въ казармахъ, какъ не внушавшихъ къ себѣ довѣрія. Мало того, правительство отрядило 60 драгунъ къ складу оружія этого полка для охраны его отъ расхищенія. Гренадеры, и безъ того недовольные своимъ плѣномъ, пришли въ раздраженіе. Они схватились за оружіе, однако офицерамъ удалось угрозами и просьбами удержать ихъ въ повиновеніи. Но когда нѣкоторые изъ ихъ товарищей вернулись въ казармы и разсказали о нападеніи на народъ и о смерти одного гренадера, солдаты не стали больше ничего слушать, выскочили съ оружіемъ въ рукахъ, разбили рѣшетки и выстроились въ боевомъ порядкѣ у воротъ казармы противъ драгунъ.

— Кто идетъ?—окликнули ихъ драгуны.

— Вы за третье сословіе?—спросили ихъ въ свою очередь гренадеры.

— Мы за тѣхъ, кто нами командуетъ...

Гренадеры сдѣлали по нимъ залпъ, двоихъ убили, троихъ ранили, остальные бросились бѣжать. Тогда они двинулись къ королевскому дворцу, стали между Тюльери и Елисейскими полями, между народомъ и войсками, и занимали этотъ постъ въ теченіе всей ночи. Противъ мятежныхъ солдатъ правительство двинуло войска, стоявшія на Марсовомъ полѣ. Гренадеры встрѣтили ихъ ружейнымъ огнемъ. Прибывшимъ войскамъ приказано было аттаковать гренадеровъ, но они отказались. Первый примѣръ неповиновенія подалъ одинъ изъ швейцарскихъ полковъ, остальные послѣдовали его примѣру. Такимъ образомъ, измѣна гренадеровъ разрушила планы двора. Возстаніе стало разростаться все больше и больше, и 14 іюля грозная, вооруженная толпа устремилась на Бастилію и взяла ее приступомъ, при чемъ и здѣсь рѣшительную роль сыграли гренадеры французской гвардіи, во время подоспѣвшіе на помощь со своими пушками.

б) Переходъ двухъ полковъ къ народу въ 1830 г.

На третій день іюльской революціи, 29 іюля, два линейныхъ полка, 5-ый и 58-ой, стоявшихъ на Вандомской площади, отказались повиноваться своему начальнику маршалу Мармону и рѣшили перейти подъ начальство оппозиціоннаго генерала Жерара. Они выставили только 2 условія: 1) чтобы ихъ не обезоруживали, и 2) чтобы ихъ не заставляли стрѣлять въ войска. Условія были, разумѣется, приняты. Извѣстія объ этомъ отпаденіи двухъ полковъ произвело громадное впечатлѣніе не только на инсургентовъ, но даже на трусливую оппозицію, которая до того момента все пряталась, а теперь, отбросивъ свой страхъ, рѣшила проявить активность *). Испуганный король поспѣшно бѣжалъ со всей семьей изъ дворца въ Рамбулье, но сынъ его, наслѣдникъ престола, не хотѣлъ еще сдаваться и рѣшилъ защищать свой тронъ съ помощью оставшихся у него войскъ. 31 іюля онъ двинулся съ своими полками изъ Сэнъ-Клу на Парижъ. Онъ дошелъ до Севрскаго моста и скомандовалъ войску атаковать толпу инсургентовъ, стоявшую на противоположномъ берегу Сены. Войска отказались повиноваться... Внѣ себя отъ отчаянья, наслѣдникъ принужденъ былъ вернуться во дворецъ и бѣжать вслѣдъ за отцомъ.

---

*) Знаменитый кардиналъ Талейранъ, хитрый дипломатъ, всегда державшій носъ по вѣтру, узнавъ объ отпаденіи этихъ двухъ полковъ, вынулъ часы изъ кармана и произнесъ: «Отмѣтьте, что 29 іюля 1830 года, въ 12 часовъ 5 минутъ пополудни, старшая линія Бурбоновъ перестала царствовать во Франціи».

в) *Поведеніе солдатъ въ 1848 г.*

Наканунѣ февральской революціи главнокомандующій войскамн, генералъ Себастьянъ, созвалъ къ себѣ высшихъ офицеровъ и сказалъ имъ: «Я не справляюсь у васъ о состояніи духа арміи: армія, подобно женѣ Цезаря, стоитъ выше подозрѣнія». Но всѣ полковники молчали, и это молчаніе, эта видимая холодность ясно указывали, что если армія и была вѣрна дисциплинѣ, то она далеко не пылала воодушевленіемъ и особеннаго усердія въ борьбѣ съ народомъ она выказывать не намѣрена.

22 февраля демонстрирующая толпа собралась передъ палатой депутатовъ. Скоро явились драгуны изъ сосѣднихъ казармъ, чтобы очистить площадь. Безъ сомнѣнія, произошла бы бойня, но командующій офицеръ, видя безоружную толпу, вложилъ свою шпагу обратно въ ножны. Обрадованные демонстранты разразились громкими криками «ура» по адресу драгунъ и, очистивъ площадь передъ палатой, въ которой не было ни единаго депутата, двинулись дальше. На слѣдующій день, когда возстаніе разгоралось все сильнѣе, солдаты во многихъ мѣстахъ вели себя еще болѣе пассивно. Большая часть ихъ провела ночь подъ дождемъ, безъ пищи, при сильномъ насквозь пронизывающемъ вѣтрѣ, и не проявляла никакого особеннаго энтузіазма проливать кровь за правительство, которое такъ мало о нихъ заботилось и которое вообще было очень мало популярно въ войскѣ. Къ тому же радикальныя газеты, вышедшія въ этотъ день, 23 февраля, избегали всякихъ нападокъ на армію и высказывались только противъ жестокостей, совершаемыхъ муниципальной гвардіей [1]). Лишь только инсургенты замѣтили, какое настроеніе господствуетъ въ войскѣ, они чисто инстинктивно стали примѣнять такую тактику, которая была чрезвычайно цѣлесообразна въ данный моментъ. Осыпая постоянно насмѣшками ненавистную муниципальную гвардію, они зато при всякой встрѣчѣ съ регулярными войсками привѣтствовали ихъ криками: «Да здравствуютъ линейныя войска!» Солдаты не могли оставаться равнодушными при такихъ проявленіяхъ симпатіи и, въ результатѣ, не очень торопились примѣнять оружіе, противъ народа, встрѣчавшаго ихъ такъ дружелюбно, и предоставляли вести бой, главнымъ образомъ, муниципальной гвардій.

Въ тотъ же самый день на одной изъ улицъ (Bourg l'Abbé),

---

[1]) Муниципальная гвардія была предметомъ старинной ненависти парижанъ. Такъ называлась при Луи Филиппѣ жандармерія, отличавшаяся всегда звѣрской жестокостью и наглостью. Не надо ее смѣшивать съ національной гвардіей.

на которой не переставали сражаться со вчерашняго дня, произошла такая сценка. Прибѣжало нѣсколько молодыхъ людей и, маша платками, объявили объ отставкѣ министерства Гизо и о прекращеніи возстанія. Въ одно мгновеніе битва остановилась, взаимное раздраженіе сразу улеглось. Народъ почувствовалъ вдругъ сожалѣніе къ изнуреннымъ солдатамъ, которые со вчерашняго дня дрались безъ пищи и отдыха. Побѣжали за виномъ и провизіей и усердно стали угощать тѣхъ, которыхъ только что готовы были растерзать. Это, конечно, не могло не повліять на солдатъ и не ослабить ихъ боевого жара, когда на слѣдующій день возобновилась борьба.

И въ страшные іюньскіе дни, когда отношенія солдатъ къ воставшимъ рабочимъ, благодаря усерднымъ стараніямъ правительства и буржуазіи, были совсѣмъ иныя, когда солдаты усмиряли возстаніе не только за страхъ, но и за совѣсть.—инсургенты старались, главнымъ образомъ, поражать изъ-за баррикадъ начальниковъ (генераловъ, офицеровъ), а не простыхъ солдатъ, которыхъ считали слѣпыми лишь орудіями. Этимъ объясняется громадный процентъ выбывшихъ изъ строя офицеровъ. Однихъ генераловъ было застрѣлено тогда 6 человѣкъ и еще шестеро получили болѣе или менѣе тяжкія раны!

Въ Германіи въ 1848 году во многихъ мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ, какъ напр., въ Ганноверѣ, въ Нассау, офицеры и солдаты нисколько не скрывали своего нежеланія драться съ народомъ, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ встрѣчали свистками и враждебными криками. Въ слѣдующемъ году, во время возстанія въ южной Германіи, много солдатъ переходили на сторону повстанцевъ, а въ Баденѣ они первые стали въ ряды востанія.

Объ Италіи, Испаніи нечего и говорить: тамъ случаевъ перехода войскъ на сторону народа было великое множество.

г) Мѣры правительства противъ отпаденія войскъ.

Правительства страшно боятся измѣны своихъ войскъ, ибо въ нихъ вся сила ихъ, безъ нихъ они, въ случаѣ возстанія, погибли. Поэтому они измышляютъ всевозможныя мѣропріятія, чтобы обезпечить себѣ ихъ вѣрность. Этой цѣли служитъ *вся система воинскаго воспитанія*, присяга, «словесность», дисциплина, суровыя наказанія и т. п.; объ этомъ здѣсь не мѣсто распространяться. Неблагонадежныя части они спѣшатъ расформировать, перевести куда-нибудь въ глушь, подальше отъ революціонныхъ очаговъ. Всѣми силами стремятся они разжечь въ войскахъ ненависть къ народу, къ «внутреннэму врагу», наигрывая на стрункѣ патріотизма, вѣрности присягѣ, преданности престолу и отечеству.

Мы видѣли уже выше, какъ 12-го іюля 1789 г. держали взаперти въ казармахъ ненадежныхъ гренадеровъ. Черезъ полвѣка французскій король Луи-Филиппъ, наученный опытомъ предшественниковъ, принималъ болѣе дѣйствительныя мѣры предосторожности: подозрительныя воинскія части переводились изъ Парижа въ Африку—въ Алжиръ, гдѣ онѣ таяли въ борьбѣ съ бедуинами. Парижъ взамѣнъ наводнялся алжирскими войсками, привыкшими свирѣпствовать въ Африкѣ. Къ этому же средству прибѣгло и французское буржуазное республиканское правительство предъ іюньскимъ возстаніемъ 1848 г. Оно еще болѣе богато опытомъ, чѣмъ Луи-Филиппъ, и, желая нанести рабочимъ рѣшительный ударъ, пустило въ ходъ всѣ средства, чтобы разжечь въ солдатахъ ненависть къ инсургентамъ и довести ихъ ярость до бѣлаго каленія. Реакціонныя газеты старались изъ всѣхъ силъ внушить солдатамъ убѣжденіе, что въ февралѣ имъ былъ нанесенъ позоръ, который они должны во что бы то ни стало смыть потоками крови рабочихъ.

А чего не дѣлали они во время самаго возстанія, во время кровавыхъ іюньскихъ дней! По городу распространялись всевозможные, нелѣпѣйшіе слухи. Въ правительственныхъ органахъ печати писалось, что на нѣкоторыхъ баррикадахъ видѣли цѣлые ряды воткнутыхъ на шесты человѣческихъ головъ, что, инсургенты погружали свои пули въ ядовитыя жидкости, а жены и дочери продавали солдатамъ отравленную водку, что плѣнниковъ обливали смолой и зажигали въ качествѣ факеловъ, или распиливали живьемъ между двумя досками, что изъ солдатскихъ череповъ дѣлали иллюминаціонныя лампочки и т. д., и т. д. Всѣ эти слухи, носившіе низкій, клеветническій характеръ, распускались нарочно съ цѣлью представить инсургентовъ въ глазахъ солдатъ извергами рода человѣческаго, отребьемъ, не заслуживающимъ никакой пощады. Опьянѣвшіе отъ водки и порохового дыма солдаты вѣрили всему, сражались и безчинствовали съ остервененіемъ. Такъ же вели они себя въ 1871 году при усмиреніи Парижской Коммуны.

д) Инсургенты и національная гвардія.

Все, что говорилось нами о регулярныхъ войскахъ, въ еще большей степени примѣнимо къ особому роду милиціи, носящему названіе «національной гвардіи». Происхожденіе ея революціонное. Во время Великой Французской Революціи, наканунѣ взятія Бастиліи, у парижскаго Городского Совѣта явилась мысль, въ противовѣсъ правительственнымъ войскамъ, устроить гражданскую милицію изъ 48 тысячъ человѣкъ, иными словами, вооружить часть гражданъ для того, чтобы они защищали свободу и права «народа» отъ посягательствъ со стороны королей и тирановъ. Главнымъ началь-

никомъ ея былъ избранъ генералъ Лафайетъ «герой стараго и новаго свѣта», какъ называли его пышно поклонники, «простофиля», какъ впослѣдствіи звалъ его насмѣшливо и резонно Наполеонъ. Во всѣхъ городахъ и деревняхъ Франціи образовались мѣстные отряды національной гвардіи по образцу парижской, и Лафайетъ былъ скоро сдѣланъ главнокомандующимъ всей французской національной гвардіи. Милиціонеры должны были на свой счетъ обзаводиться мундиромъ и оружіемъ и, по извѣстнымъ сигналамъ, обязаны были бросать свои текущія занятія и сбѣгаться немедленно въ сборные пункты для смотровъ или военныхъ дѣйствій, точь-въ-точь, какъ наши вольные пожарные обязаны по тревожному гудку, являться на пожарище.

Каждая изъ послѣдующихъ революцій обязательно вызывала какъ одинъ изъ неминуемыхъ своихъ аттрибутовъ, возникновеніе національной гвардіи. Такъ и въ Германіи, и въ Австріи, и въ Испаніи, и въ Бельгіи, и въ Италіи и т. д. Официальнымъ назначеніемъ ея была защита пріобрѣтеній революціи, конституціи свободы и правъ народа. Легко понять поэтому, что во всѣхъ послѣдующихъ политическихъ революціяхъ, гдѣ «народъ» т. е. часть буржуазіи рабочіе, возставалъ противъ абсолютистскихъ попытокъ королей, національная гвардія должна была, въ значительной своей части, становиться на сторону революціи. Но такъ какъ, съ другой стороны, эта національная гвардія въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ состояла изъ буржуазіи, то при тѣхъ возстаніяхъ, которыя начинали принимать пролетарскій характеръ, когда буржуазія начинала дрожать за сохранность своей «собственности», національная гвардія дѣлалась самой прочной опорой «порядка» и яростно поддерживала реакцію. Здѣсь мы остановимся подробно только на роли національной гвардіи въ февральской революціи, гдѣ она, безъ всякаго сомнѣнья, легла тяжеловѣсной гирей на чашку вѣсовъ революціи, и рѣшила ея побѣду.

«Несмотря на геройскій духъ инсургентовъ,—пишетъ Эритье въ своей «Исторіи французской революціи 1848 г.», — этотъ неравный бой не могъ продолжаться долго и несомнѣнно кончился бы пораженіемъ народа, если бы одно важное обстоятельство не увеличило въ высшей степени силы революціонеровъ. Національная гвардія, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ представителей средней буржуазіи, была призвана къ оружію. Она весьма неохотно и далеко не въ полномъ составѣ явилась на сборный пунктъ. Крупная буржуазія предпочла остаться дома, она вообще бываетъ недовольна, когда ее отрываютъ отъ ея обычныхъ удовольствій, особенно, когда дѣло пахнетъ порохомъ. Большая часть собравшихся батальоновъ національной гвардіи, состоявшихъ изъ средней буржуазіи, единогласно рѣшила, что имъ незачѣмъ защищать политику прави-

тельства. Они разошлись съ криками, ставшими въ эти дни лозунгомъ народа. «Да здравствуетъ реформа! Долой Гизо!»

Съ такими возгласами ходила національная гвардія по всему Парижу и, хотя сама не принимала активнаго участія въ сраженіяхъ, но своимъ вмѣшательствомъ смягчала борьбу, принимавшую подчасъ весьма острый характеръ. Около 2 часовъ пополудни 23 февраля 4-ый легіонъ національной гвардіи направился въ палату депутатовъ съ петиціей, въ которой требовалъ отставки Гизо. На площади Побѣды 3-ій легіонъ преградилъ дорогу кирассирамъ, которые готовились атаковать инсургентовъ. Въ предмѣстьѣ Сэнъ-Мартэнъ 5-ый легіонъ помѣшалъ муниципальной гвардіи (жандармеріи) арестовать инсургентовъ и заставилъ ее отступить въ свою казарму.

Такое поведеніе національной гвардіи приводило въ изумленіе регулярныя войска, которыя въ теченіе всѣхъ 18 лѣтъ царствованія Луи-Филиппа привыкли сражаться бокъ о бокъ съ ней противъ многочисленныхъ революціонныхъ возстаній, вспыхивавшихъ въ первую половину этого царствованія. Войска заражались оппозиціоннымъ настроеніемъ національной гвардіи, и обычная слѣпая готовность ихъ защищать тронъ значительно остывала. Вотъ для характеристики разговоръ между начальникомъ одного отряда 11 легіона національной гвардіи и армейскимъ батальоннымъ командиромъ.

— Какъ вы будете себя держать,—спрашиваетъ первый,—когда встрѣтитесь съ народной массой?

— Я буду дѣлать то же, что и вы—отвѣтилъ армейскій офицеръ.

— Я на нее не буду нападать...

— Я буду дѣлать то же, что и вы—вторично отвѣчаетъ линейный офицеръ.

Король, все время считавшій разразившееся возстаніе пустякомъ, съ которымъ онъ справится такъ же легко, какъ со всѣми предыдущими заговорами и безпорядками, потерялъ, однако, всю свою увѣренность, когда узналъ о такомъ поведеніи національной гвардіи. Всѣмъ дворомъ также овладѣла паника. Король, скрѣпя сердце, согласился на первую уступку—отставку Гизо; за этой сейчасъ же послѣдовали и дальнѣйшія уступки,—но было уже поздно. Волны революціи поднялись слишкомъ высоко и потопили безслѣдно Орлеанскую династію. Король спасся бѣгствомъ, и на мѣстѣ конституціонной монархіи провозглашена была республика.

e) Волынскій полкъ въ революцію 1917 г.

Народныя волненія, начавшіяся 23-го февраля въ Петро-

градѣ, превратились 27 февраля въ революцію. Это сдѣлали солдаты и первыми среди нихъ были Волынцы. Писать о роли солдатъ, о значеніи арміи въ нашей нынѣшней революціи это значитъ писать томъ. Чтобы не выходить изъ рамокъ этой книжки, приходится ограничиться только нѣсколькими строками, и эти строки, по справедливости, должны быть посвящены Волынцамъ. Разскажемъ въ самыхъ краткихъ чертахъ, «какъ это началось» [1]).

25 февраля... Заводы бастуютъ. Сталъ трамвай. Въ Волынскомъ полку говорятъ, что голодные люди вышли на улицу требовать хлѣба. Утромъ былъ произведенъ расчетъ *учебной команды*: ее раздѣлили на двѣ роты, ее готовили повести на улицы. Въ 8 часовъ утра вторая рота учебной команды получила приказъ итти на Знаменскую площадь и оставаться тамъ до 12 ч. ночи, не допуская стекаться на площадь народъ. Размѣстили ее по дворницкимъ на Кирочной, Въ 11 ч. дня ротный вызвалъ ее на улицу.

Съ Невскаго къ Знаменской площади двигалась, медленно колыхаясь, поющая толпа, а флаги метались надъ ней красными языками.

Рота Волынцевъ, съ ружьемъ къ ногѣ, настроилась противъ памятника Александру III. Толпа шла. Въ стонущемъ гулѣ голосовъ слышались и приказанія и мольба: — Не стрѣляйте! Неужели вы будете стрѣлять?.. Братья!

У многихъ солдатъ стояли слезы въ глазахъ. А фельдфебель Тимофей Кирпичниковъ обходилъ сзади цѣпи солдатъ и къ каждому наклонялся и каждаго товарищески предостерегалъ:

— Ребята, больше думайте, главное, больше думайте... Въ кого вы будете стрѣлять! Вѣдь наши, родные...

Откуда-то прискакали казаки. Повертѣлись, поцокали копытами лохматыхъ сибирокъ — лукавые чубари. Щурятъ глаза, посмѣиваются.. «не стрѣляй, молъ, братцы».

И рота волынцевъ, стѣсненная толпой, съ винтовками на изготовкѣ, съ забитыми боевыми патронами, проситъ разойтись, почти умоляетъ войти въ ихъ тяжелое положеніе...

26-го февраля въ 8 часовъ утра повели обѣ роты снова на улицу. Первую роту спустили въ подвалъ «Сѣверной Гостинницы», а вторая размѣстилась въ домахъ по Николаевской улицѣ. Былъ уже полдень, когда на Гончарной улицѣ вдалекѣ опять заколыхалась толпа демонстрантовъ. И казалось, эта толпа грознѣе тѣхъ толпъ, что были вчера. Гулъ голосовъ, нестройное пѣніе Марсельезы, — глухіе выкрики—сливались въ одинъ долгій, неумолкаемый вопль. Толпа плыла и гудѣла, какъ темный кипящій потокъ.

---

[1]) При изложеніи мы придерживались прекрасной книжки И. Лукаша „Волынцы“, изд. Временнаго Комитета Госуд. Думы.

Роту вывели. — «Залпъ!» — послышалась короткая команда. Не глядя въ толпу, поднявъ только повыше винтовки, цѣпь дала первый залпъ въ воздухъ, вверхъ. Но вдругъ надъ головами затарахтали пулеметы, и полилась первая кровь. Стрѣльба поднялась со всѣхъ сторонъ. Волынцы стрѣляли попрежнему вверхъ, но разсвирѣпѣвшій командиръ выхватывалъ винтовки и самъ стрѣлялъ въ толпу. Толпа разбѣгалась, катилась во всѣ стороны, какъ черный горохъ. Жались къ стѣнамъ домовъ рѣдкія кучки людей. Тискались къ запертымъ воротамъ. Падали въ снѣгъ. Пробовали приподняться, встать, бѣжать и падали снова. Въ 3 часа дня огонь былъ прекращенъ...

Въ эту ночь волынцы учебной команды не спали. У нихъ назрѣвало непреклонное рѣшеніе.

Настало утро 27-е февраля. Снова выстроилась учебная команда волынцевъ. За ночь переломъ совершился. Рѣшеніе назрѣло и было выполнено.

Когда явился ненавистный ротный, онъ увидѣлъ мрачныя лица, горящіе глаза. Нежданное громовое ура прорѣзало воздухъ, а младшій унтеръ офицеръ Марковъ крикнулъ:

— Мы больше не будемъ стрѣлять! Командиръ кинулся къ нему, но увидѣлъ, что погибъ. Марковъ вскинулъ винтовку на изготовку. Командиръ отбѣжалъ. И Кирпичниковъ тоже отступилъ отъ него на шагъ вправо, къ рядамъ,—командиръ остался одинъ передъ фронтомъ. Сразу стихло. Всѣ стояли, не шелохнувшись, только винтовки стискивали въ рукахъ.

400 паръ глазъ слѣдили за нервно бѣгавшимъ вдоль фронта командиромъ. Наконецъ, общее напряженіе вылилось въ одномъ дикомъ воплѣ:

— Уходи! Уходи! Мы не хотимъ тебя видѣть!

Точно сотни тяжелыхъ орудій открыли сплошную пальбу. Такой грохотъ стоялъ тогда въ коридорѣ.

Командиръ поблѣднѣлъ, какъ-то весь съежился и быстро выбѣжалъ вонъ, а на дворѣ догнала его чья-то мѣткая пуля.

Тимофей Кирпичниковъ принялъ команду...

Если бы у насъ былъ свой Талейранъ, то узнавъ объ этомъ событіи, онъ могъ бы, взглянувъ на часы сказать: «Отмѣтьте, господа, что 27-го февраля 1917 года, въ 9 часовъ 20 минутъ утра династія Романовыхъ перестала царствовать въ Россіи».

Дальнѣйшее шло, какъ во снѣ или въ волшебной феерія. На дворѣ гремитъ пальба вверхъ. Мѣдные рожки горнистовъ поютъ тревогу. Сбѣжались всѣ Волынцы:

— Правое плечо впередь, шагомъ маршъ—къ Литовцамъ, къ Преображенцамъ...

«По глухому Виленскому переулку сѣрымъ утромъ 27 фев-

раля, двигались въ боевомъ порядкѣ тѣни Волынцевъ. И лился по стали штыковъ быстрый блескъ.»

То сверкала свобода...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Еще о возстаніи.

a) Возстаніе стихійное и организованное.

Когда какая-нибудь партія или тайное общество или другая какая-нибудь сильная организація, задавшись цѣлью произвести революцію, дѣлаетъ заблаговременно всѣ необходимыя или возможныя приготовленія и въ заранѣе назначенный моментъ подымаетъ знамя возстанія, то такое возстаніе будетъ называться организованнымъ. Стихійнымъ же оно будетъ тогда, когда вспыхиваетъ внезапно, безъ надлежащей подготовки, безъ заранѣе условленнаго срока или опредѣленнаго плана, подъ вліяніемъ какого нибудь толчка извнѣ. Когда въ широкихъ массахъ накопилось достаточно недовольства и революціоннаго броженія, то тогда какого-нибудь новаго реакціоннаго распоряженія правительства или выдающейся по звѣрству расправы или вѣсти о вспыхнувшей у сосѣдей революціи бываетъ достаточно для взрыва возстанія.

Всѣ большія успѣшныя, т. е не задавленныя въ корнѣ революціи Европы начинались стихійно, напр., всѣ французскія, нѣмецкія, вѣнскія, часть итальянскихъ, великая англійская XVII вѣка и т. д. Наоборотъ, заговорщицкія попытки вызывать возстаніе обыкновенно сейчасъ же подавлялись. Это вполнѣ понятно. Всякое революціонное тайное общество непремѣнно ограничено въ количествѣ членовъ, такъ какъ иначе невозможно скрыться отъ правительственныхъ агентовъ; а разъ правительство своевременно узнаетъ о готовящейся революціи, то оно всегда постарается предпринять мѣры пресѣченія и предупрежденія: арестъ всѣхъ подозрительныхъ людей, усиленіе карауловъ, войскъ, конфискацію частнаго оружія и т. д., т. е. задушить возстаніе въ зародышѣ. Но если тайному обществу и удастся избѣжать всѣхъ разставленныхъ сѣтей со стороны шпіоновъ, провокаторовъ, болтуновъ, измѣнниковъ и предателей, то тогда ему грозитъ та опасность, что въ часъ, когда оно найдетъ своевременнымъ поднять знамя возстанія, массы, отъ которыхъ оно по необходимости отрѣзано китайской стѣной, за нимъ не пойдутъ, и все окончится

фіаско. Такая судьба постигла напримѣръ, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ заговорщицкихъ обществъ, какія знаетъ исторія — «Общество Временъ Года», созданное Бланки и Барбесомъ въ 1837 году во Франціи, скоро послѣ розгрома предыдущаго ихъ тайнаго общества «Фамилія». Оно приняло соціалистическій характеръ и преслѣдовало цѣлью, посредствомъ «соціальной и радикальной революціи», уничтожить господство денежной аристократіи. Было оно составлено съ такой ловкостью и руководимо съ такимъ искусствомъ, что могло окончить все свое организаціонное дѣло безъ того, чтобъ полиція имѣла хоть малѣйшее представленіе объ его существованіи.

Организація была мастерская. Каждыя 6 человѣкъ составляли «недѣлю», во главѣ которой стояло «Воскресенье»; 28 человѣкъ, т. е. 4 «недѣли» составляли «мѣсяцъ», которымъ командовалъ «Іюль»; 84 человѣка, т. е. три мѣсяца, образовывали «Время года», подъ начальствомъ «Весны», а 352 человѣка — «годъ» или батальонъ, командиръ котораго назывался «революціоннымъ агентомъ». Каждый членъ зналъ только своего непосредственнаго начальника. Собственныя имена были замѣнены нумерами. Никакихъ именъ не существовало, все письменное строжайше запрещалось. Смотры производились на открытой улицѣ и такимъ способомъ, что только вожди знали о присутствіи своихъ людей, которые оставались другъ другу неизвѣстны. Отъ «Верховнаго Комитета» зависѣло превратить такой смотръ, посредствомъ раздачи оружія, въ *возстаніе* безъ того, чтобы участники заранѣе догадались. Въ началѣ 1839 года это общество насчитывало уже 10 «Временъ года», т. е. 2½ «гѣда» или батальона, всего 850 человѣкъ, находившихся подъ начальствомъ Барбеса, Бланки и бывшаго унтеръ-офицера Мартина Бернара. Это должно было составить ядро арміи, къ которому при возстаніи по предположенію, должны были присоединиться тысячи добровольныхъ борцовъ.

12 мая 1839 года «смотръ» дѣйствительно былъ превращенъ въ возстаніе, заговорщикамъ удалось захватить Ратушу и провозгласить Временное Правительство, но, увы... массы за ними не послѣдовали... Къ вечеру возстаніе было задавлено, при чемъ было арестовано много участниковъ, въ томъ числѣ всѣ три командира. Ихъ судили. Бланки и Барбесъ были осуждены на смерть, но приговоръ былъ замѣненъ заключеніемъ въ тюрьму, откуда ихъ освободила лишь черезъ 10 лѣтъ стихійная февральска революція. Это было послѣднее заговорщицкое возстаніе во Франціи; всѣ предыдущія тоже кончались неудачей.

* * *

Скорѣе всего возможно организовать возстаніе, если оно но-

сить *національный* характеръ, т. е. имѣетъ цѣлью свергнуть господство иноземцевъ, чужого государства, чужого народа. Таковы были, напр., польскія возстанія 1831 и 1863 гг., возстаніе Ломбардіи противъ Австріи въ 1848 году. Здѣсь поднимающаяся масса (угнетаемыя нація) отдѣлена отъ чуждаго во всѣхъ отношеніяхъ правительственнаго механизма такой глубокой пропастью, что тайна можетъ быть удачно сохранена даже въ томъ случаѣ, когда въ подготовляющееся предпріятіе посвящены широкіе и разнообразные общественные слои.

Стихійность революціи конечно, исключаетъ предварительную подготовку, но зато она имѣетъ неоцѣнимую положительную сторону, такъ какъ, на сцену выступаютъ массы, а правительство народный взрывъ застаетъ врасплохъ, когда не принято еще необходимыхъ мѣръ пресѣченія.

Тѣ, кто представлялъ себѣ революцію въ образѣ организованнаго всенароднаго возстанія, впадали въ ошибку. Такого рода возстанія есть утопія. Но вполнѣ возможно, что частичное возстаніе, сознательно поднятое въ одномъ мѣстѣ, захватываетъ ближайшія мѣстности, перекидывается съ быстротой телеграфнаго тока на отдаленныя и превращается во всеобщее возстаніе. Пролетарскія партіи имѣютъ въ революціонную эпоху двойную задачу: политическую, т. е. безпрерывное развитіе сознанія рабочихъ, и техническую, т. е. подготовку матеріальныхъ элементовъ, необходимыхъ для успѣха революціи. Конечно, техническая сторона возстанія должна быть подчинена политической, но она никоимъ образомъ не должна остаться на заднемъ планѣ. Партія, желающая побѣдить во время революціи и посредствомъ революціи, заботится о томъ, чтобы начавшаяся подъ вліяніемъ ея организованной дѣятельности революція нашла и умѣлыхъ военныхъ руководителей, и знакомство какъ съ сильными, такъ и съ уязвимыми сторонами врага. Она широко пользуется опытомъ европейскихъ революцій и знакомитъ съ нимъ массы. Всѣ западно-европейскія революціи XIX вѣка были богаты традиціями предшествовавшихъ движеній, и это обстоятельство до извѣстной степени компенсировало, стихійность внезапнаго взрыва революціи.

Въ нашей нынѣшней революціи, въ полномъ смыслѣ слова стихійной, переворотъ носилъ такой феерической, сказочный характеръ потому, что сейчасъ же нашлись люди, которые повели его твердой рукой, которые быстро создали огранизаціонные центры въ лицѣ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и Временнаго Правительства, которые стремительно приняли всѣ мѣры для обезвреженія правительственнаго механизма, двора и черной сотни, переловили всѣхъ опасныхъ лицъ, организовали милицію, временный революціонный судъ, органы печати, оповѣстили армію, флотъ,

провинцію, выработали вполнѣ демократическую платформу для ближайшаго времени, провели немедленную амнистію и т. д. и т. д. Люди, знавшіе такъ хорошо, что надо въ такой моментъ дѣлать и какъ надо дѣлать, несомнѣнно были знакомы съ исторіей прежнихъ революцій и помнили опыты своей собственной революціи. Въ особенности сказалось эта на той *лихорадочной быстротъ*, на той чудовичной энергіи, съ которой проводились и осуществлялись всѣ эти мѣропріятія. Возстаніе сразу приняло бурно *наступательный* характеръ, согласно завѣту Карла Маркса въ 1851 году.

б) *Борьба наступательная и оборонительная.*

Вотъ что писалъ Карлъ Марксъ о вооруженномъ возстаніи въ своихъ статьяхъ «Революція и контръ-революція въ Германіи».

Возстаніе такое же искусство, какъ война и всякія другія искусства, и такъ же, какъ они, починяется извѣстнымъ правиламъ, несоблюденіе которыхъ приводитъ возставшихъ къ гибели. Правила эти, логически вытекающія изъ сущности партіи и изъ соотношеній, съ которыхъ она имѣетъ дѣло, очень ясны и просты; короткаго опыта 48 года было достаточно для ознакомленія съ ними. Прежде всего не играть въ возстаніе, если нѣтъ рѣшимости противостоять всѣмъ послѣдствіямъ; востанія—это вычисленіе съ очень неопредѣленными величинами, значеніе которыхъ каждый день можетъ измѣниться. Противникъ, съ которымъ борется возстаніе, имѣетъ превосходство, благодаря своей организаціи, дисциплинѣ и издавна пріобрѣтенному авторитету; если не противопоставить ему могучихъ силъ, надо ожидать страшнаго пораженія,. Когда, однако, возстаніе началось, слѣдуетъ наступать съ величайшемйъ рѣшительностью и нападать первымъ. Оборонительная война—смерть для вооруженнаго возстанія; его участь въ такомъ случаѣ предрѣшена, когда оно еще не столкнулось съ непріятелемъ. Надо захватить противника врасплохъ, прежде чѣмъ онъ успѣетъ собрать силы. Надо стараться одерживать ежедневныя, хотя бы и небольшія, побѣды и воспользоваться нравственнымъ превосходствомъ, которое даетъ побѣдоносное начало возстанія; надо, наконецъ, заставить врага отступить раньше, чѣмъ онъ еще успѣетъ собрать свои силы; однимъ словомъ, повторяя выраженіе Дантона, величайщаго до сихъ поръ мастера въ революціонной тактикѣ, требуется смѣлость, еще смѣлость и опять-таки смѣлость!»

«Въ войнѣ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ той же книги,— и въ особенности въ революціонной борьбѣ, первое правило—быстрота дѣйствій во все время, покуда не будетъ нанесенъ послѣдній рѣшительный ударъ; мы это утверждаемъ смѣло, исходя изъ чисто военныхъ посылокъ...»

Изъ этой выдержки видно, что Марксъ былъ противъ того, чтобы играть въ возстаніе, если нѣтъ рѣшимости противостоять всѣмъ послѣдствіямъ. И это особенно важно, когда приходится не итти вслѣдъ за стихійно вспыхнувшимъ возтаніемъ, а сознательно его подымать, что часто являлось организованнымъ отвѣтомъ на первыя контръ-революціонныя попытки окрѣпнувшей реакціи.

Особенно богата была смѣлыми нападеніями, великими внезапными и своевременными массовыми аттаками Великая Французская Революція. Начиная съ 1789 года она на каждую попытку попятнаго движенія со стороны контръ-революціи отвѣчала стремительнымъ и рѣшительнымъ ударомъ, почти неизмѣнно сопровождавшимся удачею.

11 іюля 1789 года король уволилъ либеральнаго министра Неккера,—народъ отвѣтилъ на это 14 іюля штурмомъ и взятіемъ сильной внутренней крѣпости—Бастиліи, состоявшей изъ 8 крѣпкихъ башенъ, со стѣной въ 9 футовъ толщины, со рвомъ въ 25 футовъ глубины, съ подъемными мостами. Черезъ 2 дня крѣпость эта была совершенно стерта съ лица земли.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого грознаго предупрежденія, и королевскій дворъ, напуганный и возмущенный прогрессивнымъ развитіемъ революціи, началъ снова готовить ей ударъ. Король стянулъ въ свой Версальскій дворецъ, находящійся недалеко отъ Парижа, много войскъ и удвоилъ караулы. Чтобы внушить имъ преданность двору, были устроены 1 и 3 октября пиршества, на которыхъ участвовали всѣ офицера, и гдѣ, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ и обворожительныхъ улыбокъ придворныхъ дамъ, развязались языки и открыто произносились угрозы по адресу народа и Учредительнаго Собранія.

На это парижане отвѣтили 5 октября маршемъ въ Версаль, ворвались во дворецъ и заставили королевское семейство переѣхать въ Парижъ, гдѣ за дѣйствіями его легче было слѣдить.

Въ концѣ іюля 1792 года непріятельская армія изъ австрійцевъ и пруссаковъ, призванная французскими эмигрантами-дворянами противъ собственной родины, двинулась на Францію, и главнокомандующій герцогъ Брауншвейгскій выпустилъ манифестъ къ французамъ, полный свирѣпыхъ угрозъ за дурное обращеніе съ королемъ. На это парижане отвѣтили 10 августа массовымъ нападеніемъ на королевскій дворецъ Тюльери, при чемъ съ обѣихъ сторонъ погибло около 3—4 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ до 700 швейцарскихъ солдатъ-тѣлохранителей; королевская семья была захвачена и заключена въ тюрьму; короля судили и казнили.

Не останавливаясь дольше на другихъ многочисленныхъ движеніяхъ народныхъ массъ въ эту великую революцію, направленныхъ противъ нерѣшительныхъ или реакціонныхъ дѣйствій парламента (конвента), приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ другихъ революцій.

Вѣнская революція 14 марта, свергшая самодержавіе австрійскаго императора, началась массовымъ движеніемъ на императорскій дворецъ, а въ дальнѣйшемъ выразилась въ рядѣ побѣдоносныхъ вооруженныхъ нападеній на правительство, — 15 мая (когда оно хотѣло распустить Центральный Комитетъ, составленный изъ представителей національной гвардіи и студенческой организаціи — «академическаго легіона»), 26 мая (когда правительство хотѣло распустить академическій легіонъ), 6 октября (когда правительство рѣшило отправить австрійскія войска для подавленія италіанскаго возстанія). Всѣ эти движенія имѣли полный успѣхъ.—Когда же Вѣнѣ пришлось сейчасъ же послѣ этого перейти въ оборонительное положеніе противъ двинувшихся на нее 3 императорскихъ армій, то дни революціи были сочтены. 30 октября Вѣна сдалась, и скоро все вернулось въ первобытное дореволюціонное состояніе.

Чаще всего низверженіе существующаго политическаго строя производилось посредствомъ военныхъ дѣйствій, носившихъ смѣшанный оборонительно-наступательный характеръ. Іюльская и февральская революціи въ Парижѣ, мартовская въ Берлинѣ, многія итальянскія сопровождались постройкой многочисленныхъ баррикадъ. Скрываясь за ними, инсургенты защищались отъ нападенія правительственныхъ войскъ, а опираясь на нихъ, какъ на базисы, они производили нападеніе на дворецъ, ратушу и другіе важные пункты, забирали одну правительственную позицію за другой.

в) Руководительство во время возстанія.

Отъ того, что почти всѣ революціи совершались стихійно, не могли онѣ имѣть общаго, всѣми признаннаго руководительства. Событія развиваются такъ быстро и такъ неожиданно, что тамъ, гдѣ и существовали революціонныя организаціи, онѣ не успѣвали во время осмыслить важность происходящаго и не имѣли настолько силы и авторитета, чтобы дать революціи опытныхъ вождей и военныхъ главнокомандующихъ. Руководители появлялись такъ же стихійно, какъ сама революція. «Во время революціи каждый сапожникъ можетъ быть генераломъ... Достаточно для этого нарядиться въ генеральскій мундиръ». Такой опытъ вынесъ изъ іюльской революціи 1830 г. нѣкій Дюбургъ, ставшій на одинъ день главнокомандующимъ чуть ли не всего революціоннаго Парижа.

Въ своей страстной жаждѣ обрѣсти командира, народъ нерѣдко ухватывается за популярныя имѣна либеральныхъ военныхъ чиновъ: такъ напр., въ іюльскую революцію, онъ сложилъ свою побѣду на руки Лафайета. Но такіе руководители приносятъ несравненно больше вреда, чѣмъ пользы. Истые либералы, двуличные,

какъ Янусъ, преданные цѣликомъ интересамъ буржуазіи, они стараются использовать свое вліяніе, свою внезапно выросшую силу, чтобы направить движеніе на путь компромиссовъ и переговоровъ, чтобы притупить его энергію и помѣшать добиться рѣшительнаго переворота.

Большую роль въ революціяхъ, опять-таки въ смыслѣ использованія ея результатовъ, играли редакціи оппозиціонныхъ газетъ. Редакція есть до извѣстной степени организованный мірокъ: редакторъ, сотрудники, близкіе знакомые, постоянные подписчики и единомышленники составляютъ довольно тѣсную компанію, обладающую притомъ всѣмъ извѣстнымъ сборнымъ пунктомъ—помѣщеніемъ редакціи; у нея кромѣ того въ рукахъ могучее средство въ лицѣ типографіи, газеты, группы разносчиковъ. Неудивительно поэтому, что въ революціонные дни редакціи нѣкоторыхъ оппозиціонныхъ газетъ становились настоящимъ муравейникомъ, куда безпрерывно стекались журналисты, гдѣ суетились совѣщались, волновались, кипятились, куда ежеминутно прилетали «курьеры» съ вѣстями о ходѣ развивающихся событій. Покуда на улицахъ народъ, главнымъ образомъ, пролетаріатъ, мужественно и самоотверженно проливаетъ потоками свою кровь, умные журналисты, сидя у себя въ комнатѣ, выслушиваютъ донесенія своихъ адъютантовъ и, сообразно съ ходомъ борьбы, придумываютъ различныя политическія комбинаціи, на чемъ сойтись съ королемъ, на какихъ реформахъ съ нимъ примириться, какого новаго короля посадить вмѣсто прежняго, изъ кого составить временное правительство. Такъ, въ іюльскую революцію въ редакціи газеты National придумывался и вырабатывался проектъ призванія на королевскій тронъ вмѣсто Карла X Бурбона—Луи Филиппа Орлеанскаго. Такъ, въ февральскую революцію 1848 года въ редакціяхъ газетъ National и Reforme составлялись списки кандидатовъ во Временное Правительство. Эти проекты имѣли тѣмъ больше значенія, что газеты эти являлись до извѣстной степени органами и выразителями опредѣленныхъ партій—буржуазно конституціонной, республиканской.

Аналогичную роль играли въ тѣхъ странахъ, гдѣ до революціи существовала представительная форма правленія, оппозиціонные члены парламента. Они собираются на совѣщаніе и выдвигаютъ изъ своей среды комитеты, которые объявляютъ себя въ подходящій моментъ законной властью. Мы видѣли это въ іюльскую революцію. То же самое было и въ день государственнаго переворота Наполеона III, то же самое произошло и 4 сентября 1870 при паденіи второй имперіи то же самое повторилось бы и у насъ теперь, если бы не было *соціалистическихъ пролетарскихъ партій*.

г) *Революціонныя эмблемы. Красное знамя.*

Закончимъ эту часть нашей книги нѣсколькими словами о революціонныхъ эмблемахъ, въ частности о происхожденіи того краснаго знамени, которое развѣвается нынѣ по всей Россіи, какъ общепризнательный *символъ революціи.* Не всегда *красный* цвѣтъ былъ этимъ символомъ. Во время Великой Французской революціи— таковымъ служило трехцвѣтное» которое ведетъ свое начало съ 16-го іюля 1789 года, сейчасъ послѣ взятія и разрушенія Бастиліи. Въ этотъ день генералъ Лафайетъ, ставшій начальникомъ парижской національной гвардіи, далъ ей военную организацію и снабдилъ красно бѣло-синими кокардами. Съ этого момента указанное сочетаніе цвѣтовъ стало эмблемой революціи. Красный и синій цвѣтъ были цвѣтами третьяго сословія города Парижа, бѣлый — цвѣтомъ Бурбоновъ. Бѣлый цвѣтъ былъ вставленъ между краснымъ и синимъ, и это должно было означать единство всѣхъ 3 сословій и примиреніе короны съ народомъ.

Любопытно, что всего за нѣсколько дней передъ тѣмъ цвѣтомъ революціи чуть не сталъ зеленый. Передъ нападеніемъ на Бастилію знаменитый ораторъ Камиллъ Демуленъ сорвалъ съ ближайшаго дерева листъ и прикрѣпилъ къ своей шляпѣ. Вся толпа послѣдовала его примѣру. Зеленый цвѣтъ, цвѣтъ надежды, сталъ, такимъ образомъ, символомъ патріотовъ революціонеровъ, но сейчасъ же спохватились, что онъ же былъ цвѣтомъ графовъ Артуа (графъ Артуа былъ братъ короля).

Трехцвѣтное французское знамя держалось во Франціи вплоть до паденія Наполеона. Съ его побѣдоносными батальонами оно обошло всю Европу. вплоть до Москвы. Реставрація возстановила бѣлый цвѣтъ Бурбоновъ. Іюльская революція снова вернула во Францію трехцвѣтное знамя, которое существуетъ въ ней и по сію пору и ужъ, конечно, никакой идеи революціи собою не изображать. Изъ-за этого терехцвѣтнаго знамени, если вѣрить историкамъ, разстроились будто бы въ 1873 году шансы монархистовъ одарить Францію снова королемъ. Уже шли переговоры между обѣими ихъ фракціями легитимистами и орлеанистами о компромиссѣ, а именно, чтобы королемъ пригласить Шамбора (Бурбона), а наслѣдникомъ провозгласить графа Парижскаго (изъ Орлеанскаго дома). Но вся комбинація разбилась якобы изъ-за упорства Шамбора, не пожелавшаго отказаться отъ бѣлаго знамени въ пользу трехцвѣтнаго.

Въ 1832 году на демонстраціи республиканцевъ революціонеровъ при похоронахъ генерала Ламарка появилась на сцѣну въ качествѣ эмблемы революціи *красное* знамя. Этотъ цвѣтъ имѣлъ странную исторію. Во время Великой Французской Революціи, съ

конца 1791 года, т. е. скоро послѣ выборовъ въ Законодательное Собраніе, въ моду вошла у главарей революціи красная, такъ называемая фригійская шапка. Случилось это вотъ какимъ образомъ. Возставшіе въ городѣ Нанси солдаты Шатовьесскаго полка были приговорены къ работамъ на галерахъ и впослѣдствіи помилованы. Брестскіе якобинцы, желая оказать имъ особенную честь, взяли у нихъ *красныя шапки галерныхъ каторжниковъ* и надѣли на свои головы. Съ того времени этотъ головной уборъ сталъ общераспространеннымъ, главнымъ образомъ, у жирондистовъ, т. е. у умѣренной, буржуазно-революціонной партіи. И въ то же самое время *красное знамя* было знакомъ реакціи, военнаго положенія. 17 іюля 1791 года Лафайетъ жестоко расправился съ помощью своихъ національныхъ гвардейцевъ съ народомъ на Морскомъ полѣ, куда онъ стекся въ большомъ количествѣ съ цѣлью подписать петицію о сверженіи короля. Требуя, чтобы толпа разошлась, онъ развернулъ красное знамя въ знакъ военнаго положенія, а народъ кричалъ: «Долой красное знамя!». [1])

Однако съ 1832 года красное знамя сдѣлалось прочной эмблемой революціи, какъ бы изъ чувства противорѣчія, именно потому, что оно развертывалось правительственными агентами всякій разъ, когда именемъ закона требовали, чтобы сборище разсѣялось. Во всѣхъ послѣднихъ возстаніяхъ, напримѣръ, въ февральскую революцію 1848 г., красное знамя развѣвалось на всѣхъ баррикадахъ. И когда февральская революція имѣла полный успѣхъ и закончилась учрежденіемъ республики, то на слѣдующій день 25 февраля, огромная толпа народа собралась передъ ратушей, гдѣ засѣдало избранное наканунѣ временное правительство, и потребовала замѣны трехцвѣтнаго знамени, символа павшей монархіи, краснымъ знаменемъ, эмблемой новаго порядка, новыхъ чаяній и стремленій. Временному правительству это было совсѣмъ не по вкусу, и одинъ изъ членовъ его—Ламартинъ, извѣстный поэтъ и краснобай, взялся переубѣдить народъ и удачной напыщенной фразой сразу измѣнилъ настроеніе у впечатлительнаго, такъ легко поддающагося блескамъ краснорѣчія французскаго пролетаріата. «А, ваше красное знамя,—воскликнулъ онъ,—гулявшее по Марсовому полю, гдѣ его влачили въ крови народа,—развѣ его можно сравнить съ нашимъ трехцвѣтнымъ, обошедшимъ весь міръ съ именемъ, славою и свободою отечества?» Взрывъ апплодисментовъ и многотысячное «ура» показали, что Ламартинъ выйдетъ побѣ-

---

[1]) Ж. Ренаръ опровергаетъ этотъ ходячій разсказъ, указывая, что Балльи мэръ города Парижа, былъ потомъ осужденъ именно за то, что велѣлъ тогда стрѣлять въ гражданъ, *не развернувъ* знамени, предупреждающаго о примѣненіи огня.

дителемъ изъ этого столкновенія. Такъ оно и случилось. Народъ не настаивалъ болѣе, и трехцвѣтное знамя осталось за молодой республикой.

Впрочемъ, въ видѣ утѣшенія, правительственная газета «Мониторъ» отъ 27 февраля оповѣстила, что «какъ знакъ объединенія и знакъ признательности за послѣдній актъ народной Революціи, члены Временнаго правительства и другія власти будутъ носить *Красный значекъ*, который будетъ помѣщенъ также и на древкѣ знамени.

Въ іюньскіе дни красное знамя развѣвалось на всѣхъ баррикадахъ, какъ чисто пролетарскій символъ, какъ антитезъ буржуазной республикѣ. Съ того времени оно окончательно становится знаменемъ соціалистическихъ партій, вытѣснивъ всѣ остальные цвѣта, какъ, напр., черный, который фигурировалъ въ Ліонскомъ возстаніи 1831 г. и много позднѣе сталъ цвѣтомъ анархистовъ.

Русская революція 1917 года сразу сдѣлала красный цвѣтъ общепризнанной эмблемой. Красное знамя рѣетъ повсюду, надъ шпицемъ Петропавловской крѣпости, надъ дворцами, станціонными зданіями, дредноутами и надъ полками революціонной арміи. Это единственная революція, единственная страна, единственный примѣръ. До сихъ поръ это было только въ мечтѣ. До сихъ поръ это пѣлось только въ пѣснѣ:

Надъ міромъ наше знамя вѣетъ
И несетъ кличъ борьбы, мести громъ.
Сѣмя грядущаго сѣетъ,
Оно горитъ и ярко рдѣетъ,
То наша кровь горитъ на немъ!

Оглавленіе.

Стр.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „КНИГА“

Петроградъ, Невскій пр., 74, тел. 131-49.

Отдѣленія: { **Петроградъ, Стремянная, 11, тел. 648-62.**
Москва, Б. Садовая, д. Пигитъ, 10, кв. 33, тел. 5-60-22.

Оленевъ. — Рабочій день и революція	1.—40 к.
Ежовъ. — Пути рабочей Коопераціи на Западѣ и у насъ .	80 „
В. Керженцевъ. — Республики молодежи . .	35 „
Его же. — Борьба за землю и волю въ Ирландіи	90 „
Его же. — Какъ вести Собраніе .	35 „
Его же. — Новая Англія .	2.—50 „
Его же. — Библіотека соц.-демократа 3-е изд. .	2.—— „
А. Мартыновъ. — Очеркъ русской исторіи ч. I. . .	1.—20 „
М. Лурье (Ларинъ). — Германское профессіональное движеніе и война	1.—20 „
Его же. — Трудовая повинность и рабочій контроль .	2.—50 „
Семковскій. — Кооперативы и соціализмъ .	20 „
Его же. — Національный вопросъ въ Россіи . .	30 „
Мартовъ. — Пролетаріатъ и національная оборона	40 „
Клейнбортъ. — Первый Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ	40 „
Ковровъ. — Искусство народу .	40 „
Луначарскій. — Развитіе Интернаціонала	40 „
Б. Горевъ. — Анархисты, максималисты и махаевцы.	1.—50 „
Астровъ. — Почему воюетъ Франція . .	35 „
В. Майскій. — Культурно-просвѣтительная работа среди пролетаріата .	90 „
Блюмъ. — Организація верховной власти .	45 „
Л. Хейсинъ и Шегло. — Чему учатъ соціалъ-демократы.	35 „
Бинштокъ. — Да здравствуетъ Интернаціоналъ . .	30 „
П. Роль (Розенталь). — Вокругъ переворота. (Пути революцій)	2.—80 „

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Р. Гильфердингъ. — Финансовый капиталъ. Цѣна по подпискѣ до 1-го Января 1917 г.	10—— „

Книжный складъ „КНИГА“ поставилъ себѣ задачей имѣть въ продажѣ всѣ изданія марксистскаго направленія, а также всю выходящ. литературу друг. соціалистическихъ партій по рабочему и крестьянскому вопросамъ. Общественнымъ организаціямъ предоставляется скидка. Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежемъ при полученіи задатка въ трет стоимости. Каталогъ безплатно.

Цѣна 2 руб. 80 коп.

Издательство „КНИГА“.
Петроградъ, Невскій пр., 74, телеф. 131-49.

ОТДѢЛЕНІЯ: Петроградъ, Стремянная, 11, тел. 648-62.
Москва, Б. Садовая, д. Пигитъ, 10, кв. 33, тел. 560-22.